

агломерация / agglomeration

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

9 агломерация / agglomeration

Спонсоры номера

ОАО

«Иркутскгражданпроект»

тел.: 3952 34-23-06
факс: 3952 20-23-15
e-mail: irgp@irgp.ru

ООО «ИНГЕО»

тел.: 3952 211 327
3952 211 329
факс: 3952 200-001
e-mail: ingeo@list.ru

события

Новости Союза архитекторов.....	II
Конференция в Харбине.....	III
Практика в Германии, Дании.....	IV
Выставка немецкой архитектуры в Иркутске.....	VI

новостройки

Новинский бульвар.....	VIII
Сдержанно, почти по-европейски.....	XII

проект

Бумажный проезд.....	XV
«Жуковка».....	XVIII

трибуна

Органическая архитектура.....	XX
Что можно сэкономить в туалете (философия аскетизма в интерьере).....	XXIV

интернет-дайджест

интернет-дайджест.....	XXVIII
------------------------	--------

выставка

Проживопись.....	XXIX
АРДИ.....	XXXIV

новые технологии

«ИНГЕО – 15 лет».....	XXXVIII
-----------------------	---------

фантазмы

Андрей Шолохов.....	XL
---------------------	----

sos

Еврейский некрополь в Лисихе.....	XLI
-----------------------------------	-----

фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2006»

Хроника фестиваля.....	XLII
Звездный десант.....	XLIV
Круглый стол.....	XLVIII
Монитор.....	XLX
Каталог.....	XLXIII

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала **проект россия** Барту Голдхоорну и издательству **А-Фонд**

адрес редакции

г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru

главный редактор

Владимир Бух
координатор проекта
Елена Григорьева
редактор раздела «События»
Хадича Дулатова
редактор раздела «Интернет-дайджест»
Наташа Шкедова
редактор раздела «Русский Восток»
Николай Крадин
менеджмент и верстка
Светлана Середенкина

корректор

Галина Костина
отдел рекламы
Ольга Павлова
Александра Рябченко
Надежда Недаболук
Евгений Большаков

Выражаем благодарность за участие в подготовке номера
Константину Позднякову,
Татьяне Анненковой,
Константину Лидину,
Екатерине Протасовой,
Михаилу Крыжаеву

печать

ОАО «Иркутская областная типография № 1»
им. В.М. Посохина
Тираж 999 экз.
Подписано в печать 31.08.06
периодичность
4 раза в год
Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция

ответственности не несет
Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов

на обложке

INTERARCH'2006 принес иркутянам награду Международной Академии Архитектуры – **серебряную медаль** получил проект жилого дома «Russian Residents Hip Fortress», выполненный в Иркутскграждан-проекте в мастерской Алексея Буйнова. Авторы: Алексей Буйнов, Наталья Носова, Марианна Гнедаш. XI Всемирная архитектурная выставка-триеннале «ИНТЕРАРХ-2006» состоялась 14-17 мая сего года в Софии.

Подробнее о Всемирной триеннале ИНТЕРАРХ расскажет web-site – www.iaa-ngo.org

Советник РААСН Марк Меерович, член-корреспондент РААСН Владимир Павлов, академик РААСН Юрий Бочаров, советники РААСН Екатерина Протасова и Виктория Астраханцева, член-корреспондент РААСН Елена Григорьева, советник РААСН Александр Колесников

Номинант на Губернаторскую премию

Правление Иркутской региональной организации САР рассмотрело четыре объекта, претендующих на ежегодную премию губернатора Иркутской области в номинации «Архитектура».

После долгих дебатов члены правления в качестве

Сессия РААСН в Санкт-Петербурге

С 23 по 28 мая 2006 г. в Санкт-Петербурге прошла ежегодная сессия Российской академии архитектуры и строительных наук, посвященная теме «Проект и реализация – гаранты безопасности жизнедеятельности». Сессия совпала с празднованием Дня города, который отмечали 27 мая, а накануне – 24 мая – там открылась выставка «Градостроительное величие Санкт-Петербурга», где были представлены 30 Генеральных планов, действовавших с 1706 г. Редкий город России может похвастаться такой четко структурированной застройкой

и таким богатым архивом градостроительной документации, как северная столица, заложенная Петром Великим.

О том, какое значение в Санкт-Петербурге придают Генеральным планам и градостроительным проблемам, говорит то, что в открытии выставки приняла участие губернатор Валентина Матвиенко, президент РААСН Александр Кудрявцев и президент Союза архитекторов России Юрий Гнедовский. А еще питерцы в День города отметили 300-летие Комитета по градостроительству и архитектуре, сыгравшему немалую роль в сохранении исторического центра.

Пленарные заседания сессии РААСН прошли в Та-

рическом дворце, в отреставрированном зале заседаний первой Государственной Думы Российской империи. В рамках сессии прошли три крупных стола по темам: «Проект и его реализация – гаранты дозволенного», «Безопасность страны через архитектуру и строительство. Современные технологии как основа безопасности», «Национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». Проблемы и пути реализации».

Иностранным гостем был на этот раз известный испанский архитектор Рикардо Бофилл, выступивший с лекцией в заключительный день сессии.

номинанта на премию представили пешеходную улицу в Торговом комплексе «Фортуна» как образец высокого уровня благоустройства города.

Авторы проекта: Владимир Стегайло, Олег Бадула, Юлия Лифантьева.

Материалы об объекте публикуются в разделе «Новостройки» этого номера.

Объективность внутри – название конкурса, который проводится уже в третий раз в Интернете. Тема, как видно из названия, – интерьеры. Число работ продолжает увеличиваться и достигло 41. Победители определены путем голосования четырех различных автономных групп жюри:

- иностранные архитекторы и дизайнеры;
- российские архитекторы и дизайнеры;
- студенты и общественность;
- пресса и представители специальных периодических изданий по дизайну и архитектуре.

Итоги подведены 12 июня. **1 место** в номинации «Реализация общественного интерьера» – Персональная творческая мастерская Мар-

ка Мееровича, г. Иркутск. Авторы проекта: Андрей Якубовский, Марк Меерович, Наталья Шубина. Тот же коллектив занял **2 место** в номинации «Реализация частного интерьера».

Дополнительную информацию можно найти на сайте: www.a3d.ru/konkurs/inside2006/index.php

Китайско-российский форум

22-23 июля 2006 года в Харбине состоялся «Китайско-Российский форум на высшем уровне на тему архитектурных стилей и проектирования городов», организованный Китайским ученым обществом по планированию города, Китайским архитектурным ученым обществом, Союзом архитекторов России и Харбинским народным правительством. Главным организатором и исполнителем всех мероприятий форума стало Харбинское управление по планированию города. С китайской стороны в работе форума принимали участие видные специалисты не только из Харбина, но и из городов Пекина, Шанхая, Шеньчжэня и др. На открытии форума и в первый день его работы присутствовал представитель Российского консульства в Шеньяне.

Делегацию СА России из 10 человек, представителей Москвы и Санкт-Петербурга, возглавлял Президент Союза

московских архитекторов В.Н. Логвинов. Кроме того, в форуме принимали участие 5 представителей дальневосточных городов Хабаровска и Владивостока. Примечательно, что все 15 участников с российской стороны выступили со своими докладами и сообщениями, в том числе четверо на пленарном заседании (В. Н. Логвинов, А. В. Боков, Н. П. Крадин, В. И. Лучкова). Большинство докладов как с российской, так и с китайской стороны были посвящены современным проблемам градостроительства и архитектуры. Особый и неподдельный интерес у всех участников форума вызвал богато иллюстрированный доклад профессора, доктора архитектуры Н.П. Крадина «Русские архитекторы в Китае: первая половина XX века».

Нельзя не отметить, что форум был прекрасно организован. Все гости проживали в современной высотной

гостинице «Виктория» (Хуа-ци). Здесь же были организованы несколько выставок, а сами заседания проходили в конференц-залах при этой же гостинице. Гостям была предоставлена возможность побывать на автобусной экскурсии по современному и историческому Харбину. Форум продемонстрировал, с одной стороны, огромные успехи наших соседей в области строительства, а с другой - выявил их неослабевающий интерес ко всему новому, что происходит в области строительства и архитектуры не только в России, но и в других странах.

Николай Крадин

На форуме

Ежегодная учебно-ознакомительная практика в Германии, Дании

В июле месяце студенческая группа в составе 25 человек участвовала в программе учебно-ознакомительной практики в Германии, Дании сроком более двух недель.

Берлин – географический фокус для городов европейской части, как прежде, так и сегодня столичный город, в котором можно увидеть динамичные трансформации под влиянием глобальных изменений. Берлин позиционируется как мировой город с интернациональным стилем и обаянием. Копенгаген, а нам его назвали Коппе – долгое время погруженный, как спящая красавица в сон, выиграл в своем экономическом и культурном значении. Развитие пространства таких метрополий, вероятно, могут рассматриваться в их градостроительном развитии в качестве примера для других городов.

Программа практики началась для группы студентов уже в Москве со знакомства с проектными бюро, где им потребовалось разобраться в структуре современного проектного бюро, процессе проектирования, строительства и некоторых технических проблем, связанных с проектированием зданий. В последующих встречах в лучших проектных бюро Берлина и Копенгагена группе представилось возможность сопоставить, проанализировать и критически осмыслить культуру профессиональной проектной деятельности и социальный эффект ее результатов.

В первый же день пребывания в Берлине у студентов состоялась встреча с образцами архитектуры мирового уровня, что потребовало знаний творчества, как современников, так и архитекторов прошлого, которые достигли самых высоких стандартов в архитектуре. Каждый последующий день экскурсий новейших общественных комплексов Берлина требовал от группы адекватного знания истории и теории архитектуры и синтеза искусств, технологий и гуманитарных наук. Несмотря на заметное превосходство объектов современной архитектуры в программе экскурсий, студентам предлагалось про-

явить критическое понимание отношений между текущими событиями и историей архитектуры.

Современный Берлин – архитектурная лаборатория, обилие архитектурных и градостроительных идей для других городов. Студентам было предложено понять, выделить и сформулировать на материалах экскурсий синтез идей и форм в отдельных архитектурных проектах.

Вторая половина поездки планировала ознакомление с северной столицей Европы. Копенгаген покорила нас историческим контекстом, обилием и разнообразием архитектурных ассоциаций, лирическим настроением публики у берегов водных каналов и прилипших туристов к знаменитой бронзовой русалке на камне.

Здесь студентам представилась возможность увидеть культуру экспозиции архитектора С. Калатравы в доме архитекторов Копенгагена, замечательную по своей концепции и качеству. В последующие дни группа посетила самый высокий жилой небоскреб Европы на побережье Балтийского моря в шведском городе Мальмё, построенный С. Калатравой. Каждая встреча с новыми архитектурными сооружениями для студентов требовала проявления личного

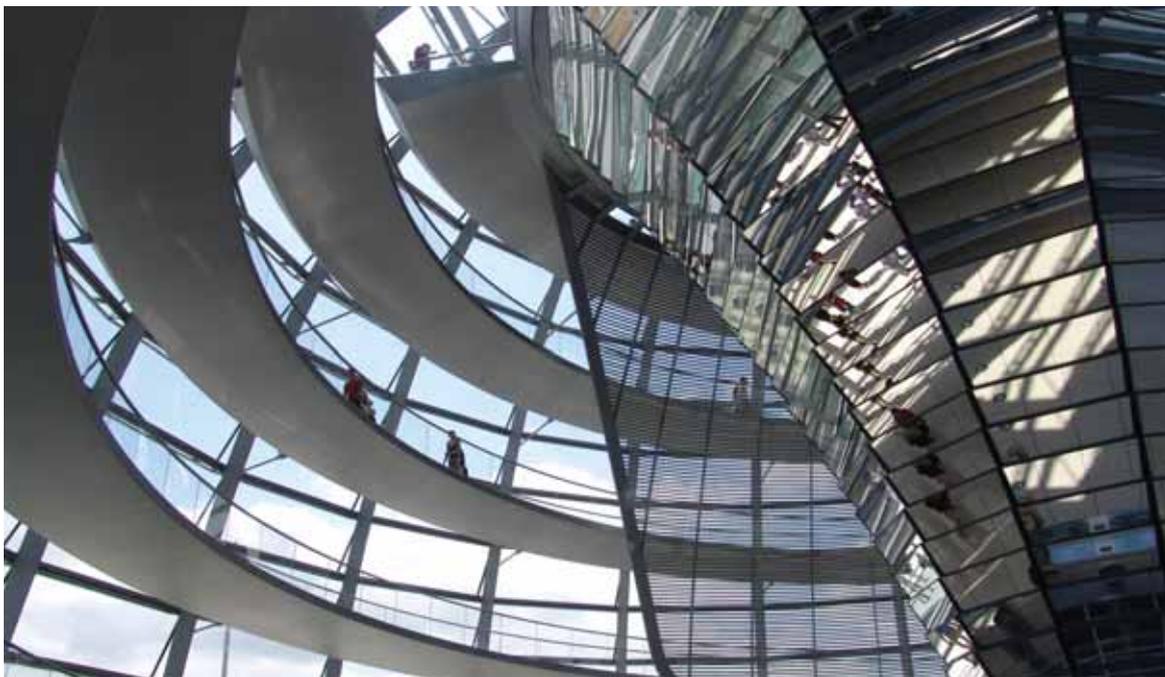
понимания изменений, приносимых архитектором в контекст города, масштабных отношений между человеком и зданиями, между зданиями и окружающей средой.

В ходе ежедневных активных экскурсий про-исходило стихийное накопление видеoinформации и здесь проявились способности использовать интернет-кафе критически – не только, как средство связи и источника информации, но и ее обработки, записи видеоматериалов.

В итоге учебно-ознакомительной практики студентам предстоит продемонстрировать способности анализировать и использовать собранный материал, а также соответствующие источники информации для оформления завершающего письменного и графического отчета.

Сама инициатива организация подобных практик состоит в стремлении архитектурной школы лучше и более эффективно интегрироваться в мировой процесс высшего образования, в стремлении гибко и автономно строить учебные планы, изучать результаты и компетентность архитектурной деятельности в мире, которыми, согласно образовательным стандартам, дипломированный специалист должен обладать.

Валерий Козлов

Международная летняя архитектурная школа в Иркутске. Первая

В соответствии с долгосрочным соглашением междуна-родный академический фонд поддержал проведение в августе месяце ежегодной Междуна-родной летней архитектурной школы в Иркутском государственном техническом университете. Первая летняя архитектурная школа проводится в период с 7 по 28 августа 2006 г., в которой принимают студенты старших курсов из разных университетов Германии (Коттбуса, Дрездена, Трира, Штуттгарта и др.). Организуя летнюю архитектурную школу, мы стремились направить уже имеющийся теоретический и практический опыт преподавателей архитектурного факуль-

тета на изучение и проработку конкретно поставленной темы: «Развитие туризма и изменение ландшафтов (на примере озера Байкал)». Лекции, семинары, экскурсии и культурная программа являются основными формами работы летней архитектурной школы, в рамках которых реализуется главная цель – изучение методов формирования окружающей среды и позитивного воздействия на ландшафт. Содержательной основой летней школы является тот факт, что о рекреационных ландшафтах, в том числе рекреационных ландшафтах Байкала, уже неприемлемо говорить, ограничиваясь представлениями о не-

тронутой, чистой природе. Важно исследовать взаимодействие природы и архитектуры, изучать уникальные рекреационные ресурсы с учетом прошлого, настоящего и будущего на уровне территорий, поселений, отдельных рекреационных и ландшафтных комплексов.

По результатам работы летней школы запланировано издание методического пособия, в котором будут изложены методики развития способностей аналитического и критического мышления, взглядов и понимания, развитие навыков использования синтеза природных и архитектурных форм.

Валерий Козлов

Современная архитектура Германии в Иркутске

Крупным событием культурной и профессиональной жизни Иркутска стало открытие в конце июля выставки «Современная архитектура Германии» в Иркутском государственном техническом университете. На более чем пятидесяти выставочных планшетах представлены проектные бюро, архитектурные, конструктивные, технологические решения в архитектуре, представляющей один из самых высокотехнологичных регионов Германии – регион городов Штуттграт и Баден-Баден.

В церемонии открытия выставки приняли участие посол ФРГ в России и группа архитекторов – представителей Европейского объединения архитекторов (ENA). В своем обращении к гостям выставки господин посол отметил, что наши страны имеют многовековой опыт профессионального сотрудничества, и подчеркнул готовность немецких архитекторов к активной работе на крупнейшем в мире развивающемся рынке. В свою очередь немецкие коллеги выразили желание поделиться своим опытом, ошибками и успехами, которые сопровож-

дали прошедший во второй половине прошлого века строительный бум в Германии. Материал на стендах показывает достижения немецких коллег в области реконструкции городов, разработки новых типологических решений в архитектуре, модернизации зданий различного назначения. И мы сегодня с большим удовольствием приглашаем на выставку, не только ради того, чтобы расширять профессиональные контакты, но и затем, чтобы иметь четкое представление об оригинальной позиции в архитектуре, которая значительно отличается от модных ныне тенденций.

Если подвести общий знаменатель экспозиции выставки, то это будет желание авторов обратить внимание на социальные и критические аспекты реконструкции городов, технологическую новизну форм архитектуры, демонстрируя в проектах международные компетенции и междисциплинарные качества проектировщиков.

Несмотря на каникулярный период, выставка привлекла внимание многих коллег, преподавателей и студентов, особенно в день ее

открытия. Положена замечательная традиция и инициатива организации международных архитектурных выставок в университете, которые, с одной стороны, укрепляют профессиональное сотрудничество, с другой стороны, показывают новейшие требования к качеству и уровню работы современных профессионалов. Выставка продолжит свою работу до конца августа.

Валерий Козлов

Системное партнерство

Schüco International – ведущий поставщик профильных систем из алюминия, стали и ПВХ для всех сфер строительства. Являясь европейским лидером в области строительных технологий, фирма Schüco сотрудничает с архитекторами, инвесторами и заводами-изготовителями из практически всех стран мира.

Благодаря полной совместимости системных компонентов для всей оболочки здания, а также использованию специального программного обеспечения для проектирования, конструирования, расчета и изготовления, мы предлагаем эффективные и экономичные решения проектов для архитекторов и заказчиков.

Дополнительную информацию Вы можете получить в представительстве в Сибирском регионе:
630091, г. Новосибирск, ул. Советская, 64, оф. 503
Т.: (383) 334 04 75, 334 00 65, e-mail: apen@schueco.ru, www.schueco.ru

Партнеры в Иркутске:
Группа компаний «Деметра»
664074 г. Иркутск, ул. К. Маркса, 55, т.: (3952) 53 12 53, 53 13 95
e-mail: office@demetra.ru

Компания «Драйв»
664037 г. Иркутск, ст. Батарейная, ул. 2-я Батарейная, т.: (3952) 63 17 36
e-mail: drive@irk.ru

Финансово-строительная компания «Сибирский дом»
664025 г. Иркутск, ул. Степана Разина, 9, т.: (3952) 33 40 77
e-mail: sibhouse@mail.ru

SCHÜCO

Офисно-торговый центр «Новинский, 31»

Офисно-торговый центр
«Новинский, 31» по адресу:
г. Москва, Новинский бульвар, 31

Авторы:

А. Савин
А. Чельцов
М. Лабазов
М. Давыдова
Е. Мавринский
Е. Грузов
Д. Спорыхин
М. Сапожников
Е. Лещикова

Новое здание на Новинском бульваре, 31 представляет собой один из крупнейших административно-офисных и торговых комплексов в г. Москве, возведенных за последнее время.

Общая площадь здания – 68 000 м², из которых офисы занимают 36 700 м². Крупный торговый центр общей площадью 10 200 м² расположился на первых трех этажах.

Архитектурное бюро «А-Б» в этом здании спроектировало интерьеры общественных зон, включающие в

себя основные входы в здание, лифтовые холлы, торговые залы и т.д.

Учитывая ультрасовременную инженерную начинку здания, было решено основные входы в здание решить в остром современном ключе, используя самые современные материалы и технологии.

Основные входы решены в едином стиле – стены облицованы цветными стеклянными панелями, за которыми хаотично расставлены светильники. Различные входы в здание обозначены разным цветом стекла.

В главном офисном входе, со стороны Кудринской площади, панели ядовито-желтого цвета. Вход со стороны сквера – белого цвета, в торговом – голубого. Круглая форма плана главного – желтого офисного входа подчеркнута концентрическим рисунком плит гранитного пола и сегментов металлического каркаса полупрозрачного подвесного потолка. Натяжная ткань сетчатого плетения с открытой системой крепления к потолку позволяет активно включить в интерьер разводку инженерных систем, а также расположить за

потолком систему светильников верхнего освещения. Центральную часть круга занимает лаконичная белая рецепция, выполненная из кориана. В боковом – белом входе в офисную часть применены сходные приемы. Лишь инженерные системы и светильники верхнего освещения установлены в открытую.

Центральный – голубой вход в торговую часть отличается материалом пола: крупными (1000x2000 мм) слэбами белого конгломерата и строчками трубчатых светильников на подвесном потолке. Ограждения ярусов входа – стеклянные панели с нанесенным на них расстровым рисунком. Во всех входах на стеклянной поверхности стен установлены интерактивные мониторы, встроенные в корпуса из нержавеющей стали.

Сдержанно, почти по-европейски

С концом советского строя, оставшись без государственной опеки ушла в историю «героическая» индустриальная эпоха. Производство как приоритет системы лишилось идеологической основы и в режиме цепной реакции убывает до регулируемых новым временем пределов. Опустевшие фабрики и заводы, целые индустриальные комплексы становятся объектами апроприации коммерческого капитала, хотя огромное количество производственных корпусов остается еще неоприходованным недостаточно окрепшей частной инициативой. Проблема перепрограммирования, адаптации промышленных объектов к новым постиндустриальным функциям для городов России, мало сказать, становится актуальной, в ней кроется шанс стать решающим фактором их качественного обновления и переустройства. И хотя первая, на скорую руку, практика по архитектурной составляющей оптимизма не добавляет, общественное сознание все явственней обращается к тому, что современный бизнес, творческая и деловая активность граждан не могут происходить и успешно длиться в эстетически неозадаченной среде. Потребность в архитектуре высоких мерок подтверждает факт появления «торговой улицы» в комплексе «Фортуна», отмеченной целенаправленным творческим актом. Пока еще единственным, но весьма значимым в аморфном конверсионном пространстве Иркутска.

Главный редактор

Общественная пешеходная зона
Торгового центра «Фортуна»
по адресу: г. Иркутск, Торговый центр
«Фортуна»

Проектирование:
«Архцентр», 2004-2006 гг.

Авторы:
В. Стегайло
О. Бадула
К. Зимица
М. Мионов
Ю Петрук

Коммерческая идея: Н. Чекотова
Рекламное обеспечение: К. Бура

Заказчик-застройщик:
«Корпорация «Фортуна»

Генпродрядчик:
«Деметра», «Кентавр-Байкал», «МВТ»

Строительство 2004-2006 гг.

Торговый город Иркутск не может похвастать обилием корректных современных архитектурных решений. Гламурность интерьеров и фасадов – неповторимое сочетание песка с кремом-брюле – вот стиль «нового века». Утомительно, приторно, к счастью, недолговечно...

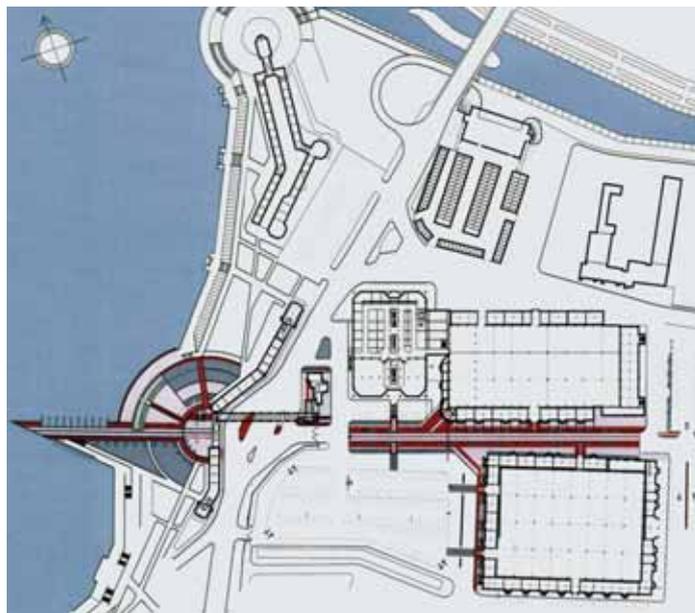
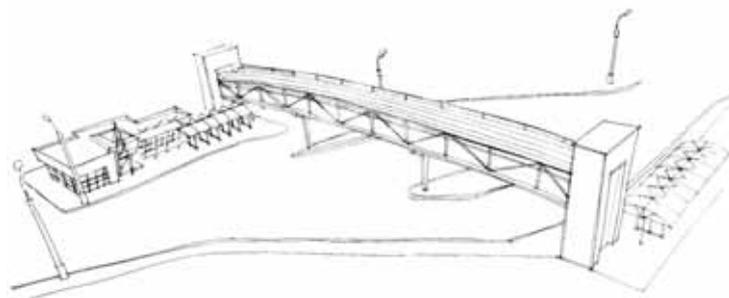
Приятным исключением стала новая общественная пешеходная зона Торгового центра «Фортуна». Из битвы с унылым пустырем между старыми промышленными (ныне торговыми) зданиями авторы проекта вышли безусловными победителями. Общее впечатление уравновешенности, стабильности и неспешного благополучия привлекательно даже на фотографиях. В реальном пространстве пешеходной зоны находиться еще комфортнее. Несомненно, работа над проектом, архитекторы чудесным

образом воздержались от множества искушений, жертвами коих пали большинство творцов наших общественных мест.

Пространство решено убедительно и соразмерно, с чувством собственного достоинства: легкие светильники, парящие над брусчаткой, прекрасно сбалансированный по цвету «Алюкобонд», корректная отбивка направлений движения цветом. Применив вантовые конструкции для навеса остановки автотранспорта, авторы достигли необходимого впечатления современности, не утратив в то же время баланса между красотой и пользой. Множество «вкусных» подробностей и нюансов придают проекту значительность и основательность. Качественная проработка деталей, простота и техничность проектного концепта создают неожиданный эффект «отсутствия новизны» – неискушенному зрителю кажется, что это место всегда было таким уютным и обустроенным. Мягко перетекает цвет от брусчатки к стенам, элегантно раскрывается пространство пешеходной дорожки, грубые массивы камня под деревьями «облегчают» неуклюжую тяжесть зданий.

На плане комплекса можно видеть, что пешеходная зона – лишь часть предполагаемых преобразований в этом районе. Будем надеяться, что грамотные и человеческие решения следующих задач по облагораживанию общественных зон станут более привычны и регулярны.

Анастасия Хрусталева

'06

Ресторан "АВАНТАЖ" БайкалБизнесЦентр

Жилой дом .проект

архитектура
строительство
интерьеры
дизайн
реклама

664007
Иркутск, ул.Советская, 55, 232
(3952) 532290, 538870, 258593
dion@irmail.ru www.dion-sk.ru

Ресторан "АВАНТАЖ" БайкалБизнесЦентр

D E S I G N

Бумажный проезд. Деловой комплекс с подземной автостоянкой

Деловой комплекс с подземной автостоянкой по адресу: г. Москва, Бумажный проезд

Авторы:
В. Плоткин
С. Гусарев
А. Бутырев
Т. Малярчук

Территория, предназначенная для строительства Делового комплекса с подземной автостоянкой, размещается в зоне ул. Бутырский вал и отделена от него железной дорогой.

Участок площадью около 1,0 га, протяженностью около 180 м и шириной 50-60 м примыкает к Бумажному проезду. К северу от него размещается Комплекс сооружений комбината «Правда».

В проекте учтено предполагаемое НИИПИ Генплана развитие улично-дорожной сети с расширением Бумажного проезда и строительством эстакады через железную дорогу.

В основу композиционного решения проектируемого комплекса заложен принцип использования одного типа здания в различной его постановке на участке – зеркальной либо развернутой.

Проектом предусмотрены 3 офисных здания башенного типа, объединенных единой 4-уровневой подземной автостоянкой.

Здания имеют ромбическую форму в плане и сдвинуты относительно друг друга, что позволяет увеличить обзорность из находящихся в них помещений.

Менее благоприятные «сближенные» места заняты лестнично-лифтовыми узлами.

Офисные здания имеют одинаковую планировку и одинаковое конструктивное решение. По высоте два офисных здания имеют 30 и одно – 17 этажей. Понижение этажности здания (корпус 1) в южной части участка вызвано условиями обеспечения необходимой инсоляции в существующей жилой застройке.

Торцевые фасады зданий наклонены под углом 2,30 к вертикали. Тяги на боковых фасадах дополнительно усиливают эффект наклона. Материал фасадов – металл, стекло, натуральный камень.

На первых этажах в зданиях размещены входные вестибюли, предусмотрены технические помещения (ТП и другие), предприятия обслуживания.

На втором этаже размещены столовая и помещения для переговоров.

Под корпусами 1, 2, 3 организованы въезды в подземную автостоянку.

Автостоянка разбита на 3 самостоятельных отсека.

Высота 1-го этажа – 5,2-5,4м.

Въезд на территорию и выезд организованы с учетом перспективной реконструкции Бумажного проезда. На территории предусмотрены проезды и подъезды к каждому зданию с твердым бетонным покрытием. Большая часть территории имеет плиточное мощение, обеспечивающее пешеходные связи между зданиями, а также позволяющее проезд и постановку на нем автомобилей.

Конструктивные решения

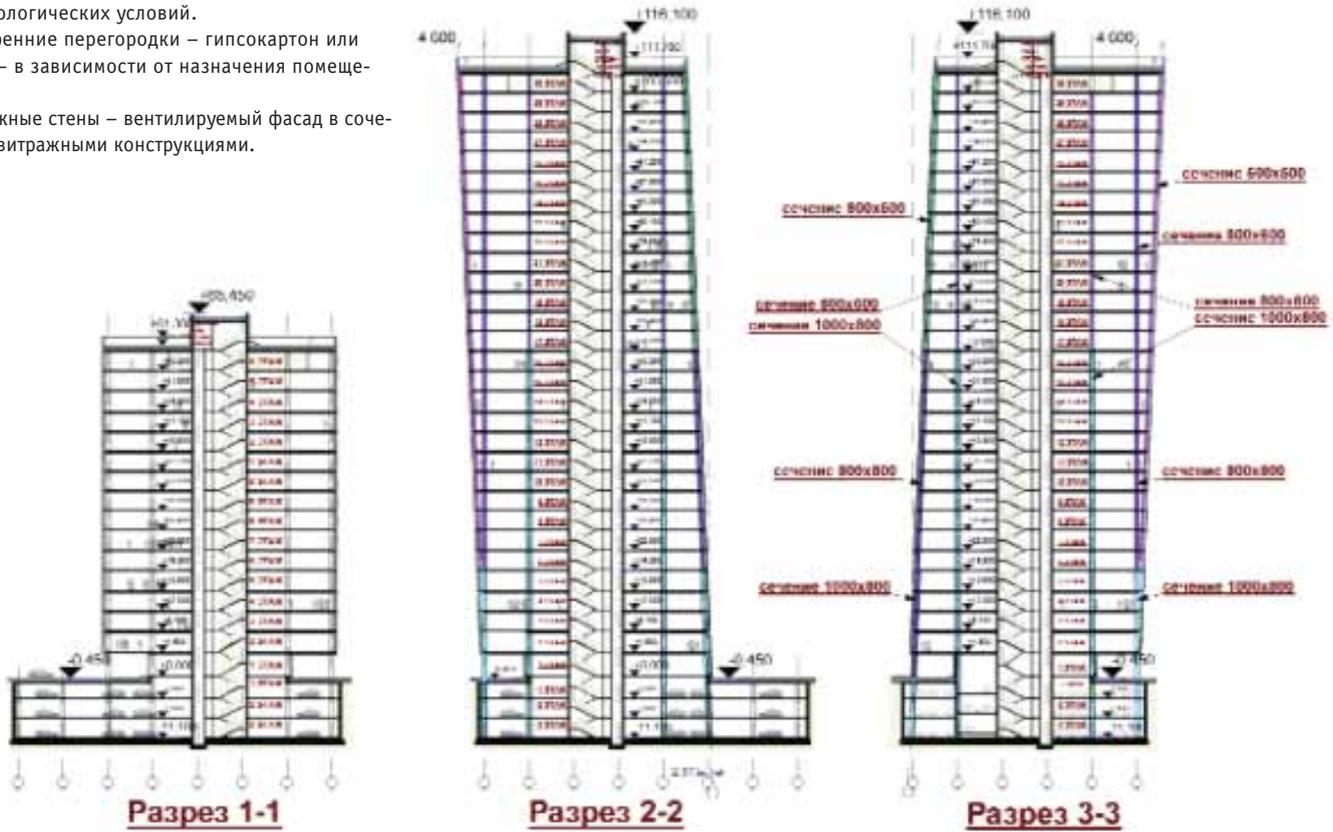
Основные несущие конструкции здания – стены, перекрытия и колонны – монолитные железобетонные. Как вариант возможно применение металлических обетонированных колонн.

В качестве фундамента здания предусматривается монолитная железобетонная плита на естественном или искусственном (свайном) основании.

Ввиду значительной глубины котлована (до 13м) в качестве его ограждения предусматривается шпунт или «стена в грунте» в зависимости от гидрогеологических условий.

Внутренние перегородки – гипсокартон или кирпич – в зависимости от назначения помещений.

Наружные стены – вентилируемый фасад в сочетании с витражными конструкциями.

План типового этажа

Частный жилой загородный дом «Жуковка»

Частный жилой загородный дом по адресу: Московская область, Одинцовский р-н, дер. Жуковка

Авторы:
 А. Савин
 А. Чельцов
 М. Лабазов
 Е. Акимова
 А. Вейс
 К. Поспелов
 У. Пехова

Участок находится в VIP-зоне деревни Жуковка, в лесу, имеет неправильную форму и занимает площадь около 4 га.

У въезда на участок расположен отдельстоящий въездной блок. Здание въездной группы, в которое входят помещения охраны, технические помещения и гараж, имеет вытянутую форму и располагается на юго-западе, отсекая границу с соседним участком.

Основной жилой дом представляет собой двухэтажное (с учетом цокольного уровня) здание с надстройками.

Основной объем: криволинейный в плане с прямоугольными выделенными блоками, выступающими наружу.

Цокольный этаж: в цокольном уровне дома располагаются общественная, служебная и техническая группы помещений. Центральную и основную часть цокольного этажа занимает пространство бассейна (с джакузи и местом отдыха). Весь цокольный этаж смотрит через витражи на открытую террасу. В него открываются трена-

жерный зал с солярием и бильярдная, домашний кинотеатр, входной холл с панорамным лифтом, раздевалкой, туалетом и «общественной» лестницей наверх, турецкая баня и сауна с душевыми, массажная.

1-й этаж - это основной жилой уровень, пространство которого разделено зимним садом на обще-

ственно-гостевую и приватно-семейную зоны.

Основной вход в здание и гостевую зону организован через входной блок. Со стороны гостиной в этом блоке находится также «общественная» лестница, связывающая все уровни дома. В отдельном гостевом пространстве располагаются гостиная, каминная с диванной груп-

пой, столовая и панорамный лифт (в цокольный уровень и на кровлю), кухня с открытым очагом. Вход в семейную зону предусмотрен через зимний сад, в котором также располагается блок гостевых спален с отдельными ванными комнатами и гардеробными.

Американская органическая архитектура (и мысли по поводу истории ее идеалов)

История архитектуры США, в особенности история проектирования жилья, многие годы зависела от традиционных строительных методов различных иммигрантских культур Америки. Следует иметь в виду, что эта страна разрасталась благодаря потоку людей со всех концов света, но самое большое влияние оказали европейские страны. Итак, когда первые сельские поселенцы и люди, которые развивали промышленность в городах, начинали строить жилье, стили и методы проектирования зачастую отражали традиции их родины, что способствовало появлению здесь викторианского стиля, стиля времен королевы Анны и других схожих исторических «стилей». Архитектура была только подражанием, основанном на различном опыте, традициях, культуре и наследии людей.

Ранняя американская архитектура была конформистской ввиду того, что следовала традициям европейцев при небольшом самовыражении. По сути, один из самых ярких примеров недостатка индивидуального творческого влияния выражен в словах Преподобного Вильяма Генри Фернесса, отца архитектора Фрэнка Фернесса, во время четвертого ежегодного съезда Американского Института Архитекторов в Филадельфии 9 ноября 1870 г. «*При всей нашей свободе мы не терпим ничего необычного. В нашей стране мы настойчиво требуем, чтобы все было подогнано под одну модель*».

Вопреки этому высказыванию преподобного Фернесса, Америка выращивала и поддерживала инновационные таланты и инакомыслие, хотя и не всегда осознавая их значимость. Рассматриваемый здесь вопрос – это окружающие нас здания, их архитектура. В течение всего первого столетия истории Америки акцент ставился на получении свободы и определении демократической американской структуры. Архитектурные стили являлись отражением прошлого как в техническом смысле, так и в виде наших традиционных

связей с культурой и архитектурой Западной Европы. Технически в строительстве использовали инструменты, мастерство и материалы, привезенные при иммиграции. В отношении стиля наблюдалось похожее продолжение традиции и заимствования образцов. Например, возрождение архитектуры Римской республики Томасом Джеферсоном стало символической моделью практически для любого вида общественного здания. В начале XIX века мода на готику явила шпиль и замысловатые орнаменты, которые пришли от великих соборов Европы и украшали теперь даже самые скромные деревянные рамочные конструкции. В течение всего XIX века процветали стили Возрождения, становясь скорее эклектичными, когда смешивались различные стили и темы.

Но XIX век стал также свидетелем многих перемен, произошедших в Америке. Вместе с политическим и экономическим успехом новой нации росло желание получить еще большую степень независимости в культурной сфере. При быстром развитии техники, благосостоянии и климате, при всем, что поддерживало свободу мышления и оригинальность идей, некоторые архитекторы раннего периода стали видеть возможности для эксперимента и роста независимо от диктата европейских архитектурных стилей.

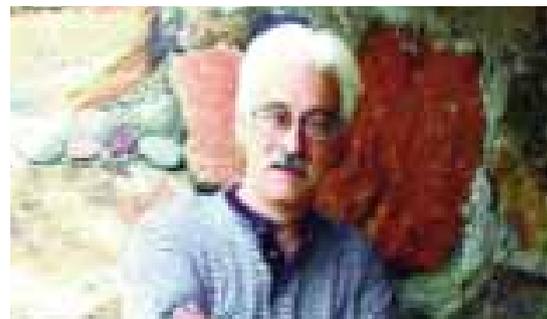
Именно это развитие и движение, основанное на определении и создании местной американской архитектуры, рискнуло вырваться за рамки простого создания нового стиля. Оно воплотило такой подход к проектированию, который ценил и продолжает ценить идеалы американской культуры, реагируя при этом на социальные и технологические перемены в быстро меняющемся обществе.

Луис Г. Салливен (1856-1924), которого часто называли «отцом современной американской архитектуры», выдвинул идеал процесса проектирования, который «рос изнутри». Его последние работы, несмотря на то

что это были коммерческие здания – серия небольших драбанков – «шкатулок для драгоценностей», разбросанных по всему Среднему Западу Америки, представляют собой наивысший пик интеграции формы и функции. Именно выражение Салливена «форма должна соответствовать функции» стало основой современной архитектуры. Даже его в высшей степени индивидуализированные орнаменты, которые напоминали некоторым стиль «Арт Нуво», нужны были, чтобы подчеркнуть, а не скрыть форму, продиктованную функцией.

О важной роли Луиса Г. Салливена в движении, связанном с современным американским подходом к архитектуре, только частично можно судить по его работам. Гораздо более важную роль он сыграл как философ и учитель. Идеи Салливена, красноречиво выраженные в его теоретических работах и лекциях, также были переданы новому поколению окружавших его молодых людей и тех, кто работал в его архитектурной мастерской. Наиболее знаменитым среди них был Фрэнк Ллойд Райт (1867-1959), который пришел работать чертежником в мастерскую Салливена в 1888 г.

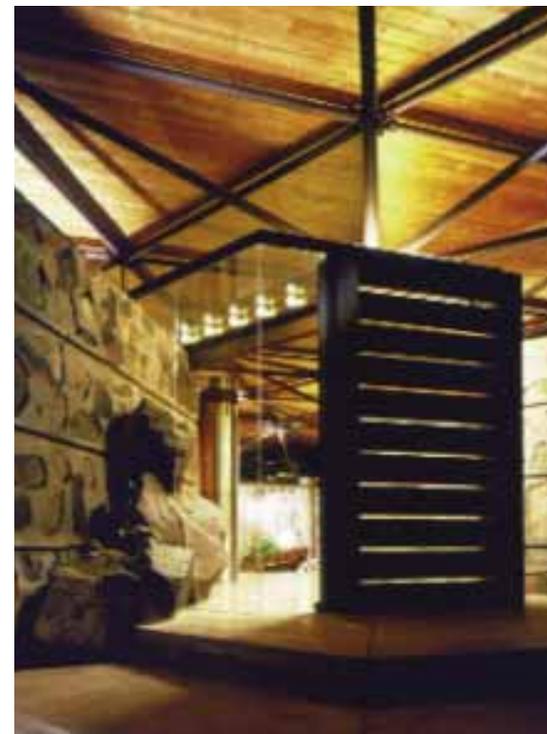
Фрэнк Ллойд Райт открыл собственную мастерскую в 1893 г. Нельзя переоценить ту роль, которую он сыграл в развитии современной американской архитектуры. Именно он смог наилучшим образом выразить в архитектуре философию Луиса Г. Салливена. Райт перефразировал его высказывание «форма должна соответствовать функции» в «форма есть функция». И, поскольку собственные идеи Райта развивались, созревая в его практике «органической архитектуры», особый акцент делался на честном использовании и выражении материалов, уважении к окружающей среде, интеграции структурной и эстетической красоты и, прежде всего, на внимании к человеческой жизни. Как сказал Райт, «...Архитектура – та, которую действительно мож-

Брайан А. Спенсер, член Американского Института Архитекторов и Международного Союза Архитекторов, архитектор.

Брайан А. Спенсер, член Американского Института Архитекторов и Международного Союза Архитекторов, лицензированный архитектор с 32-летним стажем. Он работает как на территории Соединенных Штатов, так и за границей, в Европе и странах Тихоокеанского бассейна. В 1975 году он организует Архивы Прерий (Отдел Архитектуры) в Музее Искусств г. Милуоки и становится первым куратором по архитектуре в музее. В 1976 г. он становится дизайнером и куратором выставки площадью 11000 кв. футов (1022 м²) «Американская Архитектура: ее истоки, развитие и горизонты», а также издателем книги «Традиции Школы Прерий». Брайан читал лекции по творчеству Фрэнка Ллойда Райта и американской органической архитектуре в более чем 65 крупных музеях, университетах и профессиональных обществах в 19 странах. Брайан - член Американского Института Архитекторов и связующее звено с Международным Союзом Архитекторов в Рабочей Группе по вопросам науки и высоких технологий зданий.

Спенсер – один из пяти американских архитекторов, избранных иностранными членами Российской Академии Архитектуры и Строительных Наук. Он - профессор и академик Международной Академии Архитектуры в Софии (Болгария) и входит в ее Академический Совет. Его также избрали Почетным Профессором Гданьской Политехники в г. Гданьске (Польша). Брайан является преподавателем Архитектурной Школы Фрэнка Ллойда Райта и входит в совет директоров Туристической Программы Наследия Фрэнка Ллойда Райта в штате Висконсин. В его последние работы входит завершение монографии о пустынном лагере «Окотилло» Фрэнка Ллойда Райта (1929 г.), а также завершение долгого изучения работ Фрэнка Ллойда Райта для штата Висконсин, которое планируется опубликовать в 2006 г.

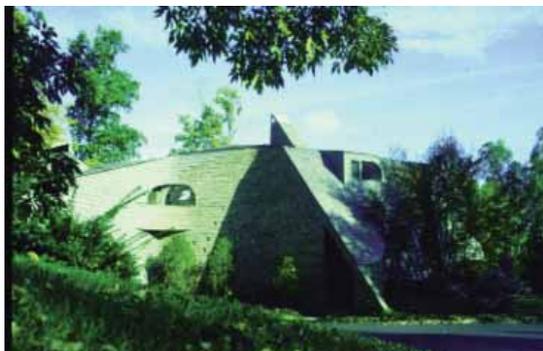

но назвать архитектурой, происходит из земли и, некоторым образом, из почвы; местные промышленные условия, природа материалов и предназначение здания должны неизбежно определять форму и характерные особенности любого хорошего здания».

Первое воплощение этого идеала произошло в 1890-х при создании так называемой «Школы Прерий». Отражая плоскую поверхность земли прерий американского Среднего Запада, ранние работы Райта подчеркивают горизонтальные плоскости при помощи соединенных окон и низких широких контуров свода. Натуральное дерево, кирпич и камень использовались как внутри, так и снаружи. Любая попытка была стремлением интегрировать внутреннее и внешнее пространство. Для Фрэнка Ллойда Райта целостность архитектуры определялась не просто стенами и крышей, но и внутренним пространством. С полным основанием можно утверждать, что как архитектор Райт «разрушил коробку» в архитектурном проектировании.

Вклад Райта в начале XX века с его идеалами «Школы Прерий» и домом Вильяма Винслоу 1893 года быстро переименовал американское представление об архитектуре домов. Спустя 15 лет его дом Фредерика Роби в Чикаго снова повлиял на имидж

жилого дома в Америке. За все 72 года своей архитектурной практики Фрэнк Ллойд Райт не переставал менять направление американской архитектурной мысли. Значительной была его работа над Калифорнийскими бетонными блочными домами, где в одном элементе здания интегрировались архитектура, структура и орнамент. В то же самое время он проектировал здания для восковой компании Джонсона в г. Расин штата Висконсин. Тогда же у него родилась идея дома «Юсониян», прототипа современного загородного американского дома, и его шедевра «Водопада», летней резиденции в Пенсильвании, построенной для семьи Эдгара Кауфмана. Несомненно, наследие Фрэнка Ллойда Райта передано архитекторам всего мира.

Собственный дом и студия Фрэнка Ллойда Райта были также школой, он называл ее «Тальезин Феллоушип». Уроки у Райта брали молодые архитекторы со всего мира, а также те, кто оставались жить, становясь членами его сообщества. Это была учеба на практике. Причем самым важным уроком считалась «интерпретация, а не имитация». В основу образования входило понимание принципов «органической» архитектуры и способность передать их в собственном проекте. Как таковое, разнообразие средств выразительности имеет разные направления: от модулированных форм до более аморфных форм. Но это не просто форма здания, не образ, который все видят, это скорее признание философии архитектуры, вера в себя – не в большей и не в меньшей степени, чем автор может ее применить. Основная идея заключается в правдивости по отношению к истории, культуре и самому себе.

Несомненно, когда архитекторы и клиенты правдиво относятся к своему наследию, несут ответственность перед красотой природы, с уважением выбирают и используют материалы, честны друг перед другом, говоря о своих целях и ожиданиях, – великолепные здания становятся «крещендо» их достижений. Когда мы обманываем сами себя или отрицаем историю и традиции, мы

теряем как себя, так и свой дух.

«Оглядываясь на огромный вклад в историю человечества и принимая во внимание, что как человек жил в свое время и на своем месте, так и его здание было в свое время и на своем месте, мы должны помнить, что архитектура – это не здания сами по себе, а нечто намного большее. Мы должны верить, что архитектура – это живой дух, который создал здания такими. Это дух человека и для человека дух будет жить, пока живет человек. Он всегда начинается сначала. Год за годом он продолжает создавать формы, которым суждено меняться и становиться непонятными людям, которые появятся после».

*Фрэнк Ллойд Райт
Будущее архитектуры*

Архитектура как продукт творческого и образного духа может придавать стимул нашей повседневной жизни. Она может внести свой вклад в богатство жизни, который расширяет наши чувства, восприятие и надежду. Поскольку Салливан и Райт были протагонистами современной американской архитектуры, у нас продолжают появляться архитекторы и дизайнеры, сеющие семена истинной американской архитектуры в подобной манере. Эти усилия прилагаются с той же степенью энергии и жизнестойкости, какими они зародились в «Школе Прерий». Изменились материалы и технологии, которые использует каждое последующее поколение. По возможности используя непривычные материалы и незнакомые формы, современные «органические» архитекторы трактуют эти принципы, придавая им собственный смысл.

«При всей нашей свободе...» мы действительно допускаем (и ожидаем) подход, который поощряет индивидуальность и таким образом выражает свободу духа, которую мы все лелеем.

Брайан А. Спенсер

ЧТО МОЖНО СЭКОНОМИТЬ В ТУАЛЕТЕ?

История туалета насчитывает многие тысячелетия и демонстрирует удивительные колебания между внимательными, осознанным отношением и полным пренебрежением к этой зоне человеческого жилья.

Древнейшие системы централизованной канализации обнаруживаются в городе Мохенджо-Даро (территория нынешнего Пакистана, около 2400 лет до н.э.) и в археологических раскопах около Тель-эль-Амарны (Египет, 1350-е годы до н.э.). Доисторические туалеты устроены с большой изобретательностью и представляют собой вершины технической мысли своего времени. Так в провинции Хунань китайские археологи недавно обнаружили туалет в гробнице одного из китайских императоров династии Хань, жившего 2000 лет назад. В информационном сообщении Би-Би-Си эта находка названа «великим изобретением, свидетельствующим о высоте цивилизации Древнего Китая». Оно являет собой каменное сиденье с подлокотником и устройством для спуска воды¹.

О серьезности отношения к данному вопросу в античности можно судить из факта наличия в римском Пантеоне даже нескольких специальных богов, покровительствующих процессам утилизации отходов и туалетам: Стертий (Steritius) – бог земли и отходов, Крепит (Crepitus) – бог туалетов, Клоакина (Cloacina) – богиня подземных вод и покровительница знаменитой подземной канализации Cloaca Maxima. Общественные сооружения, названные в её честь «клоаками», имели специальные святилища, где люди могли делать жертвоприношения Клоакине².

Осознанное отношение к туалету и к происходящим там процессам особенно присуще восточным культурам. Великий поэт и политический деятель Оуян Сю (XI в.) писал, что лучшие свои произведения создал сидя в туалете. Из сочинения того же Оуян Сю мы узнаем, что в его время в туалете активно использовали свечи: «когда господин (Кю Чжунь, 961-

1023, министр) переходил служить с одного места на другое, то каждый раз после его отъезда с казенной квартиры там в отхожем месте на полу находили множество холмиков застывшего воска, натекшего со свечей». Кроме того, господин министр «каждый раз, направляясь в уборную, брал с собой книгу и читал ее там громко и отчетливо – всюду было очень хорошо слышно!»³.

Манера долго, с удовольствием читать или так же продолжительно размышлять в туалете не то чтобы открыто порицается в современной западной культуре, но, мягко скажем, не приветствуется. Считается, что долгое сидение на унитазе развивает физическую чувственность в неправильном направлении. А осознанное, публично доброжелательное отношение к такой привычке – вообще крайняя редкость. Между тем традиционная изолированность туалета от прочих функциональных зон, а также присущее ему состояние сосредоточенности на внутренних процессах – в конце концов, неважно, тела или сознания – все это очень способствует продуктивной мыслительной деятельности. Особенно такую поддержку ощущают люди, которые испытывают дефицит данного ресурса (имеется в виду дефицит сосредоточенности и самоуглубленности). Оглушительный «информационный шум», в который погружен каждый житель современного мегаполиса, заставляет людей жадно искать тихий уголок, где можно хоть ненадолго, но на законном основании скрыться от телефонных звонков, телевизионных новостей, рекламы. Такой «медитативной зоной» легко становится туалет.

Медитативные аспекты посещения туалета обсуждаются современными буддистами в виде комментариев к сутре Саттипадхана: «Созерцание нечистоты тела (асубха) заключается в том, что монах (ищущий просветления) созерцает само это открытое кожей и заключающее в себе множество нечистот тело снизу вверх, начиная со стоп, и сверху вниз, начиная с волос головы...»⁴.

Придание туалету медитативного смысла ставит перед дизайнером специфические задачи. Во-первых, если в интерьере присутствует больше, чем один жилец, то возникает необходимость второго туалета. Впрочем, наличие двух санузлов для современного жилья уже не редкость. Конечно, идеальным было бы наличие для каждого члена семьи собственной спальни и прилегающего к ней санузла – но до подобного уровня жизни нам еще далеко.

Во-вторых, для размышлений на унитазе полезно предусмотреть достаточную звукоизоляцию туалетной комнаты. Современный россиянин – не китайский министр эпохи Сун, в его квартире звуковой контакт туалета с остальными помещениями противопоказан.

Участие в туалетном процессе книги (или, что более современно, телевизора или компьютера типа «ноутбук») предполагает не только ответственность уровня освещенности, но и наличие столика или подставки: во-первых, чтобы не держать ноутбук на себе, во-вторых, чтобы было куда положить его при вставании (если все же он располагается на колесиках).

Как показал тысячелетний опыт восточных культур, медитации способствуют не скрывающие своей природной сущности натуральные материалы: обшитые деревом стены, соломенные циновки, бетон и металл, натуральный камень (если у заказчика хватает средств). Вполне уместны живые растения и текущая вода, роспись на стенах – любая деталь, помогающая посетителю настроиться на состояние самоуглубленности.

Особо глубокая, серьезная осознанность и подробная ритуализация всех процедур, связанных с туалетом, присуща культуре ислама. Повседневные правила поведения мусульманина – книга Шариат – содержит подробнейшие инструкции для всех «типовых ситуаций», в том числе и ритуалы поведения в туалете. Например, немало вдохновенных строк посвятил данной теме виднейший мыслитель мусульманского мира Абу Ха-

мид Мухаммад ал-Газали ат-Туси (1058-1111) в своей фундаментальной книге «Кимийа-йи са'адат» («Эликсир счастья»), глава «Оскверняющие и очищающие». Из числа новейших духовных учителей ислама, размышлявших о ритуале посещения туалета правоверными, следует вспомнить аятоллу Хомейни (1900-1989) и его книгу «Таузих ал-маса'ил» (Толкование положений)⁵.

Подробнейший и обязательный для соблюдения «алгоритм» посещения туалета требует большой сосредоточенности. Но он же является эффективным средством экономии психологического ресурса – воли. (В данном случае под словом «воля» мы понимаем психическое усилие, затрачиваемое на постановку цели и сохранение этой цели в поле внимания до тех пор, пока она не будет достигнута.) Посетитель мусульманского туалета избавлен от необходимости принимать самостоятельные решения даже по самым незначительным вопросам.

Обширные возможности для ритуализации туалета открывает дизайнеру современная бытовая техника. Алгоритм управления комплексом приспособлений «вокруг унитаза» может быть не менее сложным, чем предписания Шариата. Особенно если в этот комплекс входят: биде, сушилка для подмытых частей тела, кондиционер, локальная осветительная арматура, зеркала (обычные – над раковиной, во всю стену, увеличительные для лица), раковина для мытья рук, шкафчики для хранения соответствующих принадлежностей, дозатор для жидкого мыла, дезодоратор, ароматизатор, вентилятор, полотенцесушитель, набор бачков для разных видов мусора ... Каталоги сантехнического оборудования предлагают неисчерпаемое разнообразие специальных приспособлений.

При проектировании «аскетического туалета» дизайнер, во-первых, должен определить набор действительно необходимых приборов и аксессуаров и отделить их от избыточных, а во-вторых, разработать после-

1. Липков А. Русский сортир на фоне Востока и Запада // В кн.: Туалеты и урны народов мира. СПб.: Петербургское востоковедение. – 2006.

2. Сильнов А. Туалеты в системе общественных построек древнего Рима

<http://wc.pvost.org/php/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=>

3. Алимов И. Туалеты и урны в культурах народов мира. Китай \\ Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 8-9. СПб., 1995.

4. <http://koleso.netherweb.com/dhamma/copyright.htm>

5. Вот несколько примеров исламского подхода к данному немаловажному вопросу: Положение 62

Если для того, чтобы укрыться от глаз постороннего, вынуждают сесть лицом или спиной к Мекке, то следует сесть лицом или спиной к Мекке. Также если по другим причинам вынуждают сесть лицом или спиной к Мекке, то это не воспрещается.

Положение 63

Необходимую предосторожность следует соблюдать в том, чтобы не усаживать дитя лицом или спиной к Мекке во время опорожнения. Однако, если сам ребенок сел так, то нет необходимости его удерживать.

Положение 64

В четырех местах опорожнение запрещено: – во-первых, на туковых улицах, в случае если живущие вокруг не дали разрешения; – во-вторых, на территории чьей-то собственности, опорожняться в которой не разрешается; – в-третьих, в том месте, которое было отдано под целевой вафф, например, некоторые из мадрас; – в-четвертых, на могилы верующих, в случае проявления к ним неуважения. (...)

Положение 78

Желательно во время опорожнения садиться там, где никто не сможет увидеть. Заходить в место для опорожнения с левой ноги, а выходить – с правой. Также при опорожнении желательно прикрывать голову, а тяжесть тела переносить на левую ногу.

довательность операций посещения туалета – сценарий. В условиях, когда ритуалы советских времен отринуты, а новые все никак не складываются, даже самое простое, повседневное действие требует волевых усилий. Аскетический сценарий посещения любого объекта целенаправленно сформирован таким образом, чтобы максимально экономить волю пользователя. Средовое освоение объекта пользователем становится намного проще и экономичней, так как уменьшает усилия, затрачиваемые на размышления над правильностью действий.

Специально подчеркнем, что в случае разработки ритуала дизайнер формирует не облик интерьера, не предметно-вещное наполнение и даже не объемно-пространственную структуру. Объектом проектирования становится последовательность операций, процедур, действий – сценарий посещения туалета. Подобная задача выглядит непривычной и придает работе дизайнера сходство с театральной режиссурой, которой на факультетах дизайна, к сожалению, не учат. Но в условиях острого дефицита современных ритуалов подобная работа становится наиболее актуальной для внутрипрофессионального содержания деятельности по проектированию интерьера и крайне востребованной аскетически ориентированным потребителем. Именно в соответствии с этим «персонифицированным сценарием» и осуществляется затем формирование облика интерьера туалетной комнаты – и функциональной конкретики, и состава оборудования, и видовой «картинки».

В целом можно утверждать, что современное аскетическое мироощущение напрямую связано с ритуалом потому, что ритуал обеспечивает экономию усилий и снижение степени сосредоточенности. Постоянная включенность в ритуал формирует привычную последовательность действий и вырабатывает поведенческий автоматизм, позволяющий осуществлять «рассеянное внимание», не требующее концентрации.

Отношение к туалету как

к чему-то сугубо интимному и даже стыдному сильно разнится, а подчас и резко меняется в зависимости от стран, культур, традиций и обычаев. В древнегреческом городе Эфесе (300 г. до н.э.) скамьи общественного туалета располагались по периметру небольшого открытого помещения, позволяя посетителям, сидевшим на противоположных концах, иметь прекрасную возможность, глядя в лицо друг другу, неспешно общаться, обсуждая насущные вопросы современности. Такая структура функционального пространства туалета оставалась присущей всей античности на протяжении нескольких веков, и римские общественные туалеты IV – V веков н.э. устроены в принципе так же.

В России традиционно все процессы, связанные с посещением туалета, оказываются связанными с чувством стыдливости. С человеком, находящемся в туалете, даже разговаривать через закрытую дверь считается неприличным.

В современной Южной Корее даже религиозные организации традиционно не видят ничего зазорного в том, чтобы вывешивать свои листовки и цитаты из Нового Завета прямо над писсуарами или на дверках туалетных кабинок. Так же спокойно к этому типу сооружений относятся и представители законопоярда – зачастую на стенках туалета можно почитать плакатики госбезопасности, напоминающие о вездесущих северо-корейских шпионах, призывающие к бдительности и обещающие немалое вознаграждение за донос на иностранного лазутчика. И в повседневном южно-корейском быту отношение к пространству туалета мало чем отличается от отношения к каким-либо иным помещениям – в одном из эпизодов недавно вышедшего телевизионного сериала «Искры» героиня размышляет о своей несчастливой любви, уединившись в туалетной кабинке (в этой сцене, надо подчеркнуть, никакого комического элемента не предусматривается, все очень серьезно и трогательно).

О чем же еще может раз-

мышлять аскетичный и вдумчивый посетитель туалета? О вопросах всеобъемлющих, о первоосновах мира, о базовых сущностях – о стихиях. Античная традиция (а вслед за ней и христианская, и мусульманская) насчитывала четыре стихии. Китайцы полагали, что стихий пять. Но не все мировые первоначала в равной степени присуши туалету.

Наиболее естественно и очевидно выглядит связь туалета со стихией Земли (Камня, Почвы). В амуницию римского солдата на марше входила специальная лопатка (наподобие саперной), главное предназначение которой состояло в том, чтобы закапывать следы своих непродолжительных придорожных «посиделок»⁶. Называлась такая лопатка «латрина» – точно так же, как и серьезное, осязательное строение, которое принято было воздвигать на долговременных стоянках.

Отходы в домашних резервуарах сельских поселений накапливались и затем вывозились на поля – таков был принцип взаимодействия туалета со стихией Земли на протяжении многих веков, особенно на аскетичном Востоке. В большинстве стран Дальнего Востока содержимое выгребных ям использовалось как ценное удобрение, поэтому и относительно к нему бережно, ведь органических туков на Дальнем Востоке хронически не хватало⁷. Впрочем, и на Западе деревенские жители (которые составляли большинство вплоть до массовой урбанизации XX века) традиционно вывозили содержимое выгребных ям на поля. Для превращения первоначальной массы отходов в удобрение их подсушивали или, напротив, разбавляли водой, а затем – разбрасывали или разбрызгивали по полям. Дальнейшее предоставлялось почве, ее холод и тяжесть компенсировали гнилостный жар и летучесть фекальных миазмов.

Нельзя сказать, что Земля оставалась единственной стихией, которая привлекалась людьми для решения проблем утилизации отходов. В конце XIX века европейцы умело использовали в туалете все четыре античные стихии. Малый энцикло-

педический словарь Брокгауза и Ефрона классифицирует туалеты следующим образом: «Клозет, отхожее место, в котором приняты меры к уничтожению запаха и возможному обезвреживанию извержений. Клозеты бывают: водяные (ватерклозеты), где извержения смываются водою из резервуара, открываемого клапаном-регулятором, воздушные, где из-под сиденья проводится канал в дымовую трубу, и фагновые, в которых извержения с помощью особого клапана при закрытии крышки обсыпается пудрой из торфа, мха, жадно поглощающего воду и задерживающего запах». Персонажи романов Диккенса не считали для себя зазорным помочиться в огонь камина, так что и эта стихия не избежала общей участи. Можно сказать, что использование или неиспользование той или иной стихии регулируется здравым смыслом и образом жизни. Скажем, в толковании аятоллы Хомейни некоторые стихии оберегаются от контакта с испражнениями – порицается мочиться не только в огонь, но и в норы животных, и на твердую почву, а в особенности в стоячую воду; порицается мочиться даже просто стоя (Положение 80)⁸. Откуда берутся такие запреты, в общем-то, понятно: живя в Северной Африке или на Аравийском полуострове, следует всегда помнить, что топливо редко и дорого, так что заливать огонь своей струей – неэкономно. При обилии ядовитых насекомых и змей не надо мочиться в нору – неизвестно, кто из нее может в результате выползти. И на твердую землю не надо писать стоя – будешь весь в брызгах.

И все же именно Земля на протяжении почти двух тысячелетий оставалась главной опорой человека в деле переработки фекалий.

По мере роста городов и концентрации населения использование стихии Земли в решении проблемы отходов становилось все более затруднительным. Причина – главная особенность этой стихии: ее неподвижность. Чтобы отбросы перепрели в земле, нужно время, которое при городском темпе жиз-

Положение 79
Порицается во время опорожнения сидеть напротив солнца и луны, однако, если каким-либо способом прикрыть гениталии, то это не порицаемо. Также во время опорожнения порицается сидеть против ветра, на дорогах, проспектах, улицах, у дверей домов и под фруктовыми деревьями, что-то есть, надолго засиживаться и подмываться правой рукой, равно как и – разговаривать во время опорожнения, однако, если вынужденно или поминая Господа, то ничего.

Положение 81
Порицается сдерживать себя от мочеиспускания и выхода кала. Если же это наносит вред, то вообще нельзя сдерживаться» (Хисматуллин А. Туалеты и урны народов мира. Иран. http://www.pvcentre.agava.ru/projects/pages/tual_ir.html).

6. Кнабе Г. С. Древний Рим – история и повседневность. М.: Искусство, 1986 г.

7. Ланьков А. Н. Кое-что о корейском туалете... http://www.pvcentre.agava.ru/projects/pages/tual_k.html

8. Хисматуллин А. Туалеты и урны народов мира. Иран. http://www.pvcentre.agava.ru/projects/pages/tual_ir.html

Древний унитаз

Расписной фаянсовый унитаз французского производства, XVIII век. Водяной слив еще не изобретен – такое изысканное сиделище устанавливалось над выгребной ямой

9. Гиляровский Вл. Москва и москвичи. – М.: Худож. лит. – 1981 г. – С. 60

10. Хосю Кацурагава. Хокуса Монряку (Краткие вести о скитаниях в северных водах). Цит. по: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: София, 2001 г.

11. Что, кстати, противоречит принятому сегодня принципу функционально-пространственной организации жилища, который предполагает размещение индивидуальных туалетных и ваннных комнат рядом с персональными спальнями, а гостевых туалетов – рядом с гостиницами, либо в прихожих. Данное противоречие указывает, что типовые планировки по большей части не имеют ничего общего с аскетизмом и, с точки зрения фэн-шуй, являются прямым расточительством жизненной энергии.

Унитаз фирмы Крэппера, любовно воспроизведенный современными английскими дизайнерами. Трубы выполнены из меди, ажурные крепления – из чугуна, а сиденье («трон») – из массива дуба. Единственное отличие в том, что «чаша» изготовлена не из фарфаса, а из высококачественного фарфора. Изделие носит соответствующее название: «Почтенный».

Типичный «туалетный уголок» в японо-корейском стиле

ни катастрофически не хватает. Улицы и площади средневековых европейских городов чистили свиньи. Сохранились десятки указов, регулирующих право бюргеров содержать свиней и кормить их, вываливаемыми на улицу, общественными нечистотами. А для вывоза содержимого выгребных ям за пределы города возникла специальная профессия ассенизатора – «золотаря».

Научные достижения в исследовании связи между санитарией жилья и болезнями постепенно привели к осознанию необходимости изолировать человеческие отходы от постоянного контакта с людьми. В последний год царствования Людовика XV было издано распоряжение, сделавшее уборку фекалий из коридоров Версальского дворца еженедельной процедурой. Примерно в те же времена был отменен обычай аудиенции у короля, сидящего на стульчаке (en selle), а королева Мария-Антуанетта впервые приказала навесить дверь в своей уборной.

В XIX веке жители одного из самых больших и грязных городов планеты, Лондона, вновь изобрели подход к задаче очистки и дезодорирования улиц, известный со времен Крито-Микенской цивилизации (1800 лет до н.э.). Согласно легенде, одна из критских царевен как-то присела над ручейком и заметила, что ее «произведения» быстро уносятся водой. Именно текучесть, подвижность, присущие стихии Воды, обусловили использование речных потоков для транспортирования отходов из городов. Геракл использовал речной поток для очистки Авгиевых конюшен. Римляне времен цезарей строили гигантские искусственные русла с теми же целями. Англичане викторианской эпохи вместо закапывания фекалий стали смывать их в Темзу. Дома и улицы становились чище, а река – грязнее.

Использование стихии Воды для решения туалетной проблемы быстро распространилось по миру. Панома московской жизни конца XIX века живо описана В. А. Гиляровским, повествующим о своей экспедиции в подземное русло Не-

глинки: «...Еще в екатеринские времена она была заключена в подземную трубу: набили свай в русло речки, перекрыли каменным сводом, положили деревянный пол, устроили стоки уличных вод через спускные колодцы и сделали подземную клоаку под улицами. Кроме «законных» сточных труб, проведенных с улиц для дождевых и хозяйственных вод, большинство богатых домовладельцев провели в Неглинку тайные подземные стоки для спуска нечистот, вместо того чтобы вывозить их в бочках, как это было повсеместно в Москве до устройства канализации»⁹.

Заметим, что на фоне плавающих в нечистотах «столиц мира» российские города выглядели совсем неплохо. Ю. Лотман, культуролог и лингвист, основатель Тартусской научной школы в своей книге «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства в XVIII – XIX в.» приводит выдержку из любопытнейшего документа. Капитан японской шхуны «Дайкокуя Кадая» после кораблекрушения попал в Россию и в 1791 г. был привезен в Петербург. Его рассказы о России (по возвращении на родину) легли в основу книги Хосю Кацурагавы «Хокуса Монряку» («Краткие вести о скитаниях в северных водах»), почти полтора века после того остававшейся секретной. В числе прочих секретов, выведенных наблюдательным японцем, было и устройство русского сортира: «Уборные называются [по-русски] нудзуне, или нудзунти [нужник]. Даже в 4-5-этажных домах нужники имеются на каждом этаже. Они устраиваются в углу дома, снаружи ограживаются двух-трехслойной [стенкой], чтобы оттуда не проникал дурной запах. Вверху устраивается труба вроде дымовой, а в середине она обложена медью, конец [трубы] выступает высоко над крышей, и через нее выходит плохой запах. В отличие от дымовой трубы в ней посередине нет заслонки, и поэтому для защиты от дождя над трубой делается медный навес вроде зонтика. ...Под сиденьями сделаны большие воронки из меди, [а дальше]

имеется большая вертикальная труба, в которую все стекает из этих воронок, а оттуда идет в большую выгребную яму, которая выкопана глубоко под домом и обложена камнем. Испражнения выгребают самые подлые люди за плату. Плата с людей среднего сословия и выше – по 25 рублей серебром с человека в год. Очистка производится один раз в месяц после полуночи, когда на улицах мало народа. Все это затем погружается на суда, отвозится в море на 2-3 версты и там выбрасывается»¹⁰.

Иногда русский нужник демонстрировал удивительную изобретательность и тонкое знание строительной физик-химии. Один из авторов данной статьи много лет назад участвовал в ремонте двухэтажного деревянного дома в г. Иркутске. Случайным образом на первом этаже дома было обнаружено изолированное помещение – то ли давно заколоченное, то ли совсем без входа. Из помещения вверх (на второй этаж и выше, через чердак на кровлю) шел короб из досок наподобие дымовой трубы (примерно 25x25 см). И само помещение, и короб практически доверху оказались заполненными непонятного происхождения коричневым порошком без запаха и вкуса. Исторический план дома не сохранился, что не позволило достоверно выяснить назначение помещения на втором этаже (под которым и находилась таинственная комната). В качестве наиболее правдоподобной версии все сочли одну – мы обнаружили туалет, устройство которого предполагало наличие постоянно движущегося воздуха, выносящего высоко вверх неприятный запах и высушивающего фекалии до вида порошкообразного комка.

В 1596 году сэр Джон Харрингтон, крестник королевы Елизаветы I, изобрел ватерклозет и издал трактат «Метаморфоза Аякса», но особого успеха ненискал. Через 250 лет, в 1851 году Джордж Дженнингс устроил общественные ватерклозеты в Хрустальном дворце на Всемирной выставке, где 827 280 человек (то есть 14% всех посетителей) с эн-

тузиазмом опробовали их и даже заплатили за это. Данное «удобство, соответствующее высокой ступени нашей цивилизации», усовершенствовал некий мистер Крэппер, владеец литейной мастерской. Предохранительный клапан смыва – «anus mirabilis» (чудесный анус) был запатентован в Англии, и с тех пор английское слово «ватерклозет» вошло во все культурные языки, а в американском английском «кэрэппер» стало общим синонимом смывного туалета. На протяжении второй половины XIX в. Запад полностью перешел на принцип водного смыва. Стихия Воды воцарилась в туалете.

Современная западная астрология полагает туалет местом, где властвует Вода, ее созвездие – Скорпион и управитель – планета Плутон. Только здесь возможно взаимное преобразование энергии восходящей (вентиляция) и нисходящей (сток воды). Именно в туалете наиболее плодотворны размышления о глубинных процессах внутри личности и общества.

Согласно правилам фэн-шуй (в его современном, американизированном виде), в туалете преобладает не только стихия Воды, но и холодная, темная энергия инь. Поэтому цветовая гамма туалета должна быть выдержана в светлых пастельных тонах с немногочисленными яркими акцентами (чтобы уравновесить инь, но не противоречить ей). Свет лучше всего использовать яркий, но рассеянный, цветные светильники желто-красного тона неуместны (так как стихия Огня враждебно движущегося воздуха, выносящего высоко вверх неприятный запах и высушивающего фекалии до вида порошкообразного комка). Облицовочные и конструкционные материалы должны относиться к стихии Камня (Земли) или Деревя, а Металл плохо совместим с Водой. Оптимальный запах в туалете подбирается индивидуально, но чаще всего оказываются уместны ароматы сосны (укрепляет и очищает), сандала (возвращает дух), тимьяна (очищает воздух). Противопоказано соседство туалета со спальней, гостиной или прихожей¹¹. Категорически нельзя помещать рядом с туалетом аквариум – символ богатства и процветания.

Унитаз не должен быть первым предметом, который вы видите при входе в ванную комнату. В целом туалет должен оставаться средоточием свойств Воды и Земли: подвижности, влажности, прохлады, основательности и здравого смысла.

Отметим, что восточная, а особенно корейская культура особенно отличается полным отсутствием табу на туалетную тематику. В южно-корейских городах огромное количество общественных туалетов, причем все они бесплатные. Сама идея платного туалета кажется корейцам совершенно дикой. Деление туалетов на мужские и женские хотя и обозначено, но совершенно условно и зачастую никак не соблюдается. Люди разных полов и возрастов спокойно устраиваются рядом, не обращая друг на друга особого внимания. Не стыдясь, можно спросить у любого прохожего, где найти ближайший туалет, и он (она) спокойно и просто объяснит – где. Можно зайти в офис незнакомого фирмы и попросить ключ от корпоративного туалета. Скорее всего, дадут (особенно если прямо объяснить причину – например, расстройство кишечника).

Такое упрощенное отношение к вопросу отражается и в оформлении туалетной комнаты. Интерьер обычного корейского туалета предельно прост: голые стены и пол, выстланные кафельной плиткой. Пол чаще всего мокрый, иногда прямо залит водой, так что перед посещением туалета предлагается надевать резиновые тапочки. Спокойный рассеянный свет. Растение в горшочке – верх декоративной роскоши. Зато унитаз с микропроцессорным сенсорным управлением на жидких кристаллах – шедевр новейших технологий. Компьютеризованная крышка унитаза способна по желанию пользователя помыть его деликатные части и подсушить их теплым или прохладным воздухом, промасжировать его и порадовать негромкой музыкой. В особом «продвинутом» варианте унитаза автоматически производится анализы того, что в него попадает, и выдает посетителю унитаза полный диагноз состояния его желудочно-кишечного тракта.

Однако чудеса высоких технологий не снимают, а только оттеняют глобальную проблему современного туалета. К концу двадцатого века стремительный рост количества людей (главным образом – горожан) привел к тому, что и Вода перестала справляться с задачей обезвреживания фекалий. Современные взгляды на использование принципа смыывания отходов «с глаз долой» сильно отличаются от того энтузиазма, которым сопровождалось их внедрение. Вопреки надеждам не только стихия Земли, но и стихия Воды не смогла справиться с проблемой человеческих отходов. Реки, еще недавно казавшиеся бездонными и бесконечными емкостями для наших отбросов, теперь активно возвращают нам наши же отходы. Тем не менее смывной принцип продолжает главенствовать. Практика сливания отходов жизнедеятельности «под себя» оказалась весьма живучей. Например, в местах компактного проживания китайских и среднеазиатских сезонных рабочих в городе Иркутске практически стало обычным делом незаконное подключение бытовых стоков кливневой канализации – и по этим неглубоким канавам нечистоты естественным порядком перемещаются прямо в Ангару (совсем как в средние века).

Принцип использования естественных водоемов в качестве транспортера фекалий привел к тому, что в большинстве европейских рек и озер до недавнего времени¹² нельзя было купаться, а понятие «речная рыба» отождествилось с редкими и дорогими деликатесами – лососем из Северной Шотландии или форелью из альпийских озер Швейцарии. Всю остальную речную рыбу в Европе еще совсем недавно есть не рекомендовалось. В «поединке» человеческих отходов со стихией Воды последняя безнадежно проигрывает.

В масштабах отдельной квартиры или усадьбы поиск путей аскетичного (экологичного) решения «туалетных проблем», очевидно, еще требует активного и творческого сотрудничества дизайнеров, технологов, хи-

миков, культурологов... На сегодняшний день в рамках аскетического миропорядка дизайнер призван искать и находить тот оптимальный баланс из базовых сущностей (стихий), который позволял бы экономить здоровье и хорошее настроение посетителя туалета – единственное, что действительно необходимо экономить. Переводная дизайнерская и инженерная мысль уже пришла к пониманию того, что ни одна из стихий не способна справиться с отходами человека в одиночку. Только сочетание совместных усилий нескольких стихий, а также человеческое самосознание способны решить туалетную проблему во всей ее грандиозной актуальности.

И это задача не столько технологическая, сколько духовная. Она сильна лишь сознанию, ставшему на путь осознанного самоограничения – аскетизма. Лишь таким путем можно очистить себя от скверны не только в физическом, но и в духовном смысле. Известный английский историк, философ и богослов Иван Иллич пишет: «Я думаю, что архаическим грекам с помощью ритуальных омовений обычно удавалось устранить скверну. Наша попытка отмыть город от дурных запахов, очевидно, провалилась. Я ночевал в Далласе в шикарном клубе: флаконы с ватными тампонами распространяли парализующий обонятельные нервы мощный анестетик, маскируя неудачу самого дорогого водопровода, какой можно купить за деньги. Дезодорант лишь заглушает обоняние своего рода «хоровым шумом». Наши города стали местом исторически беспрецедентной вони. Но мы стали так же нечувствительны к этому загрязнению, как парижане в начале XVIII века – к трупам и экскрементам на городских улицах»¹³.

Туалет – место, где человек проводит немало важных минут своей жизни. Внимательное и творческое отношение к дизайну туалета равносильно осознанному подходу к самым глубоким вопросам жизни тела и духа. В аскетическом миропонимании туалет – источник многих ресурсов и место во-

площения широких возможностей экономии. Эти ресурсы могут быть вещественными и энергетическими. Так, например, в Японии и США интенсивно обсуждаются проекты строительства «вертикальных ферм» – высотных зданий, в которых будут размещаться гидропонные плантации и животноводческие комплексы. Такие «vertical farms» призваны уменьшить экологическую нагрузку города на окружающий ландшафт и обеспечить горожан свежими продуктами¹⁴. Энергия для освещения вертикальной фермы должна вырабатываться в метантанках – газовых генераторах, работающих на продуктах брожения отходов этой же фермы.

Сберегаемые ресурсы могут быть также личностными и психологическими. Так, например, в частном доме возле небольшого города Ярна (Швеция) нам показывали специфическое устройство вентилирования туалета, которое высушивает содержимое выгребной емкости до порошкообразного вида¹⁵. Хозяин дома раз в год, надев сапоги, с помощью обычной лопаты опустошает выгребную яму, внося полученный компост в землю сада и огорода. В соответствии с принципами экологического сознания, он хотя бы частично возвращает земле то, что у нее взято. Он рачительный хозяин; он трудолюбиво работает о земле, на которой живет, и о воде, и о прочих первоосновах мира, сколько бы их ни было. Аскетизм есть форма сознания, и функционирование туалета, регулируемое ритуалом, – источник чистых и тонких аскетических удовольствий!

**Константин Лидин
Марк Меерович**

12. В последнее время массовые экологические мероприятия, планомерно осуществлявшиеся в Европе в предыдущие десятилетия, дают свои положительные результаты.

13. Иллич И. H₂O и вода забвения // Индекс. – №12, 2000 г. – С.52.

14. www.verticalfarm.com

15. Конструкция совсем иная, нежели в деревянном иркутском доме (см. выше), но принцип – тот же.

Современный унитаз из листового золота с титановым напылением. Вероятно, именно такие изделия имели в виду основоположники марксизма-ленинизма, когда предлагали использовать золото в единственном смысле, достойном этого металла.

Члены делегации Союза архитекторов в античном туалете (г. Эфес, 2006 г.). Дата постройки туалета – III век до н.э.

Библиотека Вернера Эскина

Место: Айнзидельн, Швейцария
Реализация: 06.2006
Архитектор: Марио Ботта

Уникальная библиотека профессора Цюрихского Политехнического Института расположена на пересечении духовного и материального миров. «На паломническом пути» – http://www.archi.ru/foreign/news/news_present.html?nid=2127&fl=1&sl=1&tid_1=5&tid_2=%25&tid_3=12

Евангелистская церковь в районе Дорнбуш

Место: Германия, Франфуркт-на-Майне
Архитектурное бюро
Meixner Schluter Wendt

Как за счет сноса можно улучшить состояние здания и его привлекательность? Опытная рука архитектора – и у евангелистской церкви появляется новая жизнь.

«Раскол» Софи Ловелл, Wallpaper* Русское издание , 01.08.2006 –
http://archi.ru/foreign/news/news_present_press.html?nid=2338&fl=1&sl=1&tid_1=%25&tid_2=1&tid_3=%25
Официальный сайт мастерской Meixner Schluter Wendt – www.meixner-schluter-wendt.de
О проекте на сайте мастерской – <http://www.meixner-schluter-wendt.de/index.php?id=43>

Музей на набережной Бранли

Место: Париж, Франция
Реализация: 2001-06.2006
Архитектор: Жан Нувель

Открытие еще одного мощного музея в Париже. Архитектура подчиняется коллекциям, диктат ограждающих поверхностей максимально снижен инсталляцией.

«Бегство от Европы на набережную Бранли, или Новый музей Жана Нувеля» – http://www.archvestnik.ru/0603_09.htm
«Не-европейское искусство в центре Парижа» – http://www.archi.ru/foreign/news/news_current.html?nid=2164&fl=3&sl=2 –
первоисточник New York Times 22.06.2006 <http://www.nytimes.com/2006/06/22/arts/design/22quai.html>
Официальный сайт музея – <http://www.quaibrnly.fr>

Еврейский некрополь в Лисихе

Стеснительно замалчивая проблемы сохранения культурного наследия евреев, мы как бы не видим и не знаем о существовании уникального некрополя, но до сей поры величаво хранящего историю города, имена ее граждан, демонстрирующего художественный вкус и традиции давно ушедших иркутян.

Каждому древнему городу, гордящемуся своими реликвиями, присущи и веками формировавшиеся некрополи. Волею судеб на территории Иркутска сохранился этот исторический пласт нашего города – еврейское кладбище. Отдаленность от городского центра спасло его от уничтожения и разрушения, чего не удалось избежать Иерусалимскому кладбищу, на территории которого вольготно резвятся отдыхающие в ЦПКиО.

В начале XX века (1905 г.) Городская Дума выделяет земельный участок под новое городское кладбище в районе Лисихи, которое впоследствии делят на православное и иудейское. Четкая квартальная планировка функционально определяет территории для различных сословий, младенцев, а также аллею для почетных и состоятельных граждан. Территория еврейского кладбища обносится оградой, сложенной из блоков необработанного песчаника, а ворота, калитки и примыкающие стены оформляются песчаником «под рваный камень».

Уникальны надгробные памятники, в которых присутствуют не только традиции еврейских саркофагов, усеченных стволов деревьев с обрубленными ветвями, олицетворяющих окончание мирской жизни, но и находят стилистические влияния начала XX века.

Местный, излюбленный ваятелями, материал песчаник, недорогой и легкий в добыче и обработке, удивляет возможностью тонкой проработки деталей и многообразием форм: обелиски с накинутыми траурными покрывалами, мягко драпированными складками с кистями и бахромой, скрывают «испитую чашу жизни»; алтари-ковчег с раскрытой книгой-торой и погребальной урной.

Лиричный и по-купечески «с размахом» памятник О. А. Мерецкой, жене известного иркутского купца, чей дом «Магазин Мерецкого» и ныне служит первоначальному назначению (магазин «Детский Мир» на ул. Урицкого) и украшением Иркутска. Барельефы женской скорбящей фигуры, ангелочки, лаконичные надписи на русском языке оформляют крупных размеров из песчаника параллелепипед, венчающийся вазоном, увитым цветами,

первоначально раскрашенными.

Читаем: «Участок Файнберга». Как много зданий, связанных с этой фамилией. В одном из его особняков расположилась ныне библиотека им. Молчанова-Сибирского (ул. Халтурина, 1).

Кованые металлические склепы, ограды в разных стилях – модерне, классицизме, ампире – настоящие произведения искусства ныне не известных иркутских умельцев.

Закрытое в 1961 году, кладбище пришло в запустение, нет приходящих и ухаживающих за могилами потомков, аллеи заросли черемухой. Старые деревья, поваленные ураганами, свергают с пьедесталов памятники, смываются временем надписи, разрушаются надгробия, ржавеет металл – утрачивается неповторимый след иркутской истории, удивительного памятника художественного мастерства Иркутска.

Надежда Красная

Хроника фестиваля

5 июня в Иркутске стартовал VI Межрегиональный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2006». В течение вот уже шести лет он играет свою объединяющую роль в архитектурной жизни огромной территории от Алтая до Читинской области.

Выставка конкурсных работ по традиции проходила в залах Иркутского Художественного музея. В церемонии открытия приняли участие мэр Иркутска Владимир Якубовский, председатель комитета по градостроительной политике администрации г. Иркутска Евгений Харитонов, председатель комитета по наследию администрации Иркутской области Вадим Шахеров, начальник Главного управления архитектуры и градостроительства Иркутской области Алексей Буйнов, архитекторы из Москвы, Красноярска, Иркутска, Ангарска, других городов Восточной Сибири.

В этом году официальными гостями фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» стала когорта московских архитекторов: Владимир Плоткин, Андрей Савин, Андрей Чельцов, Александра Павлова и Ольга Головина.

МАСТЕРСКАЯ

Вечером 5 июня состоялась лекция архитектора Владимира Плоткина. Большой зал Дома архитектора с трудом вместил сибирских зодчих и студентов архитектурного факультета ИРГТУ, пришедших на лекцию столичного мастера. Изысканно-лаконичный почерк Плоткина давно имеет своих почитателей среди архитекторов Восточной Сибири. Возможность личного общения – особая ценность.

АВТОРСКИЙ НАДЗОР

Большой интерес архитекторов и журналистов вызвала экскурсия по новым жилым комплексам Иркутска, проведенная главным архитектором ОАО «Архцентр» Владимиром Стегайло 6 июня. Как и было обещано, экскурсия прошла с участием авторов-архитекторов – Александра Колесникова, Александра Юшкова, Анатолия Зиброва.

МАСТЕРСКАЯ – 2

Вечером 6 июня Дом архитекторов пережил второе нашествие публики: состоялась презентация удивительных проектов архитектурной мастерской «Арт-Бля» и показ видеофильма «Время, вперед!» с эпатажной футуристической картиной Москвы. Андрей Савин и Андрей Чельцов своими инсталляциями, проектами и постройками подтвердили впечатление, сложившееся по публикациям в журналах и Всемирном атласе. И в острой дискуссии закрепили завоеванные позиции.

СПОРТКЛУБ

7 и 8 июня впервые в рамках архитектурного фестиваля «Зодчество ВС» прошли соревнования по дартсу и боулингу. Победители в боулинге – Александр Янов и Анастасия Хайрутдинова, в дартсе – Сергей Ананьев.

МАЛЫЙ ПЛЕНЭР

Выезд на Байкал, организованный сверх программы для гостей из Москвы и Екатеринбурга, которые уезжали раньше, тоже имел ярко выраженный спортивный контекст: плавание в экстремальных условиях. Озеро и солнце вдохновили всех московских мужчин, включая сыновей – Ивана Савина и Адама Чельцова – на несколько заплывов в воде с температурой в + 5° по Цельсию. От аборигенов в заплывах участвовал Александр Колесников со своим лабрадором Блейком.

чи, поставленные президентом страны в национальном проекте «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». Иркутская организация Союза архитекторов совместно с журналом «Проект Байкал» в апреле и мае провела цикл круглых столов на эту тему с ротацией участников. Это позволило плодотворно провести заключительный круглый стол и глубже окунуться в тему национального проекта.

ИТОГИ ФЕСТИВАЛЯ

9 июня были подведены итоги смотров-конкурсов по разделам и вручены награды победителям. В фестивале было представлено 92 работы в разделах «постройки», «проекты», «пропаганда архитектуры» и «творчество молодежи и студентов», участвовали 4 детские студии, выставившие 185 работ. Каталог выставки публикуется в этом номере журнала.

БОЛЬШОЙ ПЛЕНЭР

Фестивальная неделя закончилась путешествием в Большие Коты в субботу 10 июня. Участники фестиваля отправились в Листвянку автобусом, дальше – на катере по штурмовому Байкалу. После серьезной морской качки на фоне грозового неба, скал и прочих прелестей байкальского ландшафта всех ждала уютная турбаза, вкусный обед, жаркая банька для желающих, а также экскурсия в местный краеведческий музей.

Фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2006» завершился, архитекторы разъехались по домам, «себя показав и других посмотрев». Мастер-классы известных архитекторов, интересная конкурсная выставка, сама атмосфера творческой тусовки – хорошая школа для профессионального роста сибирских зодчих.

Хадича Дулатова

Москвичи поработали в жюри, как и представители Братска, Ангарска и Красноярска. Красноярские архитекторы третий год подряд принимают активное участие в смотрах-конкурсах фестиваля и работе жюри.

ГРАДСОВЕТ

8 июня в рамках фестиваля прошел круглый стол, на котором иркутские архитекторы и чиновники областной администрации обсудили зада-

Столичный десант на фестивале «Зодчество Восточной Сибири – 2006»

Фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» – это не только парад архитектурных новинок огромного региона, но еще и замечательная возможность познакомиться с творчеством известных столичных архитекторов и пообщаться с ними лично. За пять предыдущих лет в гостях у иркутян побывали президент Союза архитекторов России Юрий Гнедовский, вице-президент САР Во-

рис Нелюбин, историк архитектуры Андрей Кафтанов, градостроитель Александр Цивьян, архитекторы Александр и Марина Асадовы, Александр Скокан, Алексей Бавыкин, Сергей и Татьяна Киселевы.

В этом году на иркутской земле высадился целый десант московских архитекторов: Владимир Плоткин, Андрей Савин, Андрей Чельцов, Александра Павлова,

Ольга Головина и двое будущих архитектурных гениев – Иван Савин и Адам Чельцов.

Не успели столичные гости устроиться в иркутской гостинице, как тут же были привлечены к работе в составе нескольких команд жюри фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2006». Московские архитекторы добросовестно изучали выставку творческих достижений сибир-

ских коллег, обменивались мнением и делали пометки в блокнотах. Работа жюри – дело долгое и утомительное. Тем удивительнее было увидеть москвичей после авиаперелета и осмотра экспозиции бодрыми и подтянутыми, когда они явились вечером в Дом архитектора на мастер-класс Владимира Плоткина.

Владимир Плоткин

Владимир Ионович Плоткин. Главный архитектор Творческого производственного объединения «Резерв». Родился в 1955 году в семье военного в Санкт-Петербурге. В раннем детстве кочевал с родителями по военным гарнизонам Советского Союза: Средняя Азия, Витебск и Минск. В Минске окончил среднюю школу и архитектурный факультет вуза. С 1985 года живет и работает в Москве.

Елена Григорьева: Каково ваше отношение к конкурсам? У вас в лекции прозвучала парадоксальная фраза «Этот конкурс мы, к сожалению, не выиграли, а этот конкурс мы, к счастью, не выиграли». Что вообще происходит с этим в России?

Владимир Плоткин: (со смехом): Ситуации действительно бывают очень смешными. Когда участвуешь в конкурсе, ставишь перед собой задачу – занять почетное второе место, но ни в коем случае не выиграть первое. Дело в том, что, став первым, ты обрекаешь себя на какие-то невероятные муки с неприятным результатом. А, заняв второе место, ты получаешь денежную премию, греешься в лучах славы и не несешь никакой ответственности. Понятно, что это несколько циничная позиция, но так оно и есть. На мой взгляд, конкурсы – это очень полезная проверка самого себя. Ар-

хитектура – это, конечно, не спорт, но настоящий конкурс, с равными для всех условиями и задачами, сродни спорту и прекрасно тренирует мышцы.

Что касается ситуации с конкурсами в России... Большие конкурсы, которые у нас проводились, на мой взгляд, были в большей степени PR-кампаниями, чем реальным желанием построить что-то. Ситуацию с конкурсом на Мариинский театр мне трудно комментировать, потому что я знаю о нем лишь то, о чем пишут СМИ. Полагаю, что конкурсу на Мариинку уделяют незаслуженно много внимания, и что шумиха вокруг него поддерживается искусственно, хотя непонятно зачем: таких архитектурных конкурсов в мире каждый год штук по 10-20 проходят. Другое дело, что в Москве и вообще в России аналогичных конкурсов, к сожалению, очень мало. Что касается результатов конкурса на Мариинку, мне больше всего нравился первый, доконкурсный проект Эрика Оуна Мосса. Возможно, проект Доминика Перро был самый лучший, самый хороший, но его метаморфоза мне не нравится. Если она устраивает самого Перро, ради Бога.

Виктория Астраханцева: А как относиться к тому, что на конкурс было предъявлено одно, а фактически получается другое.

Владимир Плоткин: Слава Богу, что автор еще оставлен и что он сам занимается этим проектом. И неважно, какие там обстоятельства, он всегда может сказать, а может, это его глубокое убеждение, что именно так и надо делать, что это его движение вперед. Хотя есть у меня подозрение, что Перро здесь как следует «помяли».

(Далее идут фрагменты интервью журналиста Х. Дулатовой со столичными гостями фестиваля).

– Владимир Ионович, почему вы пошли в архитекторы? Кто-нибудь в вашем роду имел отношение к зодчеству?

– Нет. Но мой дедушка по отцовской линии был профессиональным художником, жил и работал в Витеб-

ске в те же времена, что и Марк Шагал. Они были знакомы. Выражаясь современным сленгом – вращались в одной тусовке.

С выбором профессии, насколько помню, определился я достаточно рано. Классе в пятом или шестом объявил окружающим, что буду архитектором, хотя не знал никого из архитектурной среды.

– Сложно ли было вам пережить перестройку и адаптироваться в новых экономических условиях?

– Лично мне было относительно несложно. Даже в тяжелые перестроенные годы в Москве архитектура в том или ином виде была востребована. Всегда были какие-то заказы по месту моей основной работы в «Моспроект-1», параллельно я занимался сторонними проектами. В 1987 году после выхода в свет первого закона о кооперативной деятельности мы с коллегами создали кооператив «Резерв», который теперь называется Творческое производственное объединение «Резерв».

– Всех московских зодчих, которых мы видели в Иркутске, объединяет одно – колоссальные масштабы работ. Не страшно приступать к таким громадным объектам или для вас это норма?

– Всякое бывает. Иногда бывает заказ колоссального масштаба, звучит ужасающе, но относишься к нему достаточно спокойно: ну заказ и заказ, все вроде понятно и знакомо. Надо подумать и создать некий красивый образ, а уж с типологией и методологией, чтобы все работало, было спроектировано, у меня особенных проблем нет. Проблемы чаще возникают отнюдь не с мегаобъектами, а с микрообъектами. Творческих усилий на них тратишь едва ли не столько же, но при этом на больших объектах работает большой коллектив, там вращаются гигантские средства, а здесь смешно и невозможно приглашать большой коллектив. О средствах и говорить не стоит. Вообще, сложность заказа не всегда зависит от размеров объекта.

– Сколько человек работают в вашей фирме?

– Порядка 200-250 человек. Орга-

низация у нас большая, комплексная, в ней есть все специалисты, необходимые для разработки проектов. В их числе около 50 архитекторов.

У меня два партнера, они инженеры, один из них президент фирмы, ему принадлежит основной пакет акций, другой – генеральный директор, отвечающий за производственный процесс. Я отвечаю за архитектуру. По сравнению с другими крупными архитектурными командами я нахожусь в довольно привилегированном положении и могу уделить больше внимания творческой работе, хотя даже при таких условиях 50-70% времени отнимают организационные вопросы.

– Сохранились ли у вас какие-нибудь теплые воспоминания о советском периоде в архитектуре?

– Я никому не пожелаю пережить этот тренинг, когда надо было из трех типоразмеров создавать шедевры: два типа окна, три типа двери и каркас либо бхб, либо бхз, в лучшем случае 4,5. Тем не менее несколько поколений советских архитекторов в рамках этого «роскошного» выбора создавали неплохие вещи. Кстати, на мой взгляд, архитектура Москвы 60-70-х годов прошлого столетия, наверное, самая удачная. Во всяком случае, значительно удачнее, чем 80-90-х годов. Особенно 90-х годов, когда можно было практически все.

– Почему?

– Иногда ограничения дисциплинируют и идут на пользу. Самое поразительное было то, что вполне приличные архитекторы, которые успешно работали в 70-80-е годы, в 90-е, дорвавшись, очевидно, до свободы, вылили в свои творения все, и получился просто чудовищный результат. Тут и стало понятно, что за душой у человека, возможно, ничего и не было. Были какие-то наработки, которые ему приходилось делать в рамках жестких ограничений, получалось это неплохо, но оказалось, что на самом деле он мечтал вот об этих нелепых башенках.

Ольга Головина

Ольга Георгиевна Головина. Архитектор, окончила МАРХИ в 1988 году, в настоящее время занимается проектированием интерьеров по частным заказам и воспитывает сына-подростка. Супруга В. И. Плоткина. Имеет сестру-близнеца – архитектора Светлану Головину, построившую в Подмоскovie деревянный стрелковый клуб, окрашенный в ярко-красный цвет.

– Оля, вот вы занимаетесь интерьерами, а я ко всем специалистам по интерьерам пристаю с вопросами о своей любимой передаче «Квартирный вопрос». Для нас, обывателей, она – окошечко в мир, где с помощью профессионалов можно даже из наших убогих квадратных метров сделать симпатичное, уютное жилье. По-моему, эта программа замечательно популяризирует профессиональных архитекторов и дизайнеров.

– Мне кажется, что авторы этой программы в основном популяризуют работу декораторов, а не архитекторов. Потому что архитектор, приступая к квартире, к пустому пространству, думает не о том, какую вазочку куда поставить. Прежде всего он сделает хорошую планировку, чтобы человеку было удобно, а потом уже заполняет квартиру разными побрякушками. Я считаю, что декоратор не может быть архитектором, а вот архитектор может быть декоратором. Архитектор может построить квартиру, сделать красивую планировку и украсить ее так, как он считает нужным. Обидно бывает, когда ты делаешь квартиру, а потом хозяин приглашает декоратора, и он там такое наворотит, что ты в ужасе отречаешься от своей работы: «Это не я!».

Если находишь с хозяином общий язык, радуешься этому безмерно.

Мастерская «Арт-Бля»

Вечером 6-го июня Дом архитектора вновь пережил нашествие участников фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2006». Мастер-класс дала творческая группа «Арт-Бля» в составе Андрея Савина и Андрея Чельцова. В Иркутск не смог приехать третий партнер фирмы – архитектор Михаил Лабазов. Роли выступающих распределились так: компьютерным проектором командует Андрей Чельцов, комментирует видеоряд и отвечает на вопросы слушателей Андрей Савин.

И вот перед нами герои второго дня фестиваля Андрей Савин и Андрей Чельцов. Савин худощавый, с длинными светлыми волосами, в богемном черном полотняном костюме, Чельцов сменил рубашку-гавайку на черный батник. И начался парад парадоксальных инсталляций, проектов, объектов, сделанных авторами в разных европейских странах и в Москве, от них кружится голова.

После показа работ гостей засыпали вопросами, тут же развернулась дискуссия о природе архитектурного творчества и прочем. Кое-что мне удалось записать на диктофон и расшифровать.

Один из объектов «А-Б» вошел в атлас лучших произведений мировой архитектуры.

Андрей Савин в ответ на реплику Константина Лидина о российском архитектурном авангарде 20-х годов прошлого столетия: Мало кто из современных студентов хорошо знает историю архитектуры 20-30-х годов и вообще понимает значение этого периода для всей мировой архитектуры.

Мне кажется, что ваша шкала ценностей немножечко сместилась. Вот мы бродим по городу и понимаем: то, что сейчас происходит в Иркутске с современной архитектурой, должно быть каким-то образом опровергнуто. Я с большим удовольствием смотрю на деревянные дома и испытываю к ним самые нежные чувства. Мне очень хочется попасть именно в ту среду, где их как можно больше, чтобы увидеть и почувствовать ее. Когда я попадаю в другую среду, я вижу, что она сделана хорошо, по своим законам, но она, к сожалению, вступает в серьезный конфликт с той, которая была здесь до этого. Мы очень часто ездим по Европе и видим, как тщательно сохраняются деревянные дома в той же Швейцарии и Франции, так как они формируют определенную теплоту ощущений. А в Иркутске я вижу, что отношение к этому слою архитектуры совершенно противоположное. И современная архитектура по критериям, по оценке и прочим параметрам тоже осталась на каких-то позициях 70-х годов прошлого века. Она до сих пор рефлексирует старыми

понятиями. А мы говорим: «Давайте мы прокрутим еще раз эту ручку по-дальше, нам ведь надо сюда что-то внести новое».

Мы начали с того, что выступаем сейчас как художники, и говорим, что архитектор – это художник. Каждый архитектор – это художник со своим творческим видением окружающего. Вы же не можете прийти к художнику и сказать: «Извини, ну-ка расскажи мне типологию твоего творческого пути. И покажи, как ты там пишешь тот или иной натюрморт или композицию». Он, конечно, может рассказать о какой-нибудь философской концепции своего жизненного ощущения, но передать, откуда берутся все эти идеи и как звезды становятся на небе, вряд ли получится. Поэтому я и желаю вам идти к какому-то своему видению не только математики, не только чисел и цифр, не только функции... Все это, конечно, важно, и мы этого не отрицаем. Но вы не должны забывать главное: архитектор – это художник. И он должен создавать среду художественного качества, в которой может быть и ярмарка, и балаган, может быть что-то нарядное, яркое, веселое. Нам должно быть интересно.

Виктория Астраханцева: Как давно существует ваше творческое содружество? Кто те люди, которые способны понять вас так глубоко, чтобы провести в жизнь ваши проекты?

Андрей Савин: Мы дружим и работаем со студенческих времен. Видимо, так звезды встали. Сегодня здесь с нами нет третьего партнера – Михаила Лабазова. Мы работаем втроем, и что бы ни происходило, принимаем все, как есть, как родственники. Три человека, три точки зрения – это всегда объективнее и может быть правильнее, чем точка зрения одного. Наша сила как раз в том, что мы втроем без каких-либо амбиций можем оценить то, что делает каждый из нас. Каждый может легко высказываться, и общее мнение, сформированное в процессе обсуждения, на наш взгляд, становится более объективным и более правильным.

А дальше, если ты увлечен и это чувствуют все, то уже неважно, разделяют твою точку зрения сантехник или конструктор. Они видят, что ты лидер, что ты ведешь, и они идут за тобой, ни в чем не сомневаясь. Важно, чтобы у вас горело, чтобы вы могли сказать: «Да, это хорошо! Так будет!». Важно самому верить в свою идею. Если ты веришь, то за тобой пойдут все. И заказчик поверит, если почувствует, что ты действительно убежден в проекте на 100%. Но стоит тебе сомневаться: «Нет, это не годится. Вот здесь вот не так»...

Андрей Чельцов: Трое как раз помогают бороться с сомнениями и убеждать заказчиков. Один человек легче ломается. Втроем проще. Глав-

ное – первую мысль донести до конца, чтобы она не потерялась в процессе обсуждения и проработок. Проблема всех архитекторов в том, что первичная вещь неожиданно разрушается. А дальше начинается: построили дом, столько было хороших слов до этого, а в результате – то денег не хватило, то не достроили, здесь я не дочертил, здесь мы не успели, здесь экспертиза не пропустила, очень плохие были памятники, они нам помешали... Архитекторы часто извиняются за собственные постройки.

Александр Колесников: Да, здесь не получилось, потому что...

Инна Дружинина: А у вас такого нет?

Андрей Чельцов: Втроем проще. И памятники хорошие...

Андрей Савин: Перед нами также стоят все проблемы согласования и экспертиз, и, конечно, мы тоже попадаем в такую мясорубку: вроде бы вставляем в нее хороший кусок мяса, а получаем оттуда какой-то фарш. Достаточно тяжело пройти через все это и сохранить то, что мы вкладывали в проект.

Инна Дружинина: Как складываются ваши отношения с подрядными организациями? Готовы ли российские подрядные организации осуществлять ваши проекты?

Андрей Чельцов: Я вам честно скажу – это миф, что западный подрядчик выше российского. Что западный архитектор выше российского – это тоже миф. Вопрос только в личности подрядчика, который конкретно будет работать с тобой. Если там есть менеджер, управляющий стройкой, значит, стройка хорошая. Неважно, кто он, россиянин, англичанин или украинец. Если при этом есть хорошие рабочие чертежи и авторский надзор, то все складывается нормально.

Андрей Савин: Вы же знаете, что любой выбор или рекомендация накладывают на вас определенную ответственность. Если вы готовы брать ее на себя, то вы можете рекомендовать того или иного подрядчика. Мы стараемся этого не делать. Мы можем высказаться, что нам кажется, что вот этот подрядчик хороший, но ни в коем случае не влиаем и не рекомендуем.

Александр Колесников: Все, что вы сказали, очень интересно, но я вспоминаю Берлинский конгресс, где выступали такие мощные старики, как Фрей Отто, автор Мюнхенского Олимпийского комплекса. Он предупреждал, что «Отечество в опасности», что размываются границы инсталляции, дизайна, рекламы, и все это настолько перемешивается, что в этой легкодоступности, легкоизменяемости пространства и вседозволенности размываются основы архитектуры. Архитектуры, которая делается вообще-то не на время фестиваля, а на века.

Андрей Чельцов: С этой позицией мы можем поспорить. Жизнь архитектуры все укорачивается и укорачивается. В Японии здания, условно говоря, живут 20-25 лет. Там начали разбирать дом Райта. К великому сожалению, срок жизни архитектуры сокращается. Мы к этому тоже идем.

Андрей Савин: Мы должны согласиться с тем, что происходит с архитектурой, которая становится одноразовой, с короткой жизнью, в ней все размыто...

Андрей Чельцов: Во все вносятся реклама, телевидение, компьютерные информации.

Андрей Савин: Не надо бояться, нужно переболеть и из этого родить какого-то нового ребенка, но ни в коем случае не говорить, что все плохо и нельзя с этим бороться. Надо работать с этим.

Виктория Астраханцева: Если я не ошибаюсь, Фрей Отто там же призывал архитекторов быть честными перед людьми, перед населением, говорил, что архитектура должна быть доступна и понятна. Как бы вы ответили на этот призыв?

Андрей Савин: Мы начали с того, что мы, художники, прежде всего должны быть честными перед собой и честными перед теми, кому мы пытаемся продать проект или идею. Почему мы проигрываем тендеры? Потому что рисуем то, что считаем необходимым – честно нарисовать. Конечно, мы могли бы сделать какой-то более конъюнктурный проект, будучи на 100% уверены, что он быстро пройдет все согласования, мы получим деньги и быстренько все построим. Есть и такие пути, но нам это не интересно.

Александр Колесников: То есть они уже могут себе это позволить.

Андрей Савин: Это тоже неправильно. Нельзя говорить «Можно Уже Себе Позволить». Нужно всегда, с самого начала, независимо от условий стоять на этой позиции, только тогда у вас появится возможность реализовывать свои идеи. Если вы сегодня будете, грубо говоря, «продаваться», а завтра планируете заниматься честной жизнью, так не бывает. Надо с самого начала пытаться честно делать то, что ты считаешь нужным.

Андрей Чельцов: Надо искренне признаться, что периодически нас ломают. Тогда есть другой путь: вы просто вносите определенный коэффициент, и дальше человек начинает думать. Но с другой стороны, я могу сказать, что тенденция среди наших заказчиков резко поменялась. Они к нам приходят и говорят: «Ребята, у нас есть «Арт», но мы хотим вторую половину. Поэтому вы рисуйте, а дальше мы с вами вместе будем бороться за проект».

Александр Колесников: Что вы думаете о конкурсах? Не изжили ли они себя?

Андрей Савин: В принципе, мы начали свою творческую деятельность еще в институте, играя в конкурсы. И это нам очень сильно помогло. Мы очень рано начали делать конкурсы, начали рано формировать какое-то свое творческое состояние. И если бы не конкурсы, я не знаю, что бы из нас получилось. Конкурсы необходимы. Любой проект, даже если у заказчиков не хватает времени и знаний, как устраивать конкурс, это необходимо делать. Мы сейчас преподаем в МАРХИ, но, к сожалению, не видим у студентов желания играть в конкурсы, хотя их сейчас такое количество, что даже есть специальный сайт. Мы практически не видим этой деятельности среди молодых архитекторов, что, в общем, даже обидно. Конечно, мы понимаем, что они заняты проектированием квартир и коттеджей, но это ошибочный путь. Он не развивает архитектора, он его консервирует на определенном, достаточно низком уровне. А конкурс дает участнику возможность высказаться, дает возможность корректировать творческие позиции, его оценивают как архитектора на определенном профессиональном уровне.

Андрей Савин

Андрей Михайлович Савин – абсолютно подходит под определение self-made-man. Родился в 1961 году в рабочем районе Москвы, застроенном типовыми пятиэтажками. Родители были рабочими-строителями. Брат Сергей также не имеет никакого отношения к творческой деятельности.

– Андрей, кто вас направил на архитектурную стезю?

– Вообще-то я не собирался быть архитектором. Когда я учился в младших классах, мне захотелось рисовать, и я пошел в художественный кружок, а затем в художественную школу. Родители были не против. Впоследствии выяснилось, что мы с Андреем Чельцовым ходили в

одну и ту же художественную школу, учились у одного и того же преподавателя и даже были у него любимыми учениками. Только Андрей на год старше меня, поэтому в школе мы не пересекались.

Учился я довольно хорошо, меня переполняло чувство юношеского максимализма, которое говорило: «Я уже знаю, что такое живопись, графика, понимаю, что такое скульптура, осталось постичь искусство пространства, а для этого надо пойти в архитектурный институт». Я поступил в МАРХИ, полагая, что после вуза разберусь, каким направлением искусства заниматься, а там меня затянуло. Вы видели, что большинство работ, которые мы вам показывали на лекции, не совсем архитектурные, одни на грани, другие вовсе не архитектурные. Андрей – хороший живописец, мы иногда тоже балуемся, у нас много художественных работ. Придя к пониманию, что архитектура – это масштабная инсталляция, к этому нужно относиться не как к конструктивному самовыражению, а как к художественному объекту. Этим мы и занимаемся.

– Мне кажется, что в душе у творческого человека должен сидеть такой моторчик, который его все время толкает вперед, заставляет преодолевать природную лень. Работы вашего коллектива настолько необычны... Из столичных архитекторов только Алексей Бавыкин показывал нам эпатажные проекты, у других они были очень красивые, эlegantные и правильные. Большинство людей представляют себе архитектурные объекты как что-то солидное, надежное, где можно жить и работать, не боясь за свою жизнь. Ваши объекты настолько фантазийны и эпатажны, для них трудно подобрать какое-то определение. Я не могу представить, как можно жить в таком оригинальном доме, который вы показали: бревенчатые столбы обозначают пространство, в которое фрагментарно вставлены жилые помещения. Как рождаются такие идеи и проекты, я еще могу представить, но как вам удается убедить заказчика в том, что такой дом удобен и комфортен для жизни, работы и отдыха, для меня совершенно непостижимо.

– Вы поймите: если в жизни делаешь то, что хочешь, значит – тебе это интересно, а если это интересно, значит – тебя «вставляет», «зажигает». Если тебя что-то «зажигает», твоё горение передается окружающим, и ты увлекаешь заказчика. Если такое состояние появляется, тогда хочется быстро соскочить с дивана, бросить газету, выкинуть телевизор в окно – и за работу.

– Вам некогда смотреть теле-

визор?

– Не то чтобы некогда. Я внутренне просто ненавижу телевизор. Я просто вижу, как нас обрабатывают через это медийное средство, вплоть до того, что нам даже трудно представить, что с нами происходит. Глядя на агрессивную рекламу, глядя на эти фильмы, я даже не знаю, как их назвать, не понимаю, в чем их художественная ценность, о чем они? Единственное, что я могу смотреть по телевизору, – это новости.

Иван, мой сын, абсолютно разделяет эту точку зрения, максимум, что он смотрит, – программы «Discovery». Я обожаю слушать музыку. Очень люблю классику, а также рок, под который прошло мое детство, группы «Di purple», «Beatles», «Pinc Floyd»... Мне нравится музыка 60-70-х годов, в ней была мощная энергетика, протест. Ничего этого нет в современной музыке. Какая-то парфюмерия...

– Как вы восстанавливаетесь после тяжелого рабочего дня и нервных перегрузок?

– Очень люблю ездить на природу, просто гулять. Люблю нашу просторную квартиру, которую я сам спроектировал и построил. Мне очень нравится находиться дома, люблю слушать музыку, книги, хороший обед и немного друзей под вечер. Этого достаточно.

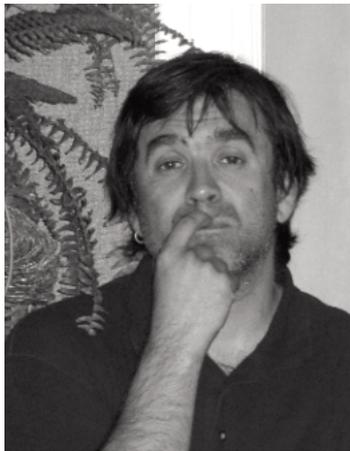
– В каком проектно-учреждении вы проходили школу профессионального становления после вуза? Ваш коллега Чельцов по распределению успел поработать в «Моспроект-1», а вы где?

– Нигде. Мне, конечно, звонили, говорили, что я обязан. Но я сказал делайте, что хотите, а я не пойду.

– Как же вы на жизнь зарабатывали?

– У меня не было проблем с деньгами. Мне было интересно заниматься чистым творчеством, мы много участвовали в архитектурных конкурсах. Это приносило немало денег. Премии в \$1000 или \$2000 по тем временам были огромными деньгами. На них можно было полгода прожить.

Это была своеобразная технология выигрывания конкурсов, которая давала хорошие результаты: а) приличные финансы; б) повышение профессионализма; в) престиж. Не говоря уже о том, что эмоционально ты чувствовал себя героем. Я помню, на третьем курсе МАРХИ я получил первую премию за конкурс – на земле не было человека счастливее меня. А когда мне дали премию в \$2000, я считал, что заработал все деньги мира.

Андрей Чельцов

Андрей Владиславович Чельцов. 46 лет. Коренной москвич, его предки поселились в Москве с незапамятных времен. В семье бережно хранят историю рода, представители которого из поколения в поколение занимаются искусством, живописью, архитектурой. Окончил МАРХИ. По распределению работал в «Моспроект-1».

У Андрея Чельцова яркая внешность, заметная в любой толпе. По таким, как он, говорят – «жгучий брюнет», а девушки при этом мечтательно закатывают глаза и вздыхают. Относительно Андрея Владиславовича девушкам вздыхать уже поздно, хотя бы из морально-этических соображений. Несмотря на свой бегомный, артистический облик, архитектор Чельцов – счастливый отец семерых детей.

Накануне перестройки, в 1985 году Андрей женился на англичанке-переводчице и уехал с ней в Лондон. Там занимался живописью, затем к нему перебрались друг и коллега Андрей Савин с супругой Александрой. В Лондоне и началась европейская известность творческой команды «Арт-Бля». Талантливые ребята активно участвовали в разнообразных выставках в ряде стран Европы, создавая фантазмагорические инсталляции. Оттуда же и хорошее знание западных культурно-архитектурных реалий.

В 1992 году архитектор и художник Андрей Чельцов вернулся в Россию. На вопрос: «Почему? Ведь в начале 90-х много талантливых и энергичных людей стремились уехать за рубеж?» – Чельцов отвечает, что в Англии ему стало скучно. Все упорядочено, спокойно. А в России все кипело и бурлило.

Тут невольно напрашиваются параллели с революционной эпохой начала XX века, давшей невероятный творческий импульс русскому театру,

поэзии, живописи, архитектуре.

В Москве Андрей нашел свою половину в лице коллеги-художницы. Видимо, второй брак оказался настолько гармоничным, что супруги родили шестерых детей, которым сейчас от 2-х до 12-ти лет. Все ребята рисуют, ходят в художественную студию и, по словам Андрея Владиславовича, явно талантливее отца. А я, вспоминая творческие изыски группы «Арт-Бля», невольно думаю: «Куда уж дальше?»

Детьми в семье Чельцовых занимается в основном супруга. Она, по словам друзей, отличная кулинарка и разносторонне талантливый человек. Отец семейства уходит на работу в восемь утра и возвращается ближе к ночи, но рано утром успевает проверить оценки своих сорванцов и расписаться в дневниках.

Александра Павлова

Александра Леонидовна Павлова, арт-кличка «Капля», родилась и выросла в московской архитектурной семье. Выпускница МАРХИ 1989 года.

Имя ее отца – Леонида Павлова – широко известно в архитектурном мире. Он учился во ВХУТЕМАСе, начинал работать с Весниными в мастерской Жолтовского, был близким другом выдающегося архитектора Ивана Леонидова и вместе с Павлом Александровым поставил памятник на его могиле. Леонид Павлов стоял у истоков советской архитектуры, построил в Москве достаточно много зданий, а также станции метро Добрынинская, Серпуховская, Нога-тинская. Автор нескольких Вычислительных центров, один из них, на Кировском проспекте, занесен в памятники архитектуры.

– Александра, родительский авторитет над вами сильно довлеет?

– К сожалению, моя самостоя-

тельная жизнь и архитектурная практика начались уже после папиной смерти. Я получила многогранное образование, училась у отца и у профессора Бархина. Мама моя закончила архитектурный факультет в Баку и всю жизнь преподавала на кафедре архитектуры МИСИ. А еще мама пишет замечательные акварели. У меня два брата, оба архитекторы. Они намного старше меня, к сожалению, один из них уже умер. Старший брат Николай – доктор, профессор, занимается искусствоведением и преподает на кафедре, которая в МАРХИ называется кафедрой советской архитектуры.

– Александра, чем вы занимаетесь после МАРХИ?

– Я архитектор, одна из четверых партнеров известного в Москве архитектурного бюро «Проект МЕГАНОМ». Со своими партнерами, Юрием Григоряном, Павлом Иванченковым и Ильей Кулешовым мы занимаемся строительством жилых зданий, сейчас проектируем несколько общественных объектов.

«Проект МЕГАНОМ» сложился из компании близких друзей. Мы учились вместе в МАРХИ, часто отдыхали в Крыму, откуда и появилось название. В восточном Крыму есть мыс Меганом, на котором нет ничего кроме маяка, все остальное выдувается ветром и выжигается солнцем. Каждые пять лет на этой горе строят домик для зрителей маяка, но его разрушает природа. У нас родилась идея создать такой нелогичный стеклянный дом и врезать его в гору Меганом. Этот дом имеет негатив и позитив. Позитив – это стеклянная призма, которая торчит из горы. А негатив – это то, что врезано внутрь горы. А вообще, по-гречески «мега-ном» означает «много имен». В нашем бюро четыре партнера, так что название символичное.

– Почему вы избегли партнерства со своим мужем? Кажется, было бы логичным работать вместе с ним.

– Я начинала работать с ними на стадии их артпроектов и художественных инсталляций, но харизма группы «Арт-Бля» настолько сильна, что противостоять ей довольно сложно. Было абсолютно невозможно привносить какие-то свои авторские идеи. И мы решили, что лучше останемся семьей и друзьями, нежели все время будем бороться на творческом поприще.

– То есть с партнерами вам проще.

– С партнерами мы учились вместе, представляем клуб единомышленников, и к соглашению приходим довольно легко.

– Стилистика группы «Арт-Бля» вам понятна? Вы дома не выясняете взаимоотношения на уровне: «Мне не нравится то, что ты делаешь! А мне не нравится то, что ты

делаешь!» И так далее.

– Мы, конечно, критикуем друг друга, но стараемся свести это до минимума. Порой мы даже не знаем, кто чем занимается, пока дом не вырастает в реальности. Потом, конечно, начинаются какие-то критические возгласы или замечания. Мы можем что-то посоветовать друг другу в процессе, но наша эстетика, безусловно, разная. При этом мне очень нравится эстетика группы «Арт-Бля», их позиция, то, как они работают. У них потрясающее количество интересных не реализованных проектов. Их стилистика и фактура абсолютно узнаваемы, их нельзя спутать ни с кем.

В нашей фирме другая стилистика. Мы тоже работаем с формой, но несколько по-другому. Мы больше вырастаем из каких-то архитектурных предпосылок и культурной среды, нежели из художественного творчества. Назвать наш стиль минимальным или близким к конструктивизму, наверное, сложно, но мы исходим из традиций русской архитектуры и тяготеем к конструктивизму и к архитектуре 70-х годов прошлого столетия. В Иркутске я пришла в восторг от дома Павлова, который стоит незавершенным на центральной городской площади. Потрясающий дом на ногах.

– В Иркутске этот дом бранят все кому не лень. Здание не достроено, и никто не понимает, как оно должно было стать.

– Мне этот дом, напротив, дико понравился. Тут я не соглашусь с мнением иркутян, тем более что с Владимиром Азарьевичем Павловым мы однофамильцы.

Записала Хадича Дулатова

(полный текст интервью с московскими архитекторами опубликован в журнале «Строим вместе», № 5, 2006)

Национальный проект: доступное жилье. Проблемы и региональные стратегии реализации

(материалы круглого стола в рамках VI Межрегионального архитектурного фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2006»)

текст
**Марк Меерович
Хадича Дулатова**

Организаторы фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2006» максимально ответственно подошли к проведению круглого стола по национальному проекту «Доступное и комфортное жилье». В апреле и мае в Доме архитектора прошли предварительные дискуссии, где иркутские архитекторы, журналисты и чиновники обсудили свое видение решения жилищных проблем населения Иркутской области. Это позволило участникам обсуждений глубже вникнуть в суть национального проекта, определить свое место в его выполнении и даже подготовить к фестивалю проекты домов для разных категорий населения, которые вполне подходят к определению «доступное и комфортное жилье».

8 июня в рамках фестиваля прошел заключительный круглый стол. В нем приняли участие архитекторы, руководители общественных объединений архитекторов и строителей, топ-менеджеры проектных и строительных организаций, чиновники областной администрации.

Одним из важных моментов дискуссии стал вопрос активного и содержательного участия архитекторов в разработке региональной программы реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилище – гражданам России» с целью повышения ее конкурентоспособности. Как известно, федеральное правительство не намерено равномерно распределять средства по территориям, оно предлагает жесткую борьбу регионов за объемы финансирования инженерной инфраструктуры и строительства жилья.

На круглом столе были поставлены два принципиальных вопроса: 1. Каким образом Иркутская организация Союза архитекторов России способна повлиять на конкурентоспособность областной программы? 2. Какие проблемы видят архитекторы на пути реализации национального проекта в Иркутской области, могут ли они предложить стратегическое решение стоящих задач?

По мнению участников, заказчиками на проектирование и строительство жилых домов и необходимой инфраструктуры в рамках национального проекта должны выступать органы местной власти. Следует определить типы жилья, соответствующие критериям доступности и качества. До сих пор неясно, какое жилье следует проектировать и строить: индивидуальные или блокированные дома с небольшими приквартирными дворами; здания коридорного или галерейного типа высотой до 5-ти этажей, без мусоропровода и лифта; многоэтажные каркасные дома высотой 9-16 этажей и т.д.

Предлагается стимулирование строительства индивидуального жилья на основе современных высокоэффективных материалов и энергосберегающих технологий. Предполагается, что расширение индивидуального строительства позволит переложить контроль качества и проблемы последующей эксплуатации жилья с государственных органов на плечи владельцев.

Важным моментом дискуссии стало обсуждение идеи строительства жилья для социально-ориентированной формы найма. (Интервью председателя комитета по ЖКХ и жилищной политике администрации Иркутской области П. А. Воронина, в котором изложена европейская структура рынка жилья, включающая 4 сегмента – купля-продажа жилья, социальное жилье, коммерческий наем, социально-ориентированный наем, можно прочитать в журнале «Строим вместе», № 3 (48), 2006 г.)

Национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» может быть реализован в соответствии с заявленным названием только в том случае, если федеральное правительство будет стимулировать строительство для всех вышеперечисленных сегментов рынка. Пока же проект ориентирован на расширение класса собственников жилья. Видимо, разработчики этого документа полагают, что собственное жилье или стремление к его приобретению играют позитивную роль в определении жизненных целей граждан, укрепляют их привязанность к месту проживания, к работе и т.д. По мнению ряда участников круглого стола, социально-ориентированная форма найма жилья, наиболее популярная в странах с развитой рыночной экономикой, способствует миграционной подвижности населения. Наличие достаточного количества жилья разных типов позволяет людям покупать или арендовать дома и квартиры за разумную цену в зависимости от их притязаний и доходов.

Архитекторы пришли к выводу, что отсутствие в национальном проекте градостроительной компоненты позволяет местным властям самим определять оптимальные формы строительства жилья: в виде микрорайонов, кварталов, жилых комплексов с элементами обслуживания, группы домов или отдельно стоящих зданий и т.д.

Эффективное строительство жилых комплексов в рамках национального проекта может быть выполнено при условии полного обеспечения выбранных территорий инженерной инфраструктурой. Оценка экологических рисков, экономи-

Участники круглого стола

Манов Дмитрий Владимирович, начальник департамента по строительству администрации Иркутской области

Буйнов Алексей Николаевич, начальник Главного управления архитектуры и градостроительства администрации Иркутской области

Дамешек Михаил Львович, заведующий отделом стратегических разработок комитета по жилищной политике администрации Иркутской области

Григорьева Елена Ивановна, председатель Иркутской организации Союза архитекторов России, член-корреспондент ПААСН

Большаков Андрей Геннадьевич, доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой градостроительства ИрГУ

Бух Владимир Федорович, главный архитектор МВК «СибЭкспоЦентр», главный редактор журнала «Проект Байкал», советник РААСН

Вашкялис Виктор Викторович, исполнительный директор Иркутского Союза Строителей

Давиденко Людмила Ивановна, директор ресурсно-экспертного центра строителей «Властра»

Козак Игорь Владимирович, руководитель мастерской «Перспектива»

Колесников Александр Альбертович, кандидат архитектуры, советник РААСН

ческая и социальная обоснованность транспортных схем, городской инфраструктуры и прочих компонентов также ложится на плечи местных органов власти, выделяющих участки под жилую застройку. Было отмечено, что наиболее дешевым является строительство малоэтажных домов, оно обходится в 2-2,5 раза ниже затрат на покупку квартир. Рекомендовано возведение микрорайонов минимум на 120 тыс. м², застроенных жилыми домами в 5-9 этажей с сервисной инфраструктурой.

Участники круглого стола подчеркнули хаотичный характер современной застройки г. Иркутска, указали на недопустимость выборочного отвода участков под индивидуальную застройку и автозаправки на территориях, где по градостроительным документам предполагалось комплексное строительство (микрорайоны Парковый, Заводской, Толкинский), потребовали прекратить тотальное нарушение красных линий.

Некоторым участникам круглого стола кажется, что необходимо обратиться к опыту хрущевской жилищной программы, с этим не согласились их коллеги. Хрущевская программа была на 100% государственной со всеми вытекающими из этого условиями: тотальным государственным финансированием, фиксированными ценами на строительные материалы и услуги, эксплуатацией жилого фонда специализированными государственными структурами. Рыночная экономика требует адекватных принципов обеспечения жильем населения страны: создание привлекательных условий для частных инвестиций в строительство, конкуренцию на рынке управления жильем, развитое производство базовых строительных материалов в регионах.

По мнению отдельных участников дискуссии, государство законодательными мерами должно разблокировать рынок жилья, сделать его прозрачным, что в свою очередь повлечет прозрачность ценообразования. При широком внедрении ипотечного кредитования рациональная политика муниципалитетов способна предотвратить прогнозируемый специалистами рост цен на жилье. Обсуждались вопросы

грамотного использования ипотечных кредитов для приобретения жилья на свободном рынке или жилища с фиксированной стоимостью, специально возводимого по муниципальному заказу.

На круглом столе обсуждалась судьба исторического центра Иркутска. По этому, очень важному для города вопросу, возникли серьезные разногласия между архитекторами с одной и чиновниками и строителями с другой стороны. Архитекторы считают, что не следует поспешно сносить деревянные постройки в центре города и застраивать освободившиеся территории офисными зданиями и коммерческим многоэтажным жильем. Необходимо реставрировать массовую деревянную застройку исторического центра, обеспечить ее инженерными коммуникациями и грамотно управлять ею на благо горожан и городской казны. Иркутск выгодно отличается от других крупных городов, расположенных на Транссибирской железнодорожной магистрали, до сих пор сохранившимися историческими улицами и кварталами, застроенными интересными деревянными зданиями. При рациональном подходе деревянное архитектурное наследие может стать отличным брендом столицы Восточной Сибири и послужить эффективному развитию туристического бизнеса, одного из самых доходных видов деятельности в современном мире.

Участники круглого стола пришли к выводу, что разработка проектов жилых домов в рамках национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» могла бы осуществляться в том числе и на основе архитектурных конкурсов. Это гарантирует возможность взвешенного отбора лучших решений. По результатам конкурсов Заказчик получает возможность провести тендер между Застройщиками. В этом случае проект-победитель может стать критерием эффективности предложений Застройщиков, а также выступить в роли документа, фиксирующего заявленный стандарт качества будущего сооружения. Он не позволит Застройщикам ради снижения себестоимости произвольно изменять и упрощать проектное решение в ходе строительства.

Косьяков Анатолий Яковлевич, генеральный директор ОАО «ГипродронНИИ»

Лидин Константин Львович, психолог, докторант, кандидат тех. наук, доцент ИрГУПС

Меерович Марк Григорьевич, доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор, советник РААСН

Протасова Екатерина Васильевна, начальник отдела генплана ОАО «Иркутскгражданпроект», советник РААСН

Стегаило Владимир Борисович, главный архитектор ОАО «Арх-центр»

Магазин в Улан-Удэ

Архитектор: А. Тигунцев

Куб, прорезанный по основному фасаду щелью-окном, констатирует максимальную абстрагированность от любого контекста. Этим самым позволяет влиться в оный. Тема – дуальность, которая прочитывается по основным направлениям. Масса объема, в противовес ей – ломаная линия окантовки витражного остекления. Два направления в объемном решении – входная часть и основной куб.

То, что получилось, позволило бы играть с начинкой. В данном случае речь идет о торговой функции, но благодаря своей очищенной от наслоений оболочке продукт вполне может справляться и с другими ролями.

Ирина Теплякова

Восточный интерьер в сибирском доме

Архитектор: О. Медведева

Проектирование интерьера было начато в уже полностью отстроенном доме. Интересна судьба самой постройки – строительство начиналось в советские времена, когда и была возведена кирпичная стена. Затем, по каким-то причинам, было решено продолжать строительство из бруса.

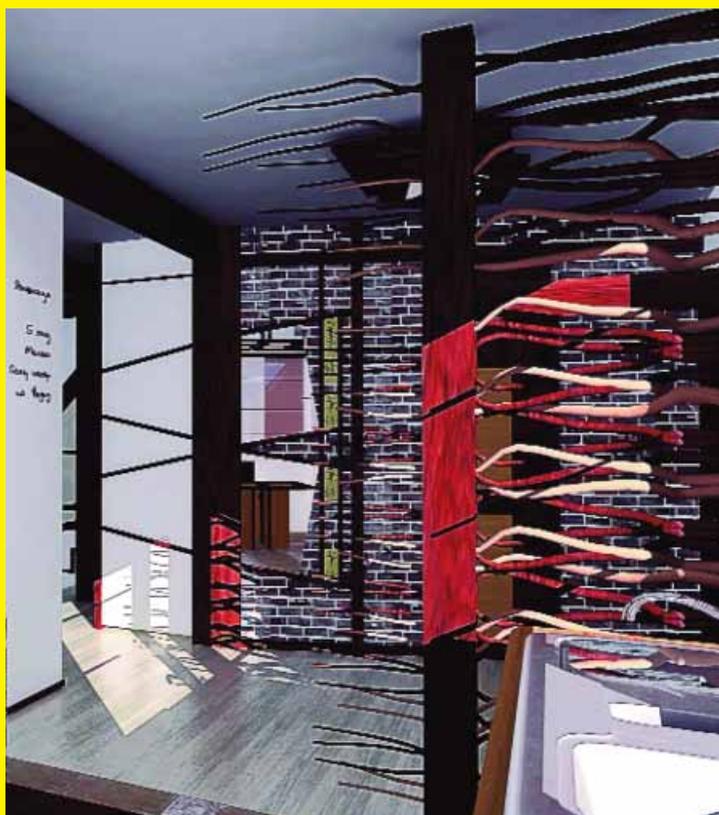
Результат отразился на проектировании интерьера. Несущие балки и стойки натолкнули архитектора на мысль привить им и декоративную функцию. Их подвергли механической обработке и покраске, теперь это формообразующая «сетка», которая задает восточный тон интерьеру. Максимально открытое, свободное пространство, которое разворачивается вокруг своего функционального

и смыслового центра – камина, также насыщено восточными мотивами.

Камин меняет свое обличье в зависимости от пространства, в которое он обращен. Изюминкой кухни становится перегородка из веток, собранных в соседнем лесу. Здесь наиболее явно прослеживается параллель «Сибирь – Восток». Используемые материалы – дерево, бамбук, искусственный камень. Второй этаж

традиционно занимают спальни, пространство между которыми отведено под гардеробные. Общее цветовое настроение интерьера скорее монохромно, исключение составляет малая спальня, предназначенная для наиболее жизнерадостного члена семьи.

Ирина Теплякова

Загородный дом с разработкой интерьеров

Дипломный проект:
Н. Шубина

руководитель:
М. Меерович

консультант:
А. Якубовский

Внешний облик дома вполне традиционен – брус, двускатные кровли, отделанный камнем цоколь. Что же касается интерьера, то здесь все построено по иному сценарию. Ведущая тема – сочетание несочетаемых, контрастных материалов. В данном случае это обнаженное дерево, работающее как фон. Солируют стекло и металл. Каждое помещение послед-

овательно декларирует эту идею.

Большая гостиная – это совмещение двух нестандартных для жилья функций: кино- и дискозалов. Здесь наблюдаются обилие разнонаправленного и разноуровневого света, стеклянный потолок, приподнимающий «небо», пространство, максимально освобожденное от деталей. Центром композиции

является экран плазменной панели.

Малая гостиная поделена на две территории. Каминная зона, границы которой обозначают шкура на полу, камин и центральное место хозяина – «кресло-трон». Центром второй, восточной зоны является каменный стол. Трехчастная столовая, где из всех зон (рабочая, столовая и зона «камина») наибольший

интерес вызывает последняя. В топку камина встроены ТЭНы, греющие песок для варки кофе.

Гардеробная в доме – это отдельное полноценное помещение, в котором незаконченность интерьера умышленная: постепенное наполнение гардероба пестрыми вещами оживит и раскрасит пространство.

Ирина Теплякова

Панюшев Константин Васильевич,
генеральный директор ОАО «Фотон»

При всей своей активной жизненной позиции предпочитает «не светиться» на публике, человек не тусовочный, держится в тени. Из тех, кто мало говорит и много делает. Под его руководством строительная компания «Фотон» стала одной из самых сильных в районе и успешно осваивает современные строительные технологии. Современные стройматериалы, приобретенный опыт позволяют добиваться высоких результатов. Качество работ у этого коллектива всегда отменное. Во многом благодаря четкой позиции «Фотона», несмотря на перебои в финансировании, не было прекращено строительство нового православного храма.

- новое строительство и реконструкция
- специальные строительные работы
- нестандартные решения проектирования и воплощения интерьеров различного назначения
- сантехнические и теплотехнические работы
- европейское качество отделочных работ
- изготовление столярных изделий любой сложности
- дорожные работы и благоустройство

ООО «СК ФОТОН»

660030 Иркутская область,
г. Шелехов
проспект Metallургов, 3

тел. (210) 9-30-26; 9-41-28;
факс (210) 9-30-14

«Фотон» – одна из крупнейших организаций г.Шелехова, которая сегодня готова строить и имеет все для этого: и силы, и средства, и технику, и базы».

Панюшев К.В.

СОСТАВЫ ЖЮРИ:

Раздел ПОСТРОЙКИ

Председатель	А. Савин (г. Москва)
Секретарь	И. Дружинина
Члены жюри	В. Астраханцева (г. Братск) В. Стегайло А. Пилипенко (г. Красноярск) О. Головина (г. Москва)

Раздел ПРОЕКТЫ

Председатель	В. Плоткин (г. Москва)
Секретарь	Т. Иоффе
Члены жюри	В. Бух А. Павлова (г. Москва) Л. Антипин А. Колесников

Раздел ПРОПАГАНДА АРХИТЕКТУРЫ

Председатель	А. Чельцов (г. Москва)
Зампредседателя	М. Меерович
Секретарь	И. Теплякова
Члены жюри	С. Алексеев И. Крылова (г. Красноярск) К. Лидин

Раздел МОЛОДЕЖЬ И СТУДЕНТЫ

Председатель	В. Козлов
Зампредседателя	С. Демков
Секретари	Е. Малых А. Иванова
Члены жюри	А. Добролюбов Л. Сидоренко (г. Ангарск) С. Чумаков

Раздел ДЕТСКИЕ ШКОЛЫ И СТУДИИ

Председатель	А. Красильников
Секретарь	М. Гурьева
Члены жюри	М. Ашихмина С. Ананьев О. Дементьева (г. Красноярск) С. Серебряков (г. Ангарск)

Учредители Межрегионального фестиваля «Зодчество Восточной Сибири»:
Комитет по культуре администрации Иркутской области;
Иркутская организация Союза архитекторов России;
Восточно-Сибирский научно-творческий центр Российской академии архитектуры и строительных наук

Генеральный спонсор:

ООО «Фотон» (ген. директор – К. В. Панюшев)

Партнеры:

ОАО «Иркутскгражданпроект»
(ген. директор – А. Ю. Макаров)
ОАО «Иркутский Промстройпроект»
(ген. директор – А. С. Заиграев)

Благодарим за помощь в оснащении экспозиции современным выставочным оборудованием:

Проектные институты ОАО «Иркутскгражданпроект», ОАО «ИркутскгипродорНИИ», ОАО «РЖД» Иркутскжелдорпроект; Управление архитектуры и градостроительства г. Ангарска; Жуковского Н. Л.; Международный выставочный комплекс «СибЭкспоЦентр».

Благодарим за организационную помощь: Ю. И. Ковалева

Благодарим за информационную поддержку:

Редакции журналов «Строим вместе», «Проект Байкал», телекомпанию ООО «Альтернативная иркутская студия телевидения», информагентство «Байкальская служба новостей».

ПОСТРОЙКИ

«ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

«ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

Александрова И.А.
Бадула О.Б.
Бегеза М.Е.

Григорьева Е.И
Дресвянкина Д.С.
Жуковский Н.К.
Муллаяров С.В.
Нючева О.В.

Борщенко А.Г.
Буйнов А.Н.
Бызов В.А.

«РЕКОНСТРУКЦИЯ И
РЕСТАВРАЦИЯ»

Васильев Е.И.
Войтович В.В.
Войтович И.В.
Вырупаев Р.В.
Гагарин А.П.
Гладков С.В.
Гнедаш М.А.
Горбенко В.Ю.
Горчакова М.П.
Готовский С.И.
Григорьева Е.И.
Гринталь О.Н.
Гурьева М.А.

Зибров А.П.
Рубцова О.А.
Щукина М.А.

«ИНТЕРЬЕР»

Демков С.Б.
Долгих А.В.
Думитрашку А.Н.
Елаго Н.В.
Ербахаев А.А.
Журавлев Д.А.
Залутская О.А.
Зимица К.В.
Иванова Д.А.
Ильин В.С.
Иринчинов В.Д.
Калашникова С.А.
Кандаков Д.А.
Карпов С.Б.
Коваленко В.А.
Козак И.В.
Константинова Н.А.
Концева А.Ю.
Красильников А.Г.
Кузин Ю.И.
Латышев Л.А.
Лифантьева Ю.В.
Логванов И.В.
Марценович А.О.
Матвеева Е.Г.

Красноперова Н.
Крылова И.Н.
Логванов И.В.
Макогон Л.Н.
Меерович М.Г.
Патрушев Е.А.
Патрушева И.Ю.
Попова Н.М.
Тигунцев А.В.
Якубовский А.П.

«ЛАНДШАФТНАЯ
АРХИТЕКТУРА»

Карпов С.Б.
Коваленко В.А.
Козак И.В.
Константинова Н.А.
Концева А.Ю.
Красильников А.Г.
Кузин Ю.И.
Латышев Л.А.
Лифантьева Ю.В.
Логванов И.В.
Марценович А.О.
Матвеева Е.Г.

Костюченко О.В.

ПРОЕКТЫ

«ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО»

Ведерникова Д.В.
Вершинин К.Е.
Вершинина А.П.
Долгушина Ю.Н.
Жуковский Н.Л.
Иванов Д.А.
Козак И.В.
Латышев Л.А.
Макаров В.П.
Мамонтова М.В.
Моюев А.С.
Протасова Е.В.
Сергеева В.И.
Сидельников Д.В.
Смирнов Н.В.
Стегайло В.Б.
Хотулев Р.А.
Чебунин В.Д.

Мацвейко В.Н.
Медведев М.А.
Медведева О.С.
Муллаяров С.В.
Носова Н.А.
Петрук Ю.П.
Петухов А.Л.
Похатинский А.
Пржевальский А.П.
Протасова Е.В.
Распутин В.В.
Ринчинов Б.Р.
Рошупкина Л.И.
Рудых Н.Ю.
Сагаева А.Н.
Семенов А.В.
Сидельников Д.В.
Ставцев С.В.
Стегайло В.Б.
Сушкова Е.Д.
Тигунцева Н.А.
Турунхаева Е.А.
Улкудова Л.В.
Фёдорова Л.И.
Филиппова О.Г.
Черкасова И.С.

Чернецкий А.Г.
Шадрина Н.П.
Шевченко Ю.В.
Шерстова Н.В.
Юшков А.Н.

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ И
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

Ананьев С.А.
Бадула О.Б.
Бархатова Л.В.
Власов А.В.
Горчакова М.П.
Гринталь О.Н.
Дахно Н.М.
Демков С.Б.
Добролюбов А.Н.
Добролюбов С.Н.
Дружинина И.Е.
Егорова Н.А.
Жданов Р.В.
Жибик П.А.
Жуковский Н.Л.
Журавлев Д.А.
Иванов А.А.
Израев А.В.
Ильин В.С.
Ильина В.К.
Концевой А.Ю.
Логванов И.В.
Меркульев С.Ф.
Мякота А.Д.
Нючева О.В.
Петрук Ю.П.
Петухов А.Л.
Пилипенко А.А.
Посохов П.
Семенов А.В.
Стегайло В.Б.
Хулукшинова Н.Е.
Шерешков А.Г.

«ИНТЕРЬЕРЫ»

Меерович М.Г.
Мыльников Ю.А.
Шубина Н.В.
Якубовский А.П.

«РЕКОНСТРУКЦИЯ И
РЕСТАВРАЦИЯ»

Бадула О.Б.
Бельский А.П.
Зибров А.П.
Колошников С.А.
Миронов М.Ю.
Нефедьев С.И.
Рубцова О.А.
Сидоров Д.К.
Стегайло В.Б.
Щукина Н.А.

**ПРОПАГАНДА
АРХИТЕКТУРЫ**

«АРХИТЕКТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Анненкова Т.Б.
Бух В.Ф.
Горбунова И.М.
Григорьева Е.И.
Дружинина И.Е.
Журавлев И.К.
Кубенский Э.А.
Михайлик А.В.
Михайлик Е.А.
Петрова Т.П.
Середёнкина С.В.

«АРХИТЕКТУРНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Железняк О.Е.

**ТВОРЧЕСТВО
МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ
И СТУДЕНТОВ**

«ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ
АРХИТЕКТОРОВ»

Жуков А.М.
Запорожан С.Е.
Литвинов И.Б.
Медведева О.С.
Филиппова О.Г.

«ТВОРЧЕСТВО
СТУДЕНТОВ»

А-02-1
А-02-2
А-03-1
А-03-2
А-04-3
ДАС-02-1
ДАС-03-1
ДАС-03-2
РРАН-02-1
Андреева С.
Баранова Т.Г.
Барашкова О.С.
Блошкина Е.А.
Бязырева А.
Витебская П.
Власевская Н.Н.
Галева Е.
Громова А.Г.
Гущина А.Н.
Демченко О.В.
Дорофеева А.
Жуков В.
Карбан С.В.

Козлова Л.В.
Копылова П.
Костюк А.
Ласкина Ю.С.
Маркова Н.С.
Минова Е.
Некрасова Ю.С.
Нестерова А.
Олейникова К.Г.
Павлюк Р.А.
Писканова Т.Н.
Повонский Е.
Потапова А.В.
Ри А.У.
Скоморохова У.В.
Сушкова Е.Д.
Теплякова И.А.
Третьякова И.А.
Хабуева
Хохрина С.Е.
Шевченко М.А.
Шерешкова А.А.
Шпетова А.Н.

**ДЕТСКОЕ
АРХИТЕКТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ТВОРЧЕСТВО**

ИрГТУ, УМЦ «Пирамида»
г. Иркутск
Руководитель:

Ремизова Н.В.

Преподаватели:

Бойко М.В.
Иванова Т.В.
Кручинина У.О.
Митюкова О.В.
Потапова А.В.
Шерешкова А.А.

МОУ ДОД ДХШ № 1
г. Ангарск
Директор:

Сморода Г.П.

Преподаватели:

Пашинина О.В.
Ширшова И.П.

МОУ ДОД ДХШ № 4
г. Иркутск
Руководитель:

Баранова Т.В.
Баранова Т.В.
Ознобихина Л.С.

Школа искусств № 4
г. Ангарск
руководитель:

Потехина Е.С.

преподаватель:

Черницкая Н.И

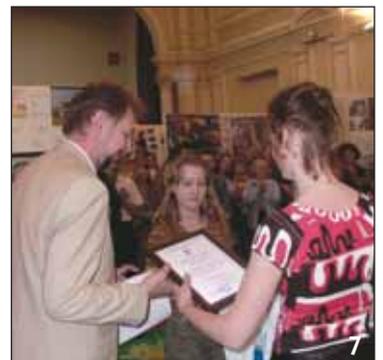
1 Открытие фестиваля

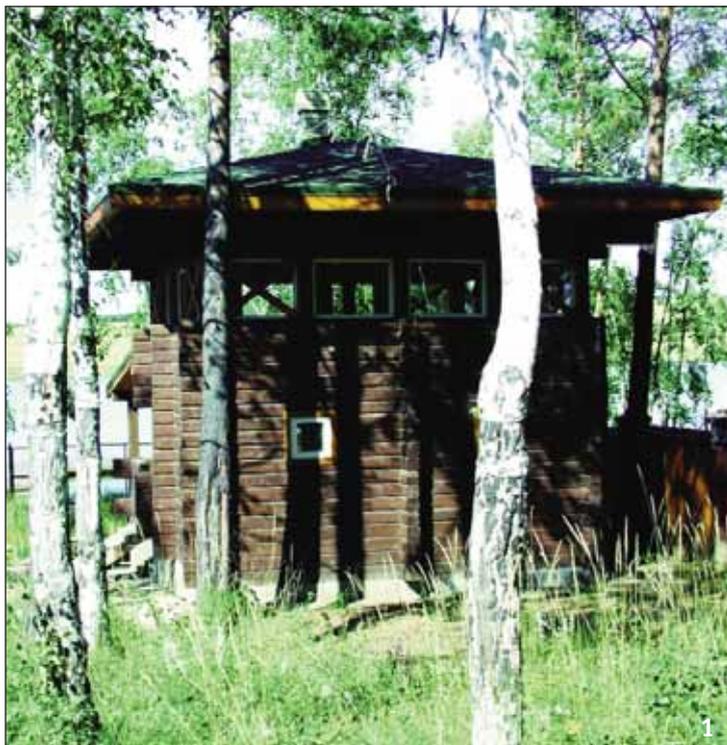
2, 4 Работа жюри

3 Гости и хозяева фестиваля:
И. Дружинина, В. Плоткин,
А. Чельцов, В. Астраханцева,
Е. Григорьева, А. Колесников

5 Гость фестиваля:
В. Плоткин

6,7,8 Награждение победителей

1

2

3

номинация «ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

- 1 Серебряный диплом
Русская банька-гостевой домик на
Иркутском водохранилище
арх. Н. Жуковский
- 2 Жилые дома 14, 15 в 6 микрорайоне
Свердловского административного
округа г. Иркутска
арх. Е. Григорьева, С. Муллаяров,
при участии: Д. Дресвянкин
- 3 Серия блокированных домов на
Иркутском водохранилище
арх. Н. Жуковский, О. Нючева

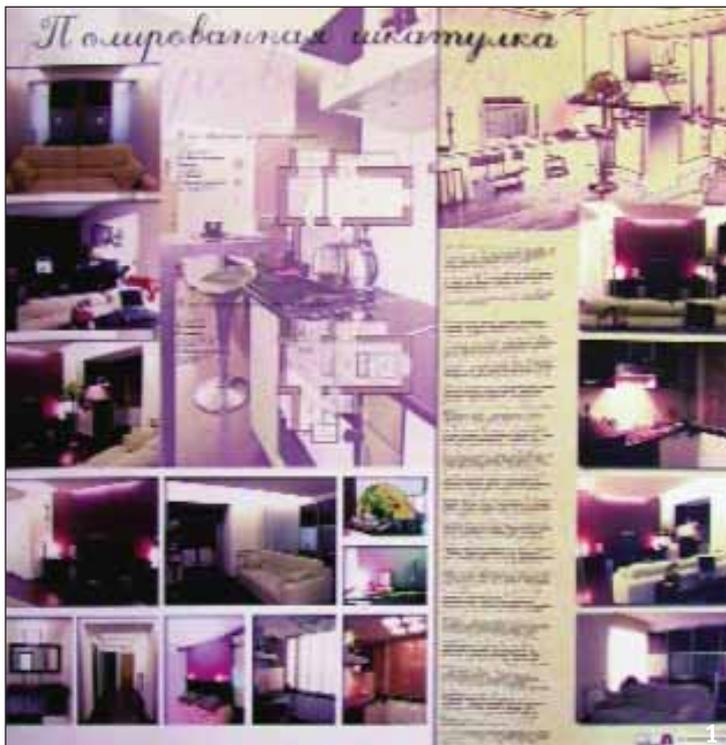
Площадь вокзала и сады перед им вокзалом

4

**номинация
«РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ»**

- 4 Серебряный диплом
Реконструкция ж/д вокзала на
ст. Слюдянка Восточно-Сибирской
железной дороги
арх. М. Щукина, А. Зибров, О. Рубцова

1 Золотой диплом
Полированная шкатулка
арх. И. Крылова

2 Серебряный диплом
Интерьеры частного дома в
г. Ангарске
арх. И. Логванов

3 Бронзовый диплом
Жилая квартира по ул. Жуковского
арх. М. Меерович, А. Якубовский

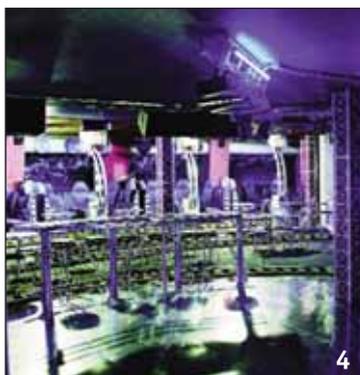
4 Поощрительный диплом
Ночной клуб «Гагарин»
арх. Е. Патрушев, Н. Красноперова

5 4-комнатная квартира общей площадью 160 м²
арх. Е. Патрушев

6 Студия загара
арх. Н. Попова

7 Кафе «СушиЕд»
арх. М. Меерович, А. Якубовский

8 Частный интерьер
арх. А. Тигунцев

1

2

3

1 Золотой диплом
Доходный дом в центральной части г. Иркутска
Арх.: О. Бадула, В. Стегайло, К. Зимица

2 Серебряный диплом
Дома № 1 и № 3 в проекте «Индивидуальные жилые дома застройки жилого комплекса на 0,8 км Байкальского тракта на заливе Чертугеевский»
Арх.: А. Буйнов, Н. Носова, М. Гурьева, М. Гнедаш, И. Черкасова

3 Бронзовый диплом
Группа жилых домов со встроенно-пристроенным соцкультбытом по ул. Советской в г. Иркутске
Арх.: В. Распутин, С. Карпов, В. Бызов, при участии: В. Коваленко, Е. Сушкова

4 Индивидуальный деревянный загородный жилой дом в Иркутской области
Арх.: А. Красильников, В. Горбенко, О. Медведева

5 Деревянные дома из клееного бруса
Арх.: Д. Сидельников, Д. Иванова, А. Марценович

6 Жилой дом по ул. Омурлевского в г. Иркутске
Арх.: О. Бадула, В. Стегайло, К. Зимица

7 Серия жилых домов
Арх.: А. Ербахаев, Н. Елаго, Н. Рудых

8 Группа жилых домов с объектами соцкультбыта и подземными гаражами по ул. Лермонтова в г. Иркутске, 1 очередь строительства
Авторы: С. Готовский, А. Думитрашку, О.Залутская, Н. Константинова, С Муллаяров, Е. Протасова, С. Карпов, В. Распутин

6

7

8

4

5

9

9 Проект группы жилых домов, п. Южный в г. Иркутске
 Арх.: В. Стегайло, И. Козак, О. Филиппова, В. Войтович, Л. Улкудова

13

10 Жилые дома в конструкциях серии 1. 120
 Авторы: Л. Латышев, С. Гладков, А. Борщенко, А. Пржевалинский, В. Мацвейко, Е. Матвеева

10

11 Группа жилых домов с подземной автостоянкой по ул. Байкальской в г. Иркутске
 Арх.: Д. Сидельников, Д. Иванова, А. Марценович

12 Многоквартирный жилой дом со встроенными помещениями общественного назначения и автостоянкой в г. Благовещенске
 Арх. : С. Демков, Н. Шерстова, С. Ставцев

11

13 Малоэтажные жилые дома квартирного типа в г. Шелехове
 Арх.: И. Козак, Л. Рошупкина, М. Медведев, Ю. Кузин

14 2 и 3 очереди строительства группы жилых домов по ул. Поленова в г. Иркутске
 Арх.: С. Демков, Н. Шерстова, М. Горчакова, С. Старцев, при участии: А. Похатинский, А. Концева, Е. Васильев

14

15 Жилые дома для Чеченской республики. Проект застройки участков № 1 и № 2 по проспекту Жуковского в г. Грозном
 Арх.: Е. Григорьева, С. Муллаяров, А. Буйнов, М. Гурьева, В. Бызов, В. Горбенко

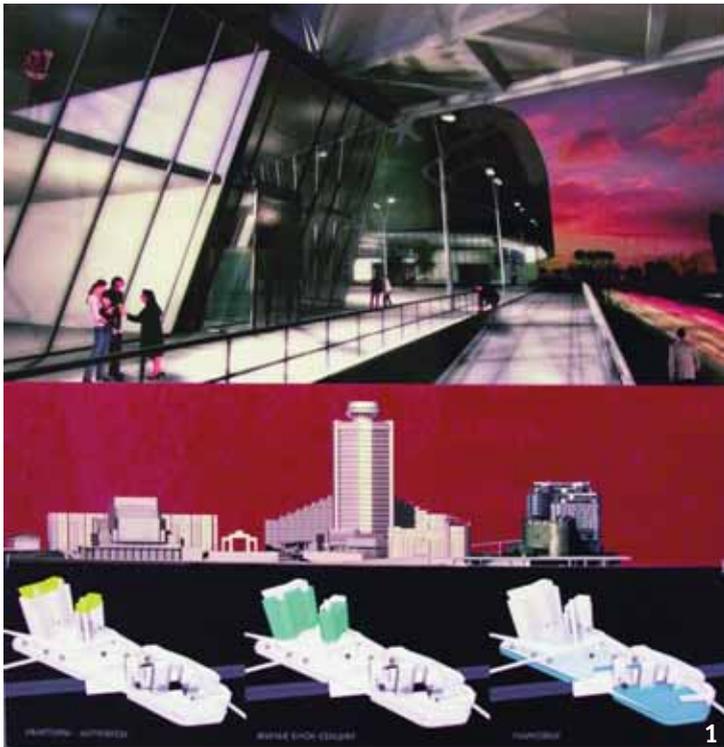
15

16 Группа жилых домов по ул. Баумана в Ленинском АО г. Иркутска
 Авторы: М. Бегеза, Д. Кандаков, А. Долгих, Р. Вырупаев, Л. Федорова, Н. Шадрина

12

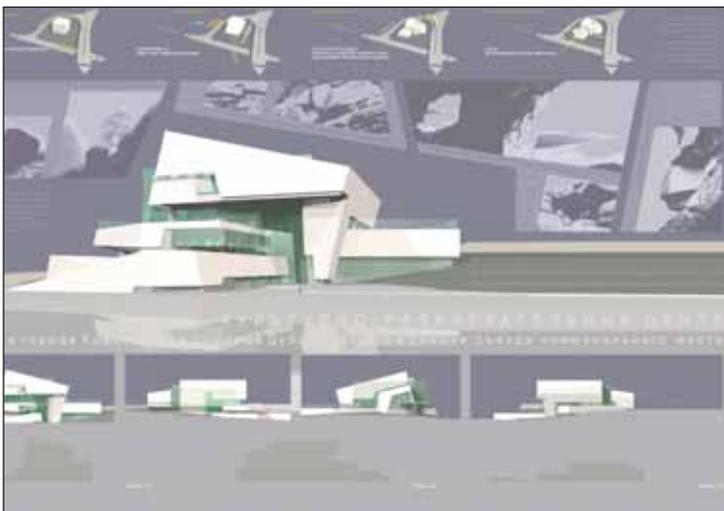

1

2

3

1 Золотой диплом
Многофункциональный комплекс
«Две реки»

Арх. А. Пилипенко

2 Серебряный диплом
Школа на 984 учащихся

Арх.: Е. Григорьева, С. Муллаяров,
при участии: Ю. Шевченко,
Н. Константинова

3 Бронзовый диплом
Культурно-развлекательный центр по
ул. Дубровинского в г. Красноярске

Рук. А. Мякота

4 Продовольственный рынок
«Губернский»

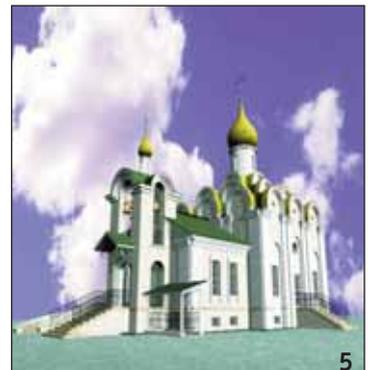
Арх.: В. Стегайло, О. Бадула, Ю. Петрук

5 Православный храм св. Иоанна
Златоуста в п. Мегет

Арх. С. Меркульев, констр. В. Шагина,
комп. графика Л. Беляева

6 Производственно-коммерческая
база по ул. Сергеева

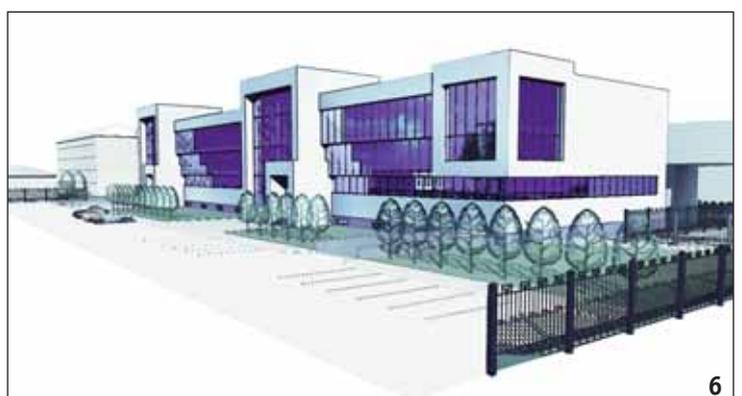
Арх.: С. Ананьев

5

4

6

7 Административно-торговый комплекс по ул. Белинского в г. Красноярске

Арх.: А. Мякота

8 Многофункциональное торгово-офисное здание по ул. Карла Маркса, 125 в г. Красноярске

Арх.: А. Добролюбов, С. Добролюбов, П. Жибик, А. Израев

9 Кафе на 25 мест в г. Шелехове

Арх. Н. Жуковский, О. Нючева

10 Торгово-офисное представительство компании «Shell»

Арх. Р. Волошко, А. Семенов, Д. Журавлев

11 Международный бизнес-центр по Байкальскому тракту

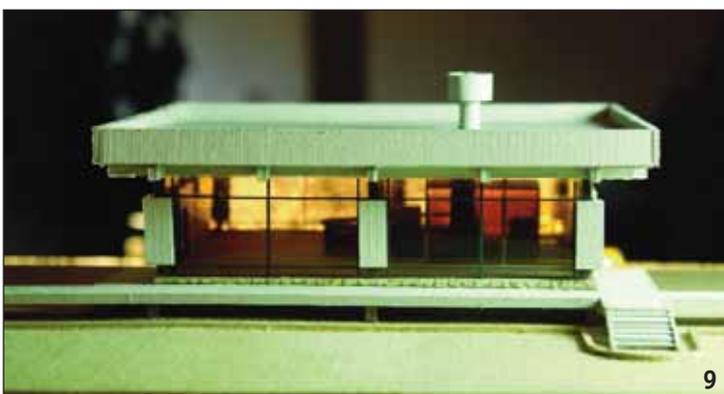
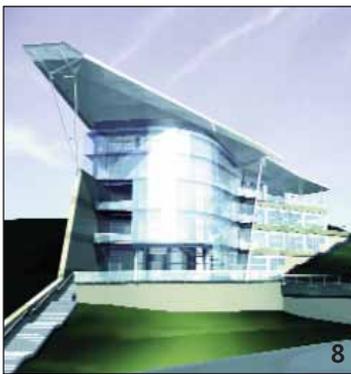
Арх. А. Шерешков

12 Административное здание с подземными гаражами в Кировском районе в г. Иркутске

Арх. И. Дружинина, И. Логванов, А. Петухов, О. Гринталь

13 Межведомственный учебно-методический центр психологической реабилитации в санатории «Байкал» ФСБ России

Арх. М. Горчакова, С. Демков

1

2

3

1 Золотой диплом
 Многофункциональный комплекс
 «Икат Плюс» в г. Улан-Удэ
 Арх. А. Моюев, В. Сергеева, В. Чебунин

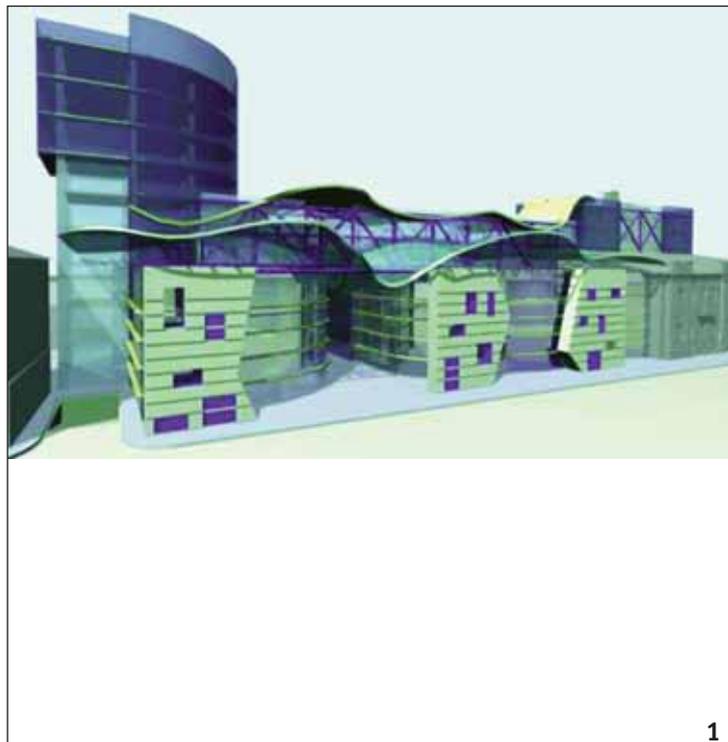
2 Серебряный диплом
 Генеральный план г. Тайшета
 Арх. Е. Протасова, Р. Хотулев,
 Н. Смирнов, Ю. Долгушина

3 Бронзовый диплом
 Эскиз застройки части п. Южный в
 г. Иркутске
 Арх. В. Стегайло, И. Козак,
 О. Филиппова, В. Войтович, И. Войтович

4 Группа жилых домов серии 1.120
 со встроенными нежилыми помеще-
 ниями в 4 квартале, г. Шелехов
 Авторы: Л. Латышев, Д. Сидельников,
 Н. Жуковский, Д. Иванов

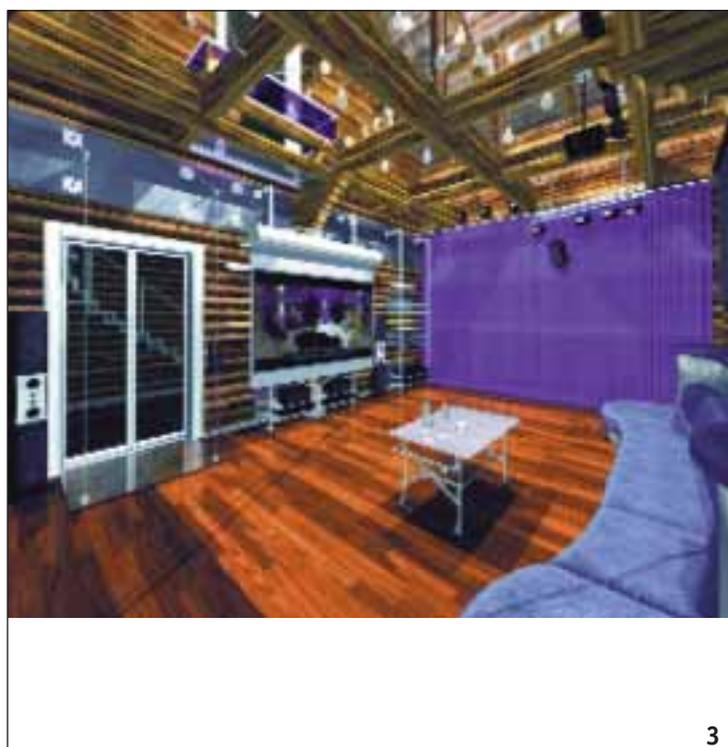
4

**номинация
«Реконструкция и реставрация»**

1 Золотой диплом
Реконструкция квартала в исторической части г. Иркутска
Арх. В. Стегайло, О. Бадула, М. Миронов

2 Реконструкция ж/д вокзала на ст. Слюдянка ВСЖД
Арх. Н. Щукина, А. Зибров, О. Рубцова

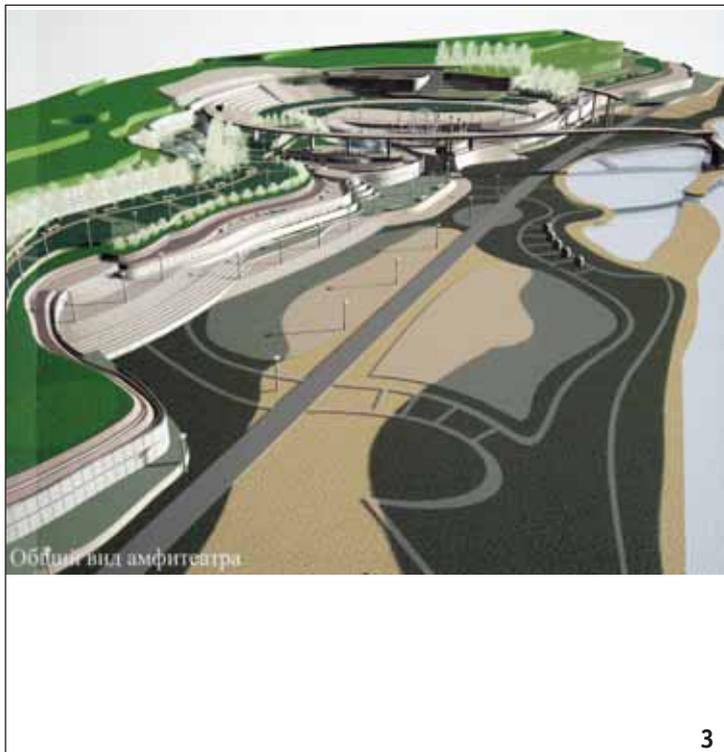
**номинация
«Интерьеры»**

3 Золотой диплом
Интерьер жилого дома в п. Патроны
Арх. М. Меерович,
Н. Шубина, А. Якубовский

**номинация
«Творчество молодых
архитекторов»**

- 1 Золотой диплом**
Восточный интерьер в сибирском доме
арх. О. Медведева
- 2 Серебряный диплом**
Архитектурное творчество
арх. О. Филиппова
- Бронзовый диплом**
Индивидуальный жилой дом
арх. А. Жуков, И. Литвинов

**номинация
«Творчество студентов»**

- 3 Золотой диплом**
Организация рекреации на прибрежной территории реки Ангары в г. Иркутске
Студенты: В. Андреев, Д. Ананьев, Л. Беляев, Д. Марьясов, С. Наумова, П. Онучин, Т. Папушева, А. Сучкова, Н. Юшков, О. Васильева, Т. Блинова, П. Зибров, М. Меньшикова, Д. Михайлов, У. Скоморохова, Д. Ушаков, Н. Ульянова, Е. Чигиринова, М. Щеглова
Руководители: А. Большаков, Б. Вяткина, И. Дагданова

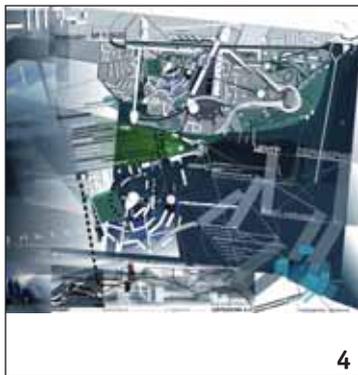
- Серебряный диплом**
Социально-культурный центр «Сибирь»
Студенты: С. Беломестных, Н. Москаленко, М. Шевченко
Руководитель: А. Ашихмин

- Поощрительный диплом**
«Проектирование и строительство ледяного комплекса «Иордань» на Иркутском водохранилище к празднику Богоявления»
Студенты: Н. Баженов, В. Шишканов, В. Кокорин, Я. Соболевский, Б. Распутин, М. Черемных, С. Сафонов, Д. Скоморохов, Д. Хлебников, А. Ольшевич, А. Червяков, Е. Хлебников, С. Бегеца
Руководители: М. Веселова, В. Семенов

- Бронзовый диплом**
Интерьер кафе «Чикаго»
Студент: Е. Повонский
Руководители: И. Козак, М. Меерович

- Поощрительные дипломы:**
«Интерьер музея наук»
Студент: Р. Павлюк
Руководители: А. Иванова, Е. Пуляевская

- Поощрительный диплом**
«Творчество студентов»
Студент: Е. Минова
Руководитель: А. Корзун

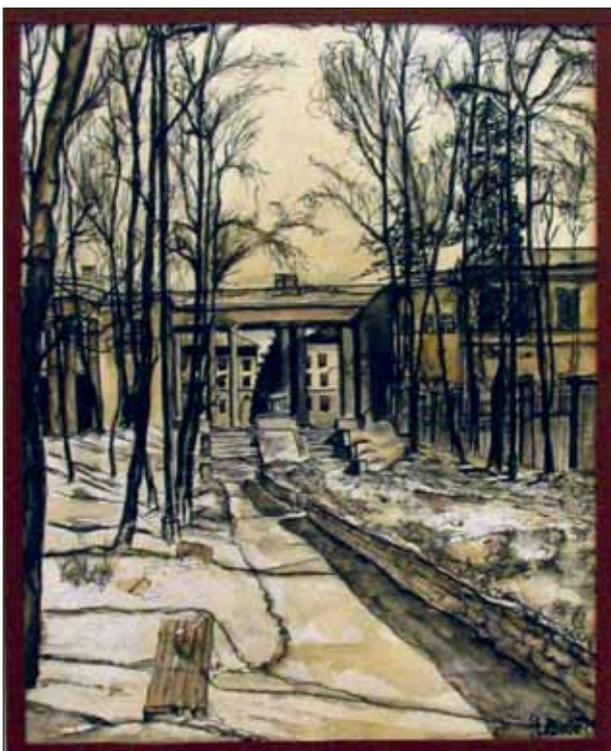

- «Интерьер кафе «Мерлин»**
Студент: К. Олейникова
Руководители: И. Козак, М. Меерович

- 4 Реконструкция района Лисиха**
Шерешкова А.А.

- «Гостиничный комплекс»**
Студент: С. Карбан
Руководитель: Б. Хадеев

- 5 Реконструкция района Лисиха**
Потапова А.В.

**номинация
«Детские школы и студии»**

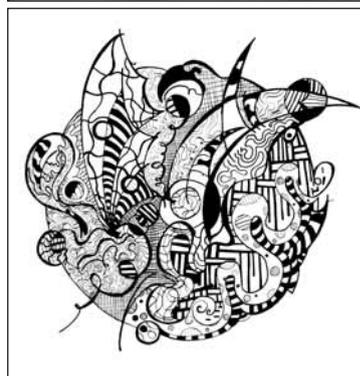
Золотой диплом
 Центр детского творчества
 архитектуры и дизайна «Пирамида»,
 г. Иркутск
 Преподаватель: Кручинина У. О.

Серебряный диплом
 МОУ ДОД ДХШ № 4, г. Иркутск
 Преподаватели: Баранова Т. В.,
 Ознобихина Л. С.

Бронзовый диплом
 Детская художественная школа № 1,
 г. Ангарск
 Преподаватели: Пашинина О. В.,
 Ширшова И. П.

**Лучшая работа на тему
«Архитектурная деталь»**

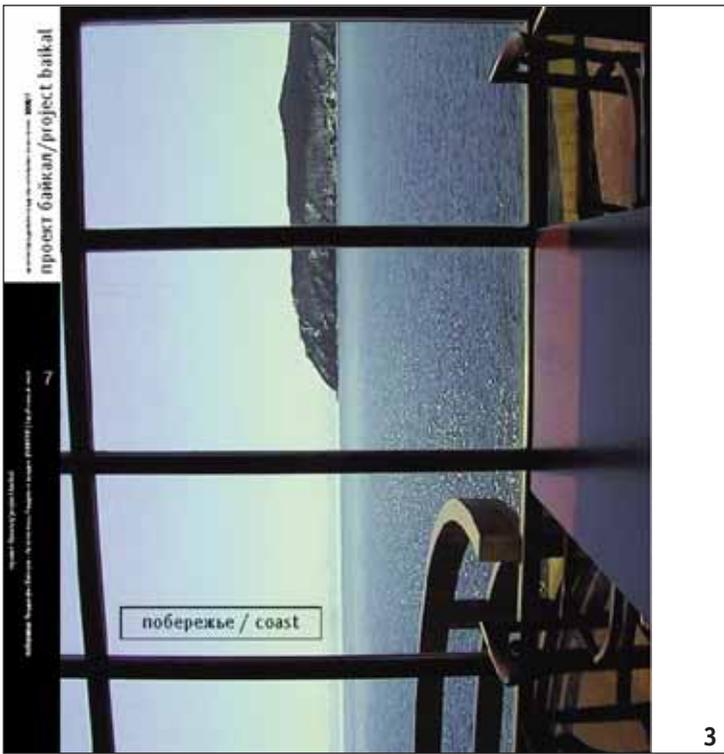
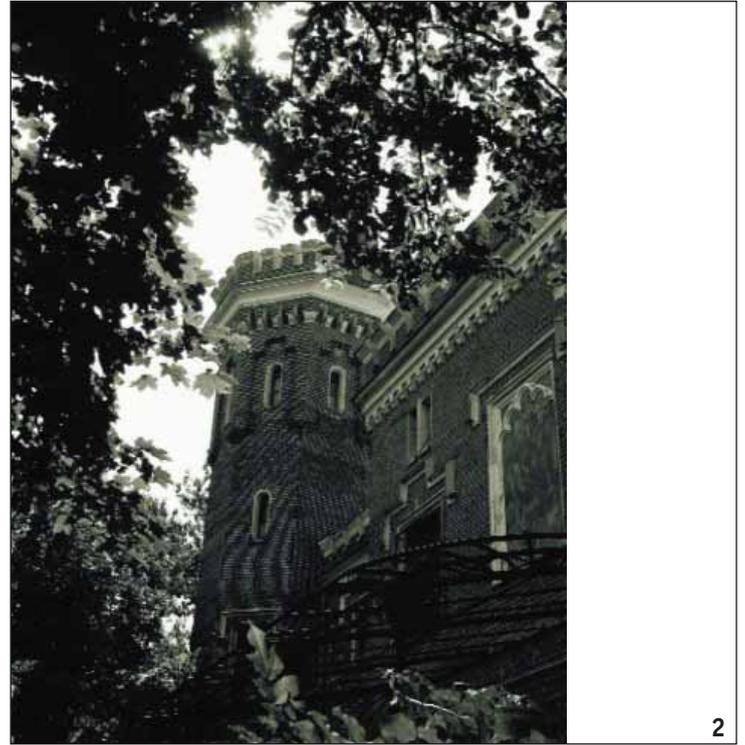
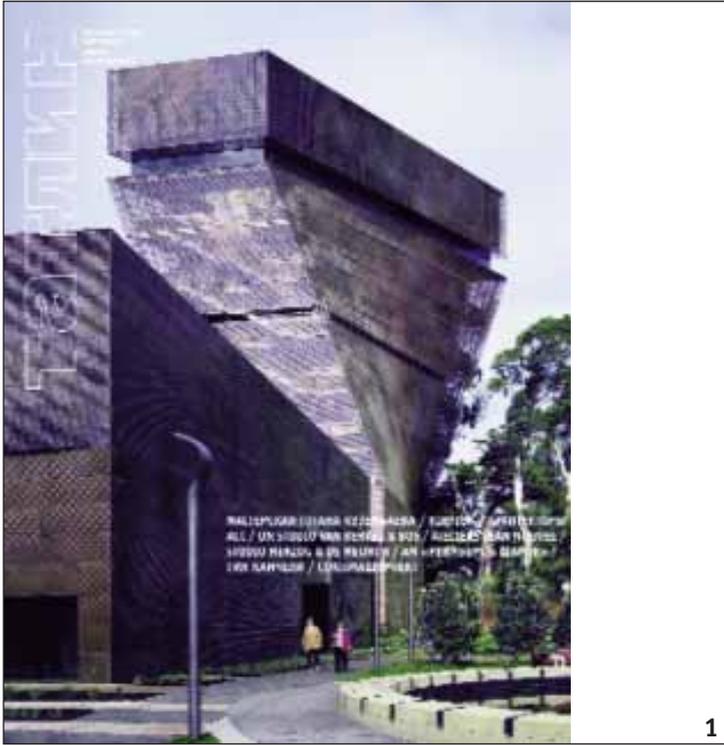
Золотой диплом
 МОУ ДОД ДХШ № 4, г. Иркутск.
 Серия графических и объемно-
 пространственных работ
 Автор: Баранова М.
 Преподаватель: Баранова Т. В.

Лучший преподаватель

Золотой диплом
 Центр детского творчества
 архитектуры и дизайна «Пирамида»,
 г. Иркутск.
 Серия работ «Дом»
 Преподаватель: Кручинина У. О.

**номинация
«АРХИТЕКТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»**

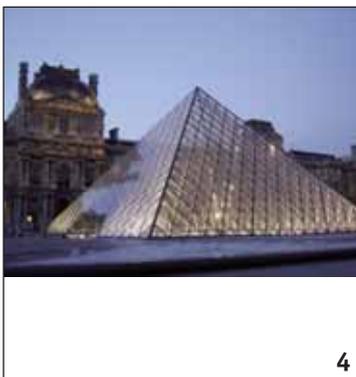
1 Золотой диплом
Редакция журнала «Татлин»
Главный редактор Э. Кубенский

2 Серебряный диплом
Фотовыставка
«Замок Ольденбургских»
Арх. И. Журавлев

3 Бронзовый диплом
Редакция журнала «ПРОЕКТ
БАЙКАЛ»
Авторский коллектив: В. Бух, Е. Григорьева,
И. Дружинина, С. Середенкина

4 Поощрительный диплом
Фотовыставка «Париж»
Арх.: А. Михайлик, Е. Михайлик

5 Поощрительный диплом
Создатели Музея архитектуры
Арх.: Т. Петрова, И. Горбунова

**номинация
«АРХИТЕКТУРНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»**

1 Золотой диплом
Цикл работ
О. Железняк

(* – дополнительное издание главной темы ПБ № 9)

<i>Владимир Бух</i>	От редактора	2
<i>Константин Лидин</i>		
<i>Анатолий Якобсон</i>	Мегалополис Черембайк	3
<i>Ольга Вендина</i>	Стратегии развития крупнейших городов России: поиск концептуальных решений.....	9
<i>Леонид Коган</i>	Городские корни кризиса	16
<i>Константин Лидин</i>	Мотыга или компьютер	19
<i>Константин Лидин</i>		
<i>Марк Меерович</i>	Предчувствие полицентричности	20
<i>Жан Бодрийяр</i>	Город и ненависть	24
<i>Николай Крадин</i>	Харбин – новый мегаполис Китая	29
<i>Ги Меттан</i>	От Женевского озера до озера Байкал	36
<i>Константин Лидин</i>	Город в точке бифуркации	38

главный редактор
Владимир Бух

координатор проекта
Елена Григорьева

менеджмент и верстка
Светлана Середёнкина

корректор
Галина Костина

Выражаем благодарность за участие в подготовке номера Татьяне Анненковой, Константину Лидину, Екатерине Протасовой, Михаилу Крыжаеву

печать
ОАО «Иркутская областная типография № 1» им. В.М. Посохина
Тираж 250 экз.
Подписано в печать 25.05.07

периодичность
4 раза в год
Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

на обложке
схема размещения нового авиатранспортного узла в структуре городов, образующих агломерацию

адрес редакции

г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.:

3952 33-28-39
3952 33-28-40

e-mail: sar@irk.ru

Помысел на Иркутск миллионный, возбужденный вдруг губернатором, вывел из апатии угнетенное постперестроечным коллапсом общественное сознание, задал ему целевую определенность и свежесть новизны.

Агломерация, конурбация, мегаполис, мегалополис, узловой город, global city, dual city... В какую из этих, расставленных временем целей, может попасть выпущенная губернатором стрела? Или пролетит мимо?

Когда вслед за США, Японией и Европой мир входит в постиндустриальную цивилизацию, когда материальное производство уступает лидирующие позиции, а ведущей силой становится интеллектуальный капитал, и быстро растущий сектор Третьей волны* использует новый способ доминирования – создание и эксплуатацию знаний, Иркутск, объединенный с Ангарском и Шелеховым, оказывается перед выбором наращивания потенциала «дымовых труб» или решительной переориентации на так называемую экономику Третьей волны, при которой развитие городов опирается не на рост населения, а на повышение его качества. Мы не определяем итоговый результат. Мы пытаемся представить проблему в возможно большей полноте и присущей ей сложности. Владимир Бух, главный редактор

* «Создание новой цивилизации. Политика Третьей Волны». Э. Тоффлер, Х. Тоффлер

The idea of Irkutsk with million of population suddenly raised by the governor helped the public consciousness oppressed by postperestroika collapse out of apathy and gave it certainty of purpose and freshness of novelty.

Agglomeration, conurbation, megapolis, megalopolis, main city, global city, dual city... Which of these targets, recognizing the time, the arrow shot by the governor can reach? Or it will miss?

When, following the USA, Japan and Europe, the world enters postindustrial civilization, when material production concedes its leading positions, and intellectual capital becomes the chief force, and the fast growing sector of the Third Wave* uses a new dominance method – creation and exploitation of buildings, Irkutsk consolidated with Angarsk and Shelekhov faces the choice whether to expand the potential of «chimneys» or to reorient resolutely to the so-called Third Wave economy. This economy supposes development of cities based not on population upsurge, but on increase of its quality.

We do not determine the result. We try to present the problem in the most possible fullness and its peculiar complexity. Vladimir Bukh, editor-in-chief

* «Creating a New Civilization. The Politics of the Third Wave». A.Toffler, H.Toffler.

Мегалополис Черембайк

В обсуждении проекта «Большой Иркутск» на журналистско-обывательском уровне присутствует такой сюжет: благодаря объединению возникнет единый город с населением более миллиона, а таким городам от федерального правительства полагается особое финансирование. И вообще, в миллионном Иркутске «пойдет уж музыка не та» – потекут молочные реки, инвесторы, отталкивая друг друга, бросятся вкладывать миллиарды в промышленность области и т.д., и т.п.¹. Если же не владать в маниловщину, то пока остается неясным: есть ли за этим проектом что-либо, кроме политической воли губернатора? Или объединение городов – властный зов политико-экономических потребностей?

Вопрос не дешев. По оценке региональных властей, стоимость проекта по созданию «мегаполиса» составит 1,2 млрд. долларов. Реальные цифры, скорее всего, окажутся заметно выше: только на строительство международного аэропорта в поселках Мегет или Стеглянка между Иркутском и Ангарском (один из пунктов проекта) необходимо 4-5 млрд. долларов, в то время как годовой бюджет Иркутска не превышает 4,3 млрд. рублей². Так насколько же реалистичны проекты «Большого Иркутска»?

Для начала полезно теоретически разобраться с понятиями «город», «агломерация» и «мегаполис». На карте город обозначен точкой, как и любой другой населенный пункт (собственно, «пункт» и значит «точка»). В этом определении заложен глубокий смысл. Во-первых, город занимает территорию, очень малую на фоне окружающего пространства. Во-вторых, он внутренне относительно однороден, так что при определенных условиях можно игнорировать его структуру.

Город характеризуется и отличается от других городов своим собственным, уникальным набором социальных благ. Например: рабочие места на предприятиях города, возможность получить образование, больницы, театры, музеи, выбор товаров в магазинах, экологическая обстановка, система местного законодательства. Все это касается каждого жителя, где бы внутри «точки» он ни жил: благодаря небольшим расстояниям каждый имеет реальную возможность учиться в институте, работать на заводе, отовариваться в магазине, загорать на пляже, смотреть спектакли в театре, даже если они расположены в противоположном конце города.

В городе имеют место границы различной природы: застроечные, наиболее очевидные при взгляде со стороны; юридические, благодаря которым город занимает четкое место не только на карте, но и в системе государственного управления и отчетности, в статистике; инфраструктурные, значение которых уже объяснено, и ментальные, определяющие самосознание жителей, их самопротивопоставление жителям других пунктов.

Разумеется, описанная модель является чисто теоретической, абстрактной (как и любая модель). Маленькие города могут быть иногда близки к этой модели, но для крупных поселений картина оказывается сложнее и динамичнее. Дело прежде всего в том, что город растет. Растет численность населения (людность), что обычно сопровождается и территориальным ростом. Раздвигаются застроечные границы, вслед за ними – все остальные. При этом на карте и в статистической информации город остается «точкой», его размеры по-прежнему малы. Но рано или поздно город достигает размеров, при которых его точечное обозначение на карте достаточно крупного масштаба становится некорректным.

Одновременно, или даже еще раньше, идет другой процесс: жителям города все в большей степени становится не все равно, до какой «внутриточечной точки» им нужно добираться, чтобы получить доступ к тому или иному социальному благу – ведь внутриточечные расстояния становятся все большими. Формируется иерархия социальных благ: человек едет через весь город в театр или на стадион, но не в кино; в вуз, но не в школу; к работе профессора, но не электрика; в поисках автомобиля или редкой книги, но не ради сметаны или тетради. «Низшие», повседневного потребления социальные блага чаще всего распределяются по городу так, что доступ к ним обеспечивается пешим сообщением.

Рано или поздно наступает момент, когда город с точки зрения его жителя перестает быть чем-то единым. Классический пример – Нью-Йорк. Если Бродвей еще притягивает к себе небольшую часть жителей других частей города своими уникальными благами, то на Стейтен-Айленде обитателю Бронкса делать нечего, и наоборот. Вместе с тем даже в этом городе, расположенном в основном на архипелаге, границы между частями города не однозначны, то есть нельзя сказать, что на месте города появляется группа городов. Появляется нечто доселе не известное. Тем более это относится к Москве, Токио, Лондону, Парижу (видимо, и Мехико и др.): все они не разделены четкими границами. Роль центра в них выше, чем в Нью-Йорке, но каждый из них – это уже не город в описанном выше смысле.

По-видимому, именно такие образования, как Нью-Йорк и даже Москва, можно именовать мегалополисами. Собственно, их-то так обычно и называют (интуитивно), остается подвести под это теоретическую базу, а основания для этого, как видим, есть. Но заметим, что речь идет о городах-гигантах с собственным населением не менее 5, а часто – более 10 миллионов. В России никто не называет мегалополисами Уфу или Омск, Ростов или Волгоград, а ведь именно к этим городам в лучшем случае может приблизиться Иркутск, если мечта о слиянии с Ангарском и Шелеховом осуществится.

Теперь перейдем к понятию агломерации – «созвездия» из нескольких населенных пунктов. Иногда употребляют слово «конурбация». Обобщенно говорят об агломерированных системах расселения, в которых населенные пункты не разделены никакими четкими границами, кроме юридической³. Например, юридической границей Москвы является кольцевая автодорога протяженностью 109 км. С ростом людности застройки городского типа начинает преодолевать юридическую границу города сначала вдоль главных радиальных дорог, а потом заполнять промежутки между ними. Таким образом город выходит далеко за пределы административной границы⁴. Несоответствие между этими границами осложняет управление городским хозяйством. Городская администрация вынуждена обеспечивать продовольствием, транспортом, услугами не только жителей города в его административных границах (т.е. реальных налогоплательщиков, за счет которых формируется городской бюджет), но и людей, приезжающих в город на работу. Решение этой проблемы может быть найдено двумя способами: участием приезжающих в городских расходах или расширением административной границы города до уровня фактической городской застройки.

Давайте прежде всего посмотрим, в какой мере процесс агломерирования должен привести к формальному, официальному, да и к реальному слиянию городов.

текст

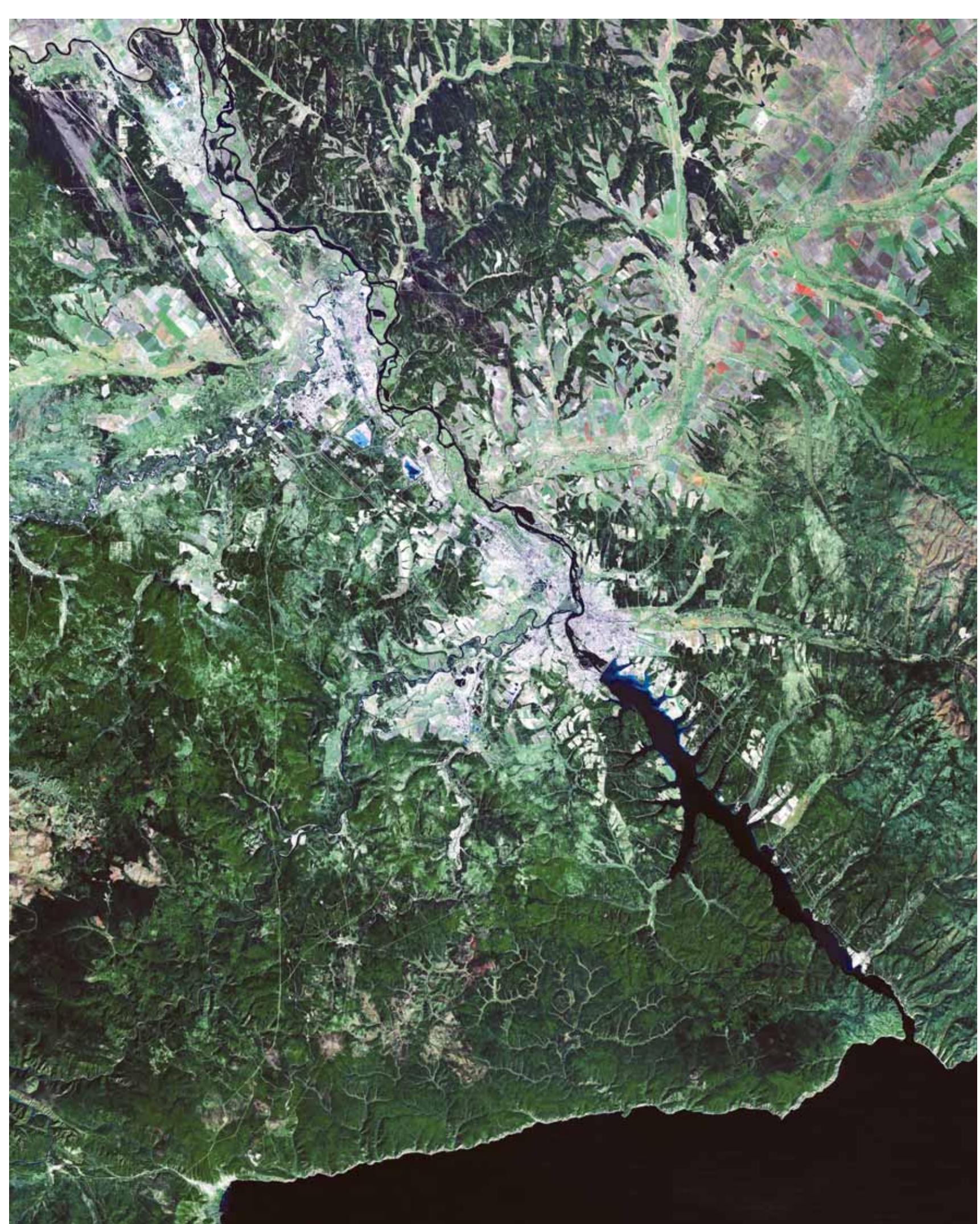
Константин Лидин
Анатолий Якобсон,
доктор географических наук, профессор

1. Алексич И. Зачем нам город-миллионник? // АиФ Восточной Сибири, № 23 (472) от 7 июня 2006 г.

2. Лисовская Е. Мегамечта // Эксперт, № 20 (514), 29 мая 2006 г.

3. Современная иерархия агломерированных систем расселения разработана одним из авторов настоящей статьи: Якобсон А. Я. Территориальная организация региональной политики. – Новосибирск: Изд-во ИГиОПП СО РАН, 1994 г.

4. Застроечное слияние более заметно и более эффективно, особенно когда юридическая граница между городами представляет собой оживленную торговую улицу с бульваром и трамвайной линией посередине (один из авторов наблюдал такое явление в Бостоне).

Опыт развитых стран Европы и Америки свидетельствует об интересном явлении. Официальные границы городов раздвигаются вслед за застройками, когда поблизости нет других городов (как в одной из рассмотренных выше моделей). Но застройочное слияние уже существующих городов, как правило, не оформляется. Достаточно взглянуть на карту того же Нью-Йорка, и мы увидим не только огромные расстояния между его частями, но и то, как эти части плавно переходят в другие населенные пункты того же штата или даже соседнего Нью-Джерси.

Почему это так? Почему бы не передать территорию города Джерси-Сити соседнему штату, а сам город ликвидировать, включив в состав соседнего города-гиганта? По-видимому, одна из причин в данном случае – развитый федерализм, не позволяющий допустить и мысли о перекройке границ штатов и одновременно блюдуший, пусть и не столь свято, права и самостоятельность каждой городской общины. Другая причина – принципиальный консерватизм.

Но, думается, есть и еще одно соображение. Если расширить границы до пределов застройки, мы обязательно столкнемся с тем, что в состав города войдут районы, фактически (инфраструктурно, ментально) к этому городу уже не относящиеся. Если с Нью-Йорком граничат все же небольшие (относительно) города, то Токио широким фронтом граничит с миллионным Кавасаки, а тот в свою очередь – с многомиллионной Йокогамой. Если объединить их формально, то это уже будет какой-то супермегаполис, совершенно неуправляемый. А если учесть явление мегалополисов, то такое объединение станет уже просто невысказанным. Попробуйте определить «муниципальные» границы немецкого Рура – с его сплошной застройкой на сотни километров!

Несколько иной опыт у нашей страны. За послевоенные годы с карты СССР (России и Украины) исчез ряд городов: Тушино, Бабушкин, Перово, Люблино, Кунцево, Солнцево (влились в Москву), Черниковск (в Уфу), Игрень, Приднепровск (в Днепрпетровск), Терны (в Кривой Рог), Балаклава (в Севастополь), Бежица (в Брянск), Садгора (в Черновцы) и др. Интересно, что не всегда юридическое слияние было связано с застройочным слиянием.

Так, Солнцево граничит с Москвой, в то время как остальные 5 упомянутых городов, вошедшие в ее состав еще в 1961 г., просто больше не существуют – они давно «переварены» столицей. А вот Балаклава расположена довольно далеко от севавтопольской застройки, она обозначена на картах специальным значком – «удаленные части городов».

Зато дальнейшее развитие Москвы пошло по «западному» пути. В ее состав включены новые незастроенные или неурбанизированные территории, на них ведется интенсивное новое строительство, эти территории со всех сторон охватывают Химки, Долгопрудный и другие подмосковные города, но юридическая самостоятельность последних сохраняется.

Еще два интересных примера из отечественного опыта, когда юридическое объединение даже не связывается с застройочным. Первый – Братск, с самого начала существующий как административное объединение нескольких удаленных друг от друга населенных пунктов. Другой – Сочи, в состав которого включена цепь поселков, растянувшихся на 200-километровое расстояние и отмечаемых на карте вышупомянутым значком. Кстати, если во всех частях Братска живут братчане (налицо ментальное единство), то, как показывают опросы, жители Лазаревского или Головинки себя сочинцами отнюдь не считают.

Приведенные примеры должны убедить нас в следующем: формальное превращение Иркутской агломерации в единый город возможно, но не обязательно. Отметим, что из трех предложенных администрацией вариантов агломе-

рации лишь один соответствует действующим федеральным и областным законам. Это вариант создания ассоциации муниципальных образований (а вовсе не единого города-миллионника). Для реализации двух других вариантов, приводящих к легитимному возникновению «Большого Иркутска», пришлось бы сначала изменить целый ряд законов РФ и Иркутской области⁵. Оставим в стороне вопрос о том, какой тип слияния городов нужен губернатору – формальный, фактический или оба сразу. Мы об этом не знаем, а строить догадки считаем неуместным. Тем не менее дальше в основном речь пойдет о фактическом слиянии городов и поселков в более крупные и сложные системы.

Гораздо более принципиальный характер носит слияние инфраструктурное: транспорт делает расстояния более короткими, и социальные блага одного города становятся доступны жителям другого – даже (или точнее сказать – особенно) если эффективное застройочное единство не наблюдается. Возникает явление, которое называется «мятниковая миграция»: множество людей утром перемещаются в другой город к местам работы, а вечером – обратно по домам. Экономическая причина, заставляющая людей ездить в другой город на работу, обобщенно именуется «агломерационной выгодой», и ее величина определяется дополнительной прибылью от концентрации производства (в том числе рынков) и от близости к потребителю.

Дальнейшее развитие теоретического понимания идет по линии иерархизации социальных благ и соответствующей классификации агломерированных систем. Принято выделять те блага, которые потребляются ежедневно, и те, доступ к которым достаточен время от времени – примерно раз в одну-две недели. К первым относится прежде всего работа, а также учеба – маятниковые поездки людей к ним называют трудовыми. Поездки для доступа к благам второй группы называют культурно-бытовыми. Понятно, что культурно-бытовые поездки могут осуществляться на расстояниях, значительно больших, чем трудовые. Отсюда два типа агломерированных систем: занимающие меньшую территорию и основанные на трудовых связях и более крупные, основанные на связях культурно-бытовых. Очень часто именно первые называют агломерациями, а вторые конурбациями, хотя встречается и другое разграничение терминов. Следует оговорить, что понятия «территория» и «расстояние» здесь понимаются специфически и измеряются ни в коем случае не в линейных или площадных единицах, а во временных (или, что технически труднее осуществить, в стоимостных). Физическое расстояние, которое сегодня слишком велико для трудовых поездок, завтра (со строительством моста или просто с пуском нового автобусного маршрута) может стать достаточным, то есть «сократиться».

Посмотрим теперь, как эти теоретические положения проявляются в реальной действительности. Разумеется, здесь не все так гладко, и это особенно хорошо заметно на примере Иркутской агломерированной системы.

Совершенно очевидно, что последняя, имея центром почти 600-тысячный Иркутск, включает в себя прежде всего Шелехов. Конурбация же тянется в одну сторону до Черемхово (с тенденцией продления до Зимы), в другую – до Слюдянки (с тенденцией продления до Байкальска). Уже в приведенной формулировке («в одну сторону, в другую сторону») прослеживается географическая специфика данной системы – ее линейный характер, вытянутость вдоль железной дороги. Иркутская агломерированная система транзитна по своей природе, по историческим традициям и по географическому положению.

Опыту развитых стран и, вслед за ним, теории систем расселения известны и линейные агломерированные системы, вытянутые вдоль оживленных транспортных артерий.

5. По материалам экспертизы, проведенной адвокатским бюро «Легат», <http://legat.irk.ru>

6. Готтманн Ж. Мегалополис, или урбанизация северо-восточного побережья США // География городов. М., 1965 г.

7. Костинский Г. Д. Основные черты и тенденции формирования мегалополисов в развитых капиталистических странах // Известия АН СССР. Серия география. 1977, № 6.

8. Моисеев Н. Н. Мегалополисы // Свободная мысль. 1997, № 3.

Еще в 50-х годах XX века французский географ Ж. Готтманн⁶ исследовал подобную систему в США, назвав ее «мегалополис». Слово очень похоже на более позднее «мегаполис», да и образовано из тех же корней, но означает нечто существенно иное: Мегалополисом назывался реально существовавший в Древней Греции город – центр союза аркадских городов, возникший в 370 г. до н.э. в результате слияния более чем 35 поселений.

Описанный Готтманном супергород состоит из переходящих друг в друга городских агломераций на Атлантическом побережье – Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора, Вашингтона и ряда других менее крупных. В 1990-е годы протяженность этого супергорода была около 1000 км и ширина местами достигала 200 км, общая площадь – 140-170 тыс. кв. км, на которой проживало 20% всего населения США и производилось 25% условно чистой промышленной продукции страны.

Для мегалополиса характерна высочайшая относительная концентрация населения и промышленного производства. Так, доминирующее положение в городской структуре всей Японии принадлежит мегалополису Токайдо (около 70 млн. человек, или 60% населения страны и 2/3 ее промышленного производства).

Сегодня в мире насчитывается шесть мегалополисов. Они объединяют города, административно принадлежащие к разным штатам (США), графствам (Англия) и даже государствам (мегалополис в среднем и нижнем течении Рейна включает города Германии, Бельгии и Нидерландов, см. табл. 1).

Образование мегалополисов – процесс, характерный для многих регионов с высокими темпами урбанизации. Зоны мегалополисного типа в 1980-1990 гг. формировались в Бразилии (Сан-Паулу – Рио-де-Жанейро – Белу-Оризонти), в Египте (Каир – Александрия), в Индии (Калькутта – Асансол – долина реки Дамодар), в Канаде (от Квебека до Виндзора), в Китае (зона Пекин – Тяньцзинь) и т.д.⁸ Очевидны существенные отличия названного агломерированных систем от Иркутской. И длина, и ширина полосы, и численность населения в целом, и численность населения основных городов, и густота и сложность инфраструктурной сети – все это отличается на порядки. Однако не менее заметны и черты сходства. В отличие от агломерации и, тем более, мегалополиса, мегалополис – система полицентричная. В нее входят множество больших и малых населенных пунктов разного статуса. Мегалополис стягивает в себя основную часть человеческого и производственного потенциала окружающей территории, образуя своеобразную «воронку», куда стекаются люди и ресурсы. Исследованные до сегодняшнего дня мегалополисные структуры вытянуты вдоль транспортных путей, что закономерно следует из их транзитного характера.

Далее следует парадоксальный вывод: объединение городов и населенных пунктов, планируемое областной администрацией, должно привести к созданию маленького, в масштабах Иркутской области, мегалополиса. (Звучит странновато, но, скажем, к маленьким супермаркетам мы уже привыкли.)

Процессы «срастания» населенных пунктов в поясе Черемхово – Байкальск уже идут. Выравниваются стили и уровень жизни, растут и крепнут деловые связи, множество людей существуют в режиме маятниковых мигрантов. В «маленьком супергороде» сосредоточено больше половины населения области и гораздо больше половины ее промышленного, интеллектуального и культурного потенциала. Образование «мегалополиса Черембайк» – уже реальность.

О чем же мы говорим, когда заводим речь о необходимых мерах по развитию и стимулированию агломерационных тенденций? Речь должна идти прежде всего о формировании соответствующей инфраструктуры, причем инфраструктуры двух видов: реально объединяющей города и общей для них. Прообразом первой является шоссе между Иркутском и Ангарском. Говорят о скоростном трамвае и даже метро. Но, возможно, это пока и излишне. Гораздо проще увеличить количество электричек, а в случае необходимости проложить дополнительные пути, чем создавать новый вид транспорта. Что действительно потребует, так это доведение участков автодороги Иркутск – Шелехов и Ангарск – Усолье до уровня хотя бы упомянутого шоссе, а также строительство объездной дороги, соединяющей Ангарск с Шелеховом в обход Иркутска. Об обеспечении общественного транспорта для этой магистрали власти могут и не заботиться – малый бизнес с этим уже сейчас вполне справляется, лимитируемый только состоянием дорог.

Неотъемлемой частью этой задачи является очевидная проблема сверхзагруженности и безобразного состояния внутрииркутских дорог, в частности проблема завершения строительства моста через Ангару (который тоже не решит всех проблем). К городским инфраструктурам следует относить не только дороги, но и другие сети – тепловые, водные, электрические. Все эти элементы городской структуры в Иркутске весьма далеки от удовлетворительного уровня функционирования (в отличие, скажем, от Ангарска и Шелехова). Стационарные телефонные сети Иркутска фактически, в обход антимонопольного законодательства, поделены между несколькими крупными операторами – в результате пользователь оказывается «прикрепленным» к той или иной фирме по месту жительства и полностью беззащитен перед ее капризами.

Общая инфраструктура – центральный, структурообразующий стержень мегалополиса. В нее войдет новый аэропорт, необходимость строительства которого давно назрела. Вероятно, имеет смысл обсуждать и проекты развития речного транспорта, и проекты обеспечения населенных пунктов телефонной и интернет-связью.

Еще более перспективно выглядит комплексный подход – рассмотрение проблемы общей инфраструктуры в контексте другой хорошо известной проблемы, проблемы формирования Евроазиатского транзитного транспортного коридора.

Названная проблема многопланова. Обычно ее рассматривают, прежде всего, в макромасштабе – в масштабе всего мира. Значение Евроазиатского транспортного коридора в этом плане заключается для нашего региона и всей страны

Таблица 1. Крупнейшие мегалополисы мира⁷

Мегалополисы	Количество агломераций	Население, млн. чел.	Плотность чел./км ²	протяженность главной оси, км
Босваш (около 40 агломераций между Бостоном и Вашингтоном)	40	45	450	800
Чипитс (Чикаго – Питсбург)	35	35	220	900
Сансан (Сан-Франциско – Сан-Диего)	15	18	180	800
Токайдо (Токио – Нагоя – Киото – Осака – Кобе)	20	55	800	700
Рейнский (Рандстад – Рейн – Рур – Рейн-Майн)	30	30	500	500
Английский (Ливерпуль – Манчестер – Бирмингем – Лондон)	30	30	500	400

прежде всего в том, чтобы сделать их интересными для мира. Если через Россию проляжет коридор, связывающий Азиатско-Тихоокеанский регион с Европой, Россия займет уникальное место в мире, игнорировать ее станет невозможно. Любые внутрироссийские и межгосударственные конфликты будут восприниматься с позиции: а не нанесет ли это ущерба функционированию коридора? (В какой-то мере это сопоставимо со значением Суэцкого канала и Египта.) Последнее можно дополнить и тем, что статус «страны Евроазиатского коридора» должен помочь повысить авторитет России в постсоветских государствах, многие из которых именно через этот коридор смогут подключиться к желанному для них связям с Европой.

Очевидна заинтересованность в транспортном коридоре тех макрорегионов мира, которые он соединит, а точнее – ключевых стран этих макрорегионов и их большого бизнеса. О выгодах коридора написано немало весьма убедительных строк⁹. Необходимые для строительства капиталовложения (на уровне 200-600 млрд. долл.) при современном глобальном инвестиционном давлении выглядят вполне реально.

Складывается, однако, парадоксальная ситуация: если практически все страны – потенциальные инвесторы Евроазиатского коридора явно заинтересованы в его строительстве, притом что технически воплощение проекта не составляет никаких непреодолимых трудностей, то почему же коридор до сих пор не построен?

Одно из возможных объяснений этого парадокса заключается в зависимости инвестиционной активности от уровня доверия и взаимопонимания между партнерами. В ситуации рискованного выбора, типичным примером которого является принятие решения об инвестировании, решающее значение приобретает не столько объективная вероятность успешной реализации инвестиционного проекта, сколько субъективный характер восприятия проекта инвестором.¹⁰

А именно здесь все очень не просто. Не секрет, что отношения между Россией и Китаем, уровень китайско-российского доверия оставляют желать лучшего¹¹. Но эти отношения выглядят относительно благоприятными по сравнению с другими потенциальными участниками совместного инвестирования коридора, напряженная атмосфера взаимных претензий и подозрительности между которыми постоянно фиксируется аналитиками на всех уровнях¹². В частности, Япония и США воспринимаются китайской стороной в качестве крайне недружественных, враждебных и ненадежных партнеров. Уровень взаимного доверия потенциальных инвесторов в нашем регионе недостаточно высок для реализации любого международного проекта объемом в сотни миллионов – миллиарды долларов.

Однако существует и такая идея¹³: если финансирование проекта Евроазиатского коридора в полном объеме невозможно, следует искать возможности для его реализации «по частям». Разделение общего проекта на несколько этапов, экономически и технически самостоятельных, позволит сократить объем необходимых инвестиционных вложений, риск и сроки их возвращения. Соответственно, необходимый уровень доверия между участниками проекта снижается до более реалистичных значений.

Первым шагом к декомпозированию «большого коридора» на этапы могло бы стать выделение участка железнодорожной магистрали, связывающего два крупных логистических центра – один в Китае, а другой в России. Такой участок может быть построен в обозримые сроки, и его рентабельная эксплуатация возможна задолго до завершения строительства коридора в целом. В этом случае протяженность путей может составить несколько сотен километров (на два-три порядка меньше, чем для «большого коридо-

ра»), и число участников проекта сокращается до двух стран. Разумеется, и в этом случае неблагоприятный имидж с обеих сторон продолжает снижать субъективную привлекательность проекта. Но трудности межкультурных контактов в двустороннем случае на много порядков меньше, чем в многостороннем проекте с участием США, Японии, Кореи и/или европейских инвесторов. На наш взгляд, первым из таких фрагментов «большого коридора» мог бы стать участок пути Харбин – Иркутск. Каждая из двух названных «точек» обладает рядом свойств для того, чтобы сыграть соответствующую роль. Это мощные транспортно-распределительные и одновременно интеллектуально-организационные центры, причем между каждым из них и государственной границей нет другого центра-конкурента. Очевидно, Иркутск успешнее справится с ролью логистической базы фрагмента транзитного коридора, если осуществлять эту функцию станет совместно с другими городами своей агломерированной системы. Осуществление такого проекта призвано внести вклад и в решение побочной задачи: застроечного заполнения все же достаточно большого промежутка между Иркутском и Ангарском.

Можно выдвинуть еще одну нетривиальную мысль, переключаясь с еще одной популярной идеей из сферы регионального развития – идеей кластеризации (и одновременно – уже изрядно подзабытой идеей «полюсов роста»). В поисках «пропульсивного» сочетания специализаций частного бизнеса не худо бы обратить внимание на такую сферу деятельности, как НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки).

Эта сфера перенесла мощнейший кризис в результате экономических реформ, построенных на моделях, которые просто не предполагали наличия в развиваемой стране крупного научно-образовательного потенциала. Между тем он имелся в Советском Союзе, сохранился (хотя, естественно, в меньших масштабах) в Российской Федерации и, несмотря на все дальнейшее, не равен нулю и сейчас. Улыбку (грустную) вызывают ультрапатриотические утверждения, будто бы Россия обладает самыми передовыми в мире системами образования и науки. Но не менее нелепы и утверждения, будто отечественные образование и наука не имеют никакой ценности и в лучшем случае должны следовать за западными. Наиболее реалистичным будет сказать, что потенциал России в данной сфере остается конкурентоспособным и что эта конкурентоспособность хотя и невысока, но может быть несколько повышена в случае целенаправленного инвестирования. Аналогичное можно сказать о научно-образовательном потенциале Иркутска на фоне огромной России: далеко не самый высокий, но и не последний.

Отсюда идея: упор на НИОКР как путь развития города и агломерации. В мире есть замечательный пример такого развития – Силиконовая долина в США. Гигантский конгломерат частных фирм, занимающихся программированием и разработкой электронной техники в кооперации с крупным университетом. Там, кстати, немало россиян (и иркутян), уже разбогатевших и, при определенных усилиях со стороны властей и бизнеса, способных внести свою инвестиционную и интеллектуальную лепту в развитие исторической Родины. Не будем здесь обсуждать данную идею в подробностях. Отметим лишь, что это еще один вариант заполнения пространства агломерации, причем вариант высокоинновационный.

Необходимы частные инвестиции. Инвестиции крупного капитала в крупномасштабные проекты, инвестиции малого бизнеса в НИОКР, торговлю, услуги. А капитал надо заинтересовать. Придется также привлекать мигрантов. В том числе реэмигрантов или частичных реэмигрантов, не желающих покидать новое место жительства, но готовых жить «на два дома» – что в современном мире встречается все

9. Имеются даже такие политики, которые поставили данный пункт в основу своей программы: см., например, Томчин Г. О проекте развития транспортной инфраструктуры России // официальный сайт Союза правых сил, <http://www.sps.ru/?id=214718>.

10. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: an analysis of decision under risk // *Econometrica*. 1979. № 47 P. 263-291.

11. См., например, Лидин К. Л., Калужнов Н. А., Тимофеев И. А. Международный имидж азиатской России и его роль в построении транссибирского коридора / Геополитические и социально-экономические проблемы создания международных транспортных коридоров. Коллективная монография / Под научн. редакцией Хоменко А. П., Гончаренко С. С., Елисеева С. В., Каштанова Ю. Б., Сольской И. Ю., Якобсона А. Я. – Иркутск: ИрГУПС. – 2004 г. – Т. 2. – 605 с., С. 96-110.

12. Богатуров А. Д. Корейский полуостров в треугольнике Россия - Китай - Япония // Россия и Корея в меняющемся мире. Материалы научно-практической конференции. М.: Изд-во МГИМО МИД РФ. – 2005 г.

13. Лидин К. Л., Якобсон А. Я. Трансевроазиатский коридор - новый взгляд на проблему. Представлено в журнал «Проблемы Дальнего Востока».

14. Щедровицкий П. Геоэкономические координаты // Формула развития. Сборник статей: 1987-2005 гг. - Москва, Архитектура-С - 2005 г.

15. Каганский В. Основания регионального анализа в гуманитарной географии // Изв. РАН, сер. географ., 1999 г., N 2, с. 42 - 50.

16. Яркий пример периферического восприятия Нью-Йорка можно найти, например, в книге Э. Лимонова «Это я, Эдичка».

чаще. Но любых мигрантов надо заинтересовать. Необходим существенный рост привлекательности Иркутска в качестве места постоянного жительства.

Думается, заинтересовать и инвесторов, и мигрантов может позиционирование новой системы в качестве мирового города и центра. Обсудим эти понятия.

По П. Г. Щедровицкому, мировые города – это такие образования, которыми национальные государства входят в глобальную логистическую систему¹⁴. Мировой город включен в мировую структуру постиндустриальных связей, что позволяет ему экономически процветать, даже если вся остальная территория вокруг него находится в депрессивном состоянии. До сих пор в России фактически имеется только один очевидно мировой город – Москва (но есть целый ряд претендентов). Роль одного из двух полюсов «малого Евразийского коридора» неизбежно выводит Иркутск на роль такого города и требует соответствия этой роли.

Мировой город обладает комплексом признаков центра, он осознает и определяет себя как центр. Развернутую характеристику центру в геоэкономическом смысле дает В. Каганский¹⁵. Центру присущ транзитный характер и частичное оседание транспортируемо-распределяемого материала. Центр демонстрирует миграционное притяжение населения, в том числе из очень далеких мест: в центр стремятся приехать и поселиться трудоспособные мигранты не только из других регионов, но и из-за рубежа. На первом этапе центр притягивает «мускулы» – мигрантов, способных к простому физическому труду. Более высокий уровень развития центра вызывает «перетекание мозгов»: центр становится объектом притяжения образованной, интеллектуальной миграции. Соответственно, складывается ситуация, при которой местное население составляет невысокую долю и одновременно играет исключительную роль хранителя очень сложной культурной и жизненной среды. Центру присущи высокая степень толерантности и космополитизм; сложные сочетания многих разных систем регулирования (юрисдикций) и их частичные пересечения; полистатусность, в том числе размещенных в нем объектов.

Городская среда центра насыщена знаками и символами, предельно нагружена семиотически. Центр – сложное пространство многих направлений, времен, языков, символических (знаковых) систем; культурно и семиотически избыточное пространство. Среда таких мест испытывает на себе логически взаимоисключающие тенденции креативности, творческого роста и музеефикации; она одновременно динамична и консервативна; люди живут сразу во многих разноскоростных процессах. Центр невозможен без связей двух существенно разных направлений и типов – с иными центрами (в том числе и более высокими по иерархии) и с централизованной по нему территорией.

Центру противостоит периферия. По мысли В. Каганского, периферия характеризуется несамостоятельным, несамодостаточным осознанием себя, ощущением своей ущербности и зависимости от центра. Жители периферии позиционируют себя как случайных, временных насельников чуждой территории. Отсюда – потребительское, антиэкологическое, разрушительное отношение к ландшафту, коренному населению и местной культуре. Мышлению периферии присуще недоброжелательное и высокомерное отношение к памятникам истории и традициям собственного города, отторжение мыслей о ценности его прошлого. Жители периферии пребывают в простом, даже примитивном семиотическом пространстве, их интересы узко ограничены простейшими эгоистическими потребностями, в их сознании отсутствуют связи с иными географическими и историческими фрагментами реальности. Острый комплекс неполноценности по отношению к центру формирует зависти-

вое, подражательное и скрыто враждебное отношение ко всему, что воспринимается как исходящее из центра. Периферия – частично окультуренное, простое, трудное для жизни и дискомфортное пространство. Подчеркнем, что состояние центра или периферии – это состояния сознания жителей. И Москву, и Париж можно воспринимать как глухую периферию¹⁶. Деревушка в десять дворов может переживаться ее жителями как безусловный центр. При этом ожидание поддержки исключительно от федеральных властей в корне подрывает саму идею превращения Иркутска в мировой город. Пока центр поля интересов руководителей региона располагается в Москве, Иркутск неизбежно оканчивается глухой периферией – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Транзитный потенциал Иркутска (вернее, линейной системы городов вдоль иркутского участка Транссиба) позволяет рассматривать перспективы его превращения в мировой город, мегалополис. Как было продемонстрировано на организационно-деятельностной игре «Город» в 1990 г., Иркутск действительно является городом -центром в строгом смысле этого слова.

Однако этот потенциал – пока всего лишь потенциал. Вопрос самоидентификации Иркутска – это вопрос, как наш город воспринимается его собственными жителями и руководителями.

Стратегии развития крупнейших городов России: поиск концептуальных решений

Крупнейшие города, по определению, являются одновременно «центральными местами», обслуживающими потребности прилегающей территории, и «узлами» различных сетей, значение которых выходит далеко за пределы контролируемого городом пространства. В первом случае речь идет о локальных характеристиках города и его хинтерланда, во втором – о внешних, включая участие в глобализационных процессах. Двойственность природы городов обеспечивает им необходимую устойчивость и адаптивность: локальное начало играет роль «стабилизатора» развития, а сетевое – «стимулятора». Нарушение этого баланса в пользу «локального» ведет к стагнации и провинциализации города, даже если это столица государства, а в пользу внешних источников развития – к его экономическому и социально-культурному отрыву от собственной территориальной базы и обострению традиционного конфликта «центр-периферия».

Кризис «локального»: новые вызовы – старые решения

Ветер перемен подарил властям всех уровней возможность самостоятельных действий, наградив их одновременно ответственностью за последствия принимаемых решений. Однако ни власти, ни страна в целом оказались не готовы к конкретным и самостоятельным действиям в условиях внезапно наступившей открытости и зависимости от глобальных процессов. Только Москва, концентрировавшая финансовые и кадровые ресурсы, сумела относительно быстро «оседлать» ситуацию и эффективно использовать свое столичное положение, трансформировав монополию на командно-административные функции в экономические выгоды. Остальным сверхкрупным и крупнейшим городам, чтобы адаптироваться, потребовалось почти десятилетие: только с 2001-2002 годов процесс медленной деградации городской среды и экономического спада сменился отчетливым трендом экономического роста, отразившимся на доходах населения, качестве и благоустройстве жизни. Эту переменную зафиксировали многие городские социологические опросы, показавшие рост численности средних слоев населения.

Перемены почувствовали и городские власти. Если в начале 90-х годов наиболее распространенным среди градоначальников был кризисный дискурс, рассчитанный на получение дополнительных бюджетных вливаний и налоговых поблажек, то сегодня все стремятся позиционировать себя как лидеров, уверенно идущих к успеху. Местные власти активно ищут возможность управления стихией рыночной трансформации жизни городов. Возникла потребность в формировании городской политики, определении приоритетных направлений развития и рычагов влияния на поведение людей и структур, вовлеченных в социально-экономические перемены.

Почти все региональные столицы и крупнейшие города обзавелись собственными стратегическими планами развития.¹ В массе своей эти **документы напоминают декларацию о намерениях с указанием на то, «что» надо сделать, но без объяснения того – «как».** Они совмещают очень общие перспективы и очень частные программы без достаточной стыковки первого со вторым и объяснения, каким образом плановая деятельность различных го-

родских структур работает на стратегические цели. Главный эффект городских стратегий – имиджевый. Город, имеющий собственную стратегию с ясно обозначенными приоритетами развития, является зрелым с точки зрения управления, обладает значительной открытостью и прозрачностью в сфере принятия решений, а следовательно, предсказуемым для инвесторов.

Основная причина декларативности стратегических планов состоит в трудности определения места города в системе политических, социальных и экономических отношений. Они разрабатываются исходя из **допущения, что администрация города обладает значительной свободой выбора траекторий развития и способов достижения поставленных стратегических целей.**² На практике же огромное количество факторов, как внешних по отношению к городам, так и внутренних, слабо контролируются руководством. Осуществление даже самых обдуманных и конкретных планов неизбежно сталкивается с непредвиденными обстоятельствами, которые могут как способствовать, так и препятствовать достижению поставленных целей. Поэтому реальная стратегия развития таких сложных объектов, как города, вписанных во множество систем разного уровня, является скорее вынужденной реакцией на многочисленные вызовы и требования времени.

На первый взгляд это утверждение входит в противоречие с распространенной точкой зрения об инновационной роли городов, призванных предвосхищать изменения, а не приспосабливаться к ним. Однако инновационная составляющая городского развития является лишь узкой частью спектра решаемых задач. Креативность, по определению, не является индикатором массовости. Как только деятельность становится массовой, она перестает быть инновационной. Город – это огромный консервативный механизм, поддержание деятельности которого в первую очередь связано с адаптационными механизмами и лишь во вторую – с инновационными. При этом нормальное функционирование адаптационных механизмов требует постоянных нововведений.

Успешное внедрение или «потребление» инноваций, предполагающее, что клонируемые формы и институты накладываются реальным, а не формальным содержанием, это тоже серьезнейшая задача стратегического развития. Во многих случаях это означает необходимость идти «против течения» и устоявшимся представлений. Если даже отвлечься от политических проблем, завязанных на крупнейшие города, подспудного конфликта мэров региональных столиц и глав регионов, а также внутренней конкуренции между географически несовпадающими центрами администрирования и полюсами экономического роста³, окажется, что и поле социально-экономических решений требует преодоления управленческой инерции и пересмотра рецептов социально-экономического роста.

Например, постиндустриальные тренды экономики наиболее развитых стран наглядно демонстрируют, что **наибольшими шансами вырваться вперед обладают не места «производства», а места «потребления» денег.** Это означает, что сфера материального производства достигла такой эффективности и таких масштабов, что дальнейшее наращивание объемов производства не дает ожидаемого экономического эффекта. Главным средством по-

текст
Ольга Вендина,
институт географии
РАН

1. В 2005 г. собственно стратегии были разработаны и одобрены в 6 из 11 российских городах-миллионерах, это: Санкт-Петербург (1997), Новосибирск (2002), Екатеринбург (2003), Омск (2002), Ростов-на-Дону (2004), Казань (2003). В остальных крупнейших российских городах ключевые идеи стратегического развития сформулированы в программных документах, определяющих перспективы социально-экономического развития на ближайшие несколько лет. В 2005 г. Институтом экономики города был опубликован «Городской Манифест», определивший ориентиры стратегического планирования развития городов.

2. Например, стратегический план развития Санкт-Петербурга предусматривает такое введение: «...Изменение внешних условий (геополитических и социально-экономических) поставило Санкт-Петербург перед необходимостью развития новых функций и новых источников существования. Причем впервые проблема поиска своего пути возникла как проблема самоидентификации города, который сам, без диктата центра и без расчета на его поддержку, должен найти и закрепить собственное место на карте глобализированной мировой экономики и постиндустриального общества» [Стратегический план Санкт-Петербурга, Петербург, Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 1997 г., <http://stratplan.leontief.ru/txextsp/vveden.htm#2>]

3. Столица региона далеко не всегда является его главным экономическим центром – «донором», часто она оттягивает на себя ресурсы, зарабатываемые вторыми, а то и третьими городами, что порождает недовольство, конфликты и трения. Таких пар или даже троек городов достаточно много, например: Челябинск – Магнитогорск, Екатеринбург – Нижний Тагил, Ханты-Мансийск – Сургут и Нижневартовск, Белгород – Старый Оскол и

Губкин, Краснодар – Новороссийск и Сочи, Вологда – Череповец, Самара – Тольятти и т.д.

4. «Главная стратегическая цель развития города Екатеринбурга заключается в обеспечении достаточно высокого и устойчиво повышающегося качества жизни нынешних и будущих поколений горожан» (Стратегический план Екатеринбурга, 2003 г., с. 13). «Главная цель разрабатываемого Стратегического плана – обеспечение устойчивого сбалансированного развития городской социально-территориальной общности, роста качества и уровня жизни ростовчан на основе модернизации хозяйственной и поселенческой среды» (Стратегический план социально-экономического развития города Ростова-на-Дону, 2004 г., с. 21).

5. Томские новости, № 295, 2005 г.

лучения высоких прибылей (кроме торговли энергоносителями) становится третичный, прежде всего, информационный сектор экономики, который предлагает более высокую оплату труда и начинает поглощать все большее количество трудовых ресурсов.

Управленческая практика показывает – наибольший объем получаемых городами инвестиций связан с крупнейшими промышленными предприятиями, деятельность которых предопределяет и наполняемость бюджетов городов, и рост платежеспособности населения. Эта точка зрения господствует и в общественном мнении. Так, 70,1% опрошенных жителей Екатеринбурга и 66,8% представителей экспертного сообщества города полагают, что именно промышленность обладает наибольшей инвестиционной привлекательностью. Следом за инвестициями в индустрию опережающими темпами по 17-20% в год, как в Волгограде или Челябинске, начинает расти и сфера услуг, но экономический профиль большинства крупнейших городов остается по-прежнему индустриальным.

В логике повседневных решений местных администраций стратегия развития, требующая перераспределения средств в пользу инновационного и третичного секторов экономики, выглядит самоубийственной.

Никто не хочет отказываться от денег, поступающих сегодня, даже если они работают против будущего! Яркий пример дает Петербург. Конкурируя с Пермью, город приложил огромные усилия, чтобы добиться размещения завода Toyota на своей территории. Сегодня он себя уже позиционирует как российский Детройт и объявляет о размещении завода Renault и Nissan. Серьезный объем инвестиций (примерно по 770-950 млн. \$), способный слегка оживить экономику Северной Пальмиры за счет загрузки строительного комплекса и создания новых рабочих мест, уже завтра обернется проблемами, связанными с необходимостью «завоза» работников на это предприятие с их последующим обеспечением жильем, социальными услугами, а также с конкуренцией между разными сферами деятельности за размещение своих площадей в одном из ключевых постиндустриальных центров страны. О неизбежности такого хода событий свидетельствует опыт всех крупнейших европейских городов, которые завершили вывод автомобильного производства со своих территорий. Да и Москва уверенно следует тем же курсом, объявив о выводе АЗЛК со слишком дорогих городских земель.

Постиндустриальные тренды в экономике предопределили и **изменение характера связи между расселением и размещением наиболее эффективных экономических видов деятельности**. Теперь не население перемещается в зоны нового освоения вслед за производственными мощностями, а новые отрасли экономики возникают там, где для этого есть необходимое качество населения. В этом же направлении движутся и основные миграционные потоки. Трудовые мигранты ориентируются не столько на спрос со стороны производства, сколько на потребности высококвалифицированного и высокооплачиваемого населения, нуждающегося в услугах. Рынок труда все больше «профессионализируется» и становится все менее формализованным, расширяя спектр разных форм первичной и вторичной, легальной и теневой занятости.

К этому стоит добавить, что индустриальная экономика была и осталась экономикой «дешевого человека». Бедные города вокруг богатых предприятий – это хоть и печальный, но вполне логичный феномен. Неслучайно промышленное производство стремительно перемещается в страны третьего мира, обладающие избытком рабочей силы. Там, где нет дешевых трудовых ресурсов, конкуренция за доходы от производства заранее проиграна. Если мы рассчиты-

ваем на развитие крупнейших городов за счет индустриального сектора, то в стратегии нужно заранее закладывать необходимость привлечения рабочих рук и просчитать, насколько стоимость решения проблем, связанных с миграцией, повышает «цену» завозимых работников. Не окажется ли, что их труд эффективен лишь в кратковременной перспективе при условии жесткой эксплуатации?

Успех в постиндустриальном развитии требует совсем иной модели взаимодействия работника и работодателя и больших вложений в человеческий капитал, сравнимых по объему с инвестициями в материальное производство. Причем это касается не только подготовки кадров и образования населения, но и условий жизни людей. Сколько бы ни ругали массовое потребление за его расточительность и меркантилизм, именно оно сформировало новый тип работника, ставшего главным субъектом информационной революции и экономики знаний.

Необходимость вложения в человеческий капитал является одной из наиболее осознанных и значимых целей стратегического развития российских городов⁴. Отчасти – это компенсаторная реакция на нормативный подход к распределению благ в советское время, отчасти – на последующий отказ от социализма в системе соцобеспечения и первое постсоветское десятилетие. Экономический спад и деградация системы социальных услуг были объявлены главными виновниками демографического кризиса и «вымирания нации». Сокращающееся население перестало быть неистощимым ресурсом решения экономических и политических задач, превратившись в один из важнейших приоритетов политики.

Казалось бы, наблюдается совпадение ориентиров городского развития с постиндустриальными трендами, но оно имеет скорее внешний характер. Нерешенным в стратегических планах остается вопрос «Кто будет инвестировать в человеческий капитал?». Общество в целом? Но тогда платить за выравнивание социальных условий будут именно крупнейшие города, как это и происходит сегодня. Приведу очень типичное высказывание мэра Томска, под которым, думаю, могут подписаться и остальные мэры крупнейших городов. «В условиях выстраивания жесткой вертикали власти и концентрации бюджетных средств наверху, когда городу остается 11 копеек с заработанного рубля, приходится искать дополнительные ресурсы для обеспечения жизнедеятельности территории, а тем более для развития. Система местного самоуправления в России развивается в очень сложных условиях. Происходит вымывание финансовых ресурсов из городов и регионов. В наименее выгодном положении при этом оказываются именно города-доноры, к которым относится и Томск»⁵.

Предположим, что основная нагрузка ляжет на локальное сообщество – город, но тогда возникают вопросы: «Кто именно может считаться «горожанином», обладающим правом пользоваться всем комплексом социальных благ? Распространяются ли на «новичков» преимущества местных жителей или же их надо каким-то образом заслужить?».

Остается третий вариант – люди сами должны инвестировать в собственное будущее и будущее своих детей при определенной поддержке со стороны общества. Но этот подход требует совершенно иной оплаты труда населения, изменения модели занятости и структуры рабочих мест. В противном случае частные инвестиции в человеческий капитал, доступные далеко не каждому, будут вести к социальному расслоению и одновременно оттоку наиболее квалифицированных кадров туда, где им могут быть обеспечены лучшие условия жизни и труда. По словам О. А. Пермякова – главы челябинской консалтинговой кор-

порации «Стратум», в круг задач которой входит и профессиональная подготовка бизнес-кадров, отток обученных специалистов в более «продвинутые» центры является одной из больших проблем развития города. Думается, что это общая проблема.

Третьим ориентиром постиндустриального развития стало **изменение конфигурации отношений «центр-периферия»**. Схема, когда провинция поставляет столице ресурсы разного рода в обмен на столичные инновации, постепенно утрачивает свое эксклюзивное объяснительное значение. Во-первых, информатизация резко подстегнула инновативность провинции, расширив поле контактов и ослабив диктат центров. Во-вторых, центры стали «подкармливать» периферию за счет динамичности своего развития; из центра (центров), а не из собственных источников, начинает она получать дополнительные ресурсы.

Речь, конечно, не идет о бюджетном перераспределении и прямых дотациях. Крупнейшие города уже давно стали местом работы для жителей пригородов и провинции. Деньги, зарабатываемые в центрах, в значительной степени тратятся на периферии, проходя через руки маятниковых мигрантов и сезонных работников. Сама жизнеспособность системы сельского и мелкогогородского расселения уже давно зависит не от плодородия почв и продуктивности сельского или лесного хозяйства или местной промышленности, а от экономического самочувствия крупных городов, от развернувшихся процессов субурбанизации и переселения горожан с их городскими привычками и образом жизни в сельскую местность.

Крупные центры, испытывая избыточное давление частного капитала, активно инвестируют в периферию. Сегодня московские, петербургские, екатеринбургские, краснодарские, магнитогорские и другие деньги работают на всем российском и постсоветском пространстве. Московские и региональные сетевые структуры осваивают российский рынок наряду с иностранными компаниями, стимулируют покупательский спрос и внедряют новые стандарты жизни. Московские строительные фирмы со своими узнаваемыми проектами и ценами на жилье представлены во всех регионах страны, способствуя становлению и развитию рынка недвижимости. Еще более активны высшие учебные заведения, тиражирующие свои филиалы. Практически всем крупнейшим городам страны, а не только Москве и Петербургу, становятся тесны административные границы. Наконец, не стоит забывать и о кошельках столичных жителей как источнике финансирования периферии. Независимо от ранга столицы ее население обменивает свои деньги на услуги строительных компаний, туризма, культуры, торговли и т.д., удовлетворяя свою любознательность и потребность в контактах с природой.

Усложнение отношений «центр-периферия», несводимость их к простой схеме «столица – насос, выкачивающий соки из провинции» предполагает и перестройку системы территориального управления. Административный детерминизм, свойственный нашей стране и предполагающий моноцентрический тип организации пространства, противоречит изменившейся экономической ситуации. Открытость экономики, снижение коммуникационных барьеров, ослабление роли административных границ как границ экономических требуют равнозначности горизонтальных и вертикальных связей, не субординации, а согласования интересов. На первый план **выходит не конкуренция – фетиш современного этапа российского развития, а координация проектов**, поскольку отсутствие собственных возможностей компенсируется не только внешними инвестициями или привлеченным спросом, но и перераспределением ролей, или взаимобменом услугами.

Между российскими городами постепенно начинают выстраиваться связи, создающие возможность маневра в меняющихся экономических условиях и ослабляющие их зависимость как от локальных ресурсов, так и от административного диктата. Пионерами в координации проектов как всегда оказываются наиболее ущемленные сферы деятельности, вынужденные искать нетривиальные решения для выживания. Так, очень многие авторитетные университеты инициировали процесс формирования региональных и межрегиональных консорциумов. Движение это идет не только в рамках Болонского процесса, пересаживающего европейские институты на российскую почву без наполнения их адекватным содержанием, но и под влиянием вполне прагматичного желания расширить поле маневра для привлечения новых ресурсов и новых потребителей собственной «продукции».

Однако этот процесс имеет скорее стихийно-интуитивный характер, практика городского развития исходит из презумпции конкуренции. Достаточно распространенная точка зрения сводится к следующему: *«В будущем городам придется вступить в жесткую конкуренцию уже не с селом, а друг с другом»⁶, «Город видится экономическим субъектом, конкурирующим с другими субъектами за право размещать у себя наиболее эффективные и передовые производства, концентрировать капитал и идеи»⁷.*

Данный подход, несмотря на инновационную риторику, полностью соответствует российской традиции собирания всех возможностей «в кулак» и мобилизации ресурсов. Гарантией успеха является ставка на трех китов – **монополию, концентрацию и конкуренцию**.

Данной схеме нельзя отказать в эффективности, более того, именно такой подход был реализован правительством Москвы, обеспечив «экономическое чудо». Благодаря мобилизации ресурсов, авторитарным методам управления, монопольному доступу бюрократии к муниципальной собственности, а также тесным связям хозяйственных и властных элит конкурентные преимущества столицы как территории благоприятной для постиндустриальных видов деятельности были конвертированы в экономические выгоды. Однако при этом Москва реализовала себя не как креативный, а как адаптивно-транзитный центр развития страны. Вся бурная экономическая жизнь Москвы свелась к решению задачи приспособления недореформированной российской экономики к требованиям мирового рынка⁸.

Достаточно эффективная в кризисных условиях, авторитарно-монополярная схема управленческого поведения буксует в новой ситуации. Для обеспечения роста уже недостаточно приспособляться, необходимы иные подходы, учитывающие исчерпанность потенциала развития за счет концентрации всех возможностей в одном или нескольких центрах, а также опасность чрезмерных социальных контрастов, вызванных неравномерностью территориального развития и жесткой конкуренцией. Отдельно стоит сказать о сокращении численности населения и его постарении. Неблагоприятная демографическая ситуация заставляет сомневаться в реалистичности сценария «концентрации» населения, особенно административными методами, где бы то ни было, и уже сама по себе требует иного взгляда на стратегию развития.

Развитие городов в условиях демографического спада

На протяжении последнего столетия развитие российских городов связывалось исключительно с идеей их роста. Городское население увеличивалось столь стремительно, что всерьез обсуждались меры по ограничению размеров и людности городских агломераций. В генпланы городов

6. Городской манифест. Фонд «Институт экономики города», М. 2005 г. http://www.urbanecconomics.ru/texts.php?folder_id=80&mat_id=270&page_id=6615&from=search
7. Трутнев, Э.К., Якубов, М.О. Планирование городского развития: необходимое и достаточное. // Городской альманах, Фонд «Институт экономики города», М. 2005, стр.77-91.
8. Вардомский, Л.Б. Москва и провинция: проблема столичных преимуществ в контексте глобализации. // Международный диалог, 2001 г., № 1, стр. 157-173; Вардомский, Л.Б. Москва и провинция: проблемы столичной ренты в российской рыночной трансформации. / Москва на фоне России и мира: проблемы и противоречия отношений столицы в контексте рыночной трансформации. М. ЭПИКОН, 1999 г., стр. 53-69.

Рис. 1 Основные тренды изменения численности населения крупнейших городов между переписями 1979, 1989 и 2002 годов*

Города расположены в направлении с запада на восток, за исключением столицы государства, возглавляющей список:

- 1 – Москва
- 2 – Санкт-Петербург
- 3 – Тула
- 4 – Ярославль
- 5 – Рязань
- 6 – Воронеж
- 7 – Липецк
- 8 – Ростов-на-Дону
- 9 – Краснодар
- 10 – Нижний Новгород
- 11 – Волгоград
- 12 – Пенза
- 13 – Астрахань
- 14 – Саратов
- 15 – Ульяновск
- 16 – Казань
- 17 – Тольятти
- 18 – Самара
- 19 – Ижевск
- 20 – Набережные Челны
- 21 – Оренбург
- 22 – Уфа
- 23 – Пермь
- 24 – Екатеринбург
- 25 – Челябинск
- 26 – Тюмень
- 27 – Омск
- 28 – Новосибирск
- 29 – Барнаул
- 30 – Томск
- 31 – Кемерово
- 32 – Новокузнецк
- 33 – Красноярск
- 34 – Иркутск
- 35 – Хабаровск
- 36 – Владивосток

закладывалась необходимость освоения все новых территорий для развития производства и жилищного строительства, социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры, коммуникаций, призванных обеспечить жизнедеятельность растущего городского организма, поглощающего все новые рабочие руки.

Однако уже перепись 1989 года обнаружила, что интенсивный рост крупнейших городов, включая столицы, замедлился. Начало 90-х годов было отмечено сокращением городского населения и даже частичной возвратной миграцией в сельскую местность, что объяснялось стрессовой социально-политической ситуацией. Безусловно, влияние этого фактора было значительным, но период адаптации завершился, а демографическое неблагополучие осталось.

Перепись 2002 года подтвердила – сокращение численности населения большинства крупнейших российских городов является устойчивой тенденцией, стартовавшей в конце 80-х годов⁹. Для 22 городов с населением от полу-миллиона до миллиона человек баланс оказался отрицательным, а еще 6 свели его с нулевым результатом¹⁰.

Несмотря на то, что основной миграционный тренд можно определить как стягивание населения в центральные и южные районы страны¹¹, в неблагоприятной ситуации оказались не только города Дальнего Востока, Сибири и Урала, но и европейской части России! Расположив города не по людности, а по их позиции на оси «запад-восток», мы отчетливо увидим этот тренд (рис. 1).

Безусловно, наблюдаемая динамика «роста» и «спада» численности населения городов имеет свои региональные вариации. Если оставить за скобками исключительность положения Москвы и Петербурга, концентрирующих широкий спектр возможностей и каналов доступа к финансовым и административным ресурсам, то можно назвать три фактора, сдерживающих негативные демографические тенденции.

Во-первых, **административный статус** – повышение значимости республиканских центров и назначение столиц семи федеральных округов. Нарастание властных функций способствовало притоку финансов, созданию новых высокооплачиваемых рабочих мест в сфере управления и существенным переменам в городской экономике, переориентировавшейся на сферу услуг, контакты бизнеса и власти, власти и населения.

Во-вторых, **наличие конкурентоспособного производства**, обеспечивающего рост доходов населения и платежеспособный спрос. Сопутствующее развитие сферы услуг и рынка жилья расширило возможности внутренних городских рынков труда, привлекательных для мигрантов и поглощающих собственные избыточные трудовые ресурсы.

В-третьих, **близость к новым границам и положение на пути основных миграционных перемещений** – с востока на запад и с севера на юг. Поскольку миграция часто имеет двухступенчатый характер: вначале люди переезжают либо поближе к родному дому, либо туда, где они могут устроиться и найти доступное жилье, а затем в более процветающие города или районы страны – то наблюдаемую динамику нельзя считать долговременным или стабильным трендом. Основные маршруты миграции обеспечили рост таких городов, как Краснодар, Ростов, Оренбург, Ульяновск, Волгоград.

Сокращение численности населения сильно затронуло города с молодой возрастной структурой жителей, которые демонстрировали устойчивые тенденции роста вплоть до начала 1990-х годов, в том числе благодаря естественному приросту. В постсоветские годы под влиянием социально-демографических и экономических факторов, ключевым из которых стал отток молодежи, ситуация изменилась – города восточной части страны начали быстро «стареть» (табл. 1). Это, конечно, метафора, которая означает сокращение численности молодых поколений и изменение конфигурации демографической пирамиды города в пользу большей представленности старших возрастных групп.

Изменение возрастных пропорций отразилось одновременно на показателях смертности и рождаемости. Первые – выросли, а вторые – упали, что оказалось наиболее заметно, так как изменилась и модель брачно-семейного поведения молодых людей, снизился возраст вступления в брак и рождения детей, повысилась приоритетность получения образования и карьерного роста, расширились возможности самореализации для женщин.

Платежеспособность пожилого населения также падает, а стоимость услуг, энергоносителей и всего остального – растет. Необходимость покрывать эту разницу ложится на все более тонкий слой экономически активного населения, уменьшающегося не только в результате демографических процессов, но и сокращения занятости. В среднем по всем

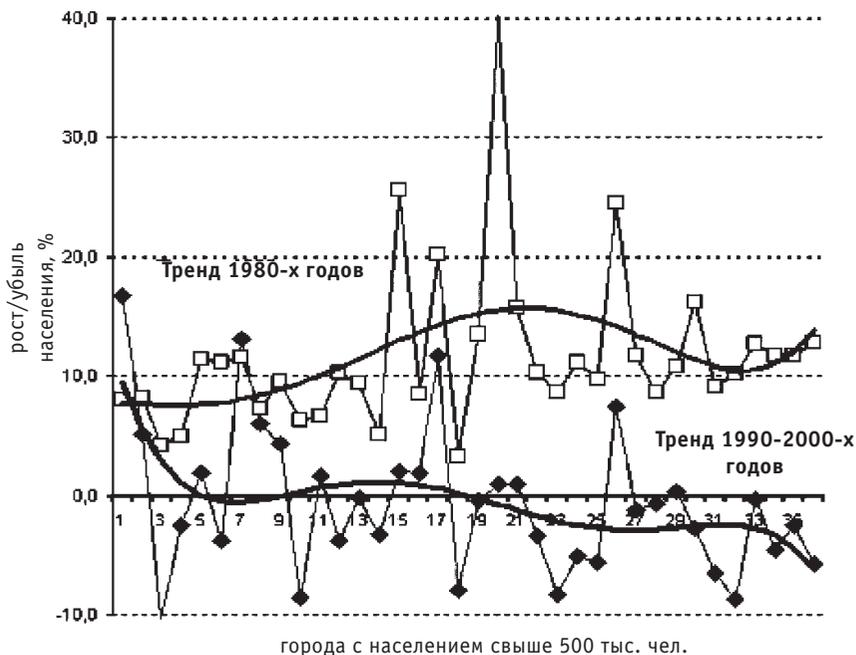

Таблица 1

Естественная убыль и старение населения крупнейших городов

Название города	к естественного прироста 1989	2002	Доля пенсионеров выросла на (%)
Москва	-2,3	-4,7	20,8
Санкт Петербург	-1,4	-8	13,2
Новосибирск	1,8	-4,8	23,2
Нижний Новгород	-0,7	-9,1	12,0
Екатеринбург	1,7	-4,3	24,4
Самара	-0,1	-7,1	14,96
Омск	4,9	-4,2	26,5
Пермь	2,9	-5	9,3
Красноярск	-0,9	-2,8	25,6
Краснодар	1,8	-3,9	29,6
Барнаул	2,9	-3,5	30,4
Владивосток	4,6	-4,2	34,78
Иркутск	4,5	-3,6	32,1
Хабаровск	4	-5,6	37,9

крупнейшим городам численность занятого населения сократилась на четверть, а в Воронеже, Ростове, Саратове, Уфе, Омске, Новосибирске, Барнауле, Иркутске и Владивостоке – более чем на треть! Казалось бы, нехватку рабочих рук можно компенсировать, привлекая мигрантов. Но внутренние ресурсы России уже исчерпаны, а против притока внешних мигрантов категорически возражает население, с трудом адаптирующееся к выходцам из республик бывшего СССР. Что уж говорить о миграции из Китая, которая рассматривается как агрессия, вызывающая страх и сопротивление.

Другое следствие сокращения численности населения городов можно условно назвать **«негативной селекцией»**, поскольку из городов уезжают молодые, мобильные и активные, а остаются более пассивные и менее адаптированные к меняющейся ситуации. Процесс этот, незаметный на первый взгляд, медленно ведет к формированию угнетающей атмосферы в городе, распространению ощущения недовольства жизнью и социального пессимизма, даже если дела обстоят не самым худшим образом.

Частично эта тенденция сдерживается бурным развитием системы высшего образования, которое в последнее десятилетие стало своеобразным убежищем от давления рынка труда и призыва в армию, особенно в городах Центральной России. Согласно опросам ФОМ (2001, 2002, 2005 годов), высшее образование рассматривается как резерв будущего благополучия, позволяя «оттянуть» решение проблемы трудоустройства и обеспечивая лучшие стартовые позиции на рынке труда. Так, 74-77% респондентов полагают, что «сегодня важно» иметь высшее образование, и только 24% думали, что «для молодежи сегодня важнее как можно раньше начать работать и зарабатывать деньги», 67% – были готовы пойти «на серьезные материальные затраты» ради образования своих детей и внуков. При этом «рентабельность» высшего образования, а не потребности в интеллектуальном или культурном развитии личности, выступала в качестве главного мотива его получения, большинство видели в нем важнейший ресурс повышения вертикальной мобильности и конкурентоспособности на рынке труда.

Безусловно, стремление к высшему образованию, рост его доступности и повышение «качества» населения являются позитивными сдвигами, но они требуют и ответа на законный вопрос: что будет с быстро растущей системой образования (и не только) после 2008 года, когда численность молодых поколений рождения начала 90-х годов начнет сокращаться? Ее содержание будет становиться все более дорогим и все менее целесообразным в силу малочисленности отряда студентов, низкой конкурентоспособности подобного образования при сопоставимых затратах на его получение «дома» или в университете – с традициями и репутацией, но расположенном в другом городе.

Нельзя сказать, чтобы названные демографические проблемы и порождаемые ими следствия были большой новостью. Они хорошо известны и широко обсуждаются, более того, они вызывают острую озабоченность властей самого разного уровня – от муниципальных до федеральных. Однако **дискуссии, развернувшиеся в кулуарах власти и, как следствие этого, – в СМИ, фокусируются главным образом на том, как развернуть неблагоприятные демографические процессы в прежнее русло**. Логика всех программ развития городов и их генеральные планы, основа которых была заложена в предшествующую эпоху, остается по-прежнему в рамках парадигмы роста, предполагающей, что восстанавливающаяся экономическая активность крупнейших городов начнет вновь привлекать население!

Например, в стратегическом плане развития Екатеринбурга читаем: **«Основным стратегическим ресурсом развития Екатеринбурга был и остается человеческий потенциал, а рост численности населения – одно из основных условий развития города»**¹². В Ростове-на-Дону: **«Предварительный анализ демографических показателей естественного движения населения при существующей стабилизации миграционной активности, с учетом наметившихся тенденций и темпов развития демографической ситуации в городе, позволяет прогнозировать численность населения в г. Ростове-на-Дону к 2010 году в двух вариантах: минимальном и максимальном. По минимальному варианту численность населения прогнозируется на уровне 1070 тысяч человек, по максимальному – 1300 тысяч человек»**¹³. Другими словами, неблагоприятный сценарий предполагает сохранение показателей 2002 года, а благоприятный – значительный рост, который может быть достигнут только путем административных преобразований, например включения в городскую черту нескольких близко расположенных населенных пунктов – городов Батайска, Аксая и других.

Данный подход к разработке прогнозных сценариев развития городов не знает исключений, список цитируемых документов можно было бы и продлить, перечислив все имеющиеся городские стратегии. Однако он полностью противоречит демографическим прогнозам, даваемым лучшими российскими экспертами, согласно которым даже при самой благоприятной ситуации население страны будет сокращаться.

Средний прогнозный вариант численности населения России, рассчитанный Госкомстатом до 2016 года, составляет 134 млн. человек, а до 2050 года – 101,2 млн. человек. Минэкономразвития страны в свои планы закладывает тенденцию сохранения негативной динамики численности населения, прогнозируя ежегодное сокращение на 600 тысяч человек. Начиная с 2007 года, Россия вступает в период сокращения численности занятых, которое в 2007-2008 гг. составит 300 тысяч человек. Об этом говорится в уточненном прогнозе социально-экономического развития РФ на 2006 год и основных параметрах прогноза до 2008 года, опубликованных на официальном сайте Минэкономразвития. При благоприятных миграционных тенденциях приток мигрантов извне сможет лишь на 20% компенсировать сокращение численности населения из-за естественной убыли.

9. Сокращение абсолютной численности населения городов не может трактоваться как «де-урбанизация». Процесс урбанизации – концентрации населения в городах – продолжится, хотя и не имеет прежних масштабов. Сохраняется и пропорция между городским и сельским населением страны – 70% к 30%, установившаяся более 20 лет назад. Сокращение людности главных городов страны является следствием общей демографической ситуации, т.е. убыли населения и его возросшей мобильности.

10. Детальный анализ эволюции процессов урбанизации и их региональной дифференциации дан в работах А.И. Трейвиша (Трейвиш, 2003 г., 2005 г.), в данном контексте нас интересует соотношение общих тенденций изменения людности городов и политики городского развития.

11. Зайончковская Ж. и Мкртчян Н. Миграция. Население России 2003-2004 гг., М., Наука, 2006 г., С.306-349.

12. Стратегический план Екатеринбурга, Екатеринбург, 2003 г., С. 22.

13. Стратегический план социально-экономического развития города Ростова-на-Дону. Инфосервис, 2004 г., С. 38.

Рис. 2
Образование как временное «убежище» от проблем

Убыль населения диктует необходимость более рационального отношения к уже существующей инфраструктуре и созданным институтам в сфере здравоохранения, науки, культуры, образования, транспорта и т.д. Стремление иметь все возможности в каждом конкретном месте при неясных перспективах их сохранения становится чрезмерно расточительным. Поэтому *существующая сегодня парадигма «роста» городов должна быть дополнена парадигмой развития в условиях демографического «спада»*. Это требует принципиально иных подходов.

Таким образом, временное, а не только постоянное население, должно рассматриваться как ресурс развития, а привлеченный спрос – как его «второй мотор». Отсюда следует, что необходимо провести переоценку привлекательности города с точки зрения территориального маркетинга. Ключевых направлений здесь два – выработка имиджевой политики и поддержка мобильности населения.

Имидж города – это продукт субъективный. Вопрос в том, кто является субъектом формирования имиджа. Если это человек воспринимающий или наблюдающий, то речь идет о личном впечатлении, чувстве места, его отражении в мироощущении конкретной личности. Если же субъектом является «клиент» – инвестор, турист, студент, рабочий, то ситуация радикально меняется. В этом случае речь идет об определенных категориях потребителей, предъявляющих спрос на разные свойства жизненной среды города, часто не имеющие ничего общего с впечатлениями. Фактически, город должен взглянуть на себя со стороны, увидеть себя глазами компаний, фирм, студентов и всех остальных, чтобы смысловое наполнение имиджа города отвечало их запросам, тогда имиджевая политика сможет облегчить решение следующих задач:

1. привлечение мелких и крупных инвестиций через улучшение репутации и тиражирование позитивных примеров,
2. обозначение региональных перспектив, связанных с крупными проектами,
3. компенсация морального ущерба и социально-психологических комплексов жителей города,
4. сплочение населения города вокруг идеи его развития, поддержание доверия к местной власти и укрепление регионального патриотизма.

Однако имиджевых усилий недостаточно для повышения привлекательности города. Нужны стимулы и условия **для роста мобильности населения**. Согласно оценкам Центра миграционных исследований, примерно 10% домохозяйств страны сегодня имеют трудового мигранта, а в некоторых городах эта доля поднимается до 25%¹⁴, что, безусловно, свидетельствует о стихийном росте мобильности, позволяющей людям решить многие из своих жизненных проблем. Однако процессы эти не встречают соответствующей поддержки. Крайне слабо развита система льготных тарифов для часто перемещающихся людей, почти нет сопутствующего сервиса, слабо дифференцирована система транспортных сообщений, расстояния по-прежнему превращаются в испытания, а территориальная близость остается главным условием связанности территорий. Не в этом ли направлении стоит концентрировать стратегические усилия?

«Узловые» функции города и проблема сохранения социальной стабильности

Узловые функции – это функции собирания, управления и перераспределения транспортных, финансовых, товарных, миграционных, информационных и других потоков. Пересечение всех этих потоков и делает крупные города гетерогенными, принося им как многочисленные выгоды от

увеличивающихся возможностей, так и провоцируя конфликты из-за столкновения интересов, включая и конфликт между традиционным и инновационным, который сегодня принял форму противодействия локального глобальному.

Определяя стратегию развития города как «узла», мы сталкиваемся с многомерностью пространства, описываемого с помощью множества географических, социальных, политических и экономических параметров. Приходится признавать, что *город вписан сразу в несколько территориальных систем, и в каждом случае стратегические цели развития различаются, требуют разных политических инструментов и конкретных мер*. Привычное для нас представление о городе как о центре территории, венчающем собой локальную систему расселения, оказывается лишь частным случаем во всем многообразии «центральных», предлагаемых узловым положением, а потому лишь частично определяет «будущее» города.

Проблема состоит в том, что при доминирующей роли узловых функций города и сохранении ориентации на концентрацию и конкуренцию происходит стягивание всех потоков в наиболее сильные фокусы экономического пространства. Основанная на этих принципах политика территориального управления напоминает кастинг, формирование клуба избранных, за членство в котором всеми средствами борются местные элиты. Следствием искусственного отбора наиболее «жизнеспособных» является сокращение полюсов роста, способных организовать пространство вокруг себя и обеспечить межрегиональную интеграцию. Возникают «архипелаги» богатства на фоне деградирующей и люмпенизированной периферии¹⁵. Побочным эффектом такой политики является медленный внутренний распад некогда единого пространства страны, признаки которого мы наблюдаем уже и сегодня¹⁶.

Описанный процесс не является неизбежностью, его вполне можно направить в иное русло, смягчая территориальные диспропорции, если для стратегии развития городов приоритетной будет признана триада **мобильность – координация – специализация**.

Мобильность предполагает, что связанность становится важнее географической близости или административного подчинения, а доступность превращается в ключевой параметр развития. Движение по социальной лестнице дополняется возможностью реальной смены места жительства и получения необходимых социальных услуг независимо от прописки. Мобильность и доступность естественным образом снижают уровень централизации и способствуют выравниванию уровня жизни населения. **Координация** невозможна без информационной открытости и поиска баланса интересов, конкуренция и конкурентные преимущества здесь важны не «во вред соседу», а «на благо общества». Наконец, **специализация** означает не столько наращивание конкурентных преимуществ, сколько комплементарность, достижение каждым городом высокого уровня развития в какой-либо из приоритетных областей, важных для общества в целом.

Предлагаемый подход позволяет смягчать внутренние напряжения и сглаживать внешние противоречия, характерные для города, ориентированного на развитие узловых функций. Это важно, поскольку решение многих городских проблем связано не просто с дополнительным финансированием или технической поддержкой (компьютеризации, развития инфраструктуры...), а с преодолением сопротивления общества переменам, с необходимостью которых оно далеко не всегда согласно в силу их «перпендикулярности» жизненному опыту и сложившимся стереотипным представлениям.

14. Зайончковская Ж. и Мкртчян Н. Цит. соч.

15. Petrella R. A Global Agora versus Gated City-Regions.// New Perspectives Quarterly, Winter, 1995, P. 20-22.

16. Трейвиш А.И. Центр, район и страна: инерция и новации в развитии российского крупного городского архипелага. / Крупные города и вызовы глобализации. Смоленск, Ойкумена, 2003 г., С. 54-72.

Если взглянуть на российские города через призму западных теорий, то совпадение многих тенденций и рисков столь очевидно, что не требует особых доказательств. Конечно, крупнейшие региональные центры России участвуют в перераспределении мирового богатства лишь косвенно, получая дивиденды от посреднической деятельности в сфере экспорта природных ресурсов. Но это не значит, что у них по определению отсутствуют проблемы, свойственные *global city*. **Наш внутренний рынок достаточно велик, не говоря уже о масштабах территории, для того чтобы внутренние, а не внешние импульсы играли ключевую роль в происходящих процессах.** Находясь в общем потоке экономических и социально-культурных изменений, крупнейшие города постепенно превращаются в партнеров, а не подчиненных главного центра страны – ее столицы, в разной степени участвуя в экономических, информационных и культурных обменах. Они вовлекаются в межрегиональные и международные взаимоотношения, становясь в конечном итоге самостоятельными участниками глобальных рынков.

Мировой город является центром, генерирующим и принимающим человеческие потоки, а его внутренняя жизнь зависит от того, насколько он в состоянии приспособиться к меняющимся предпочтениям «кочевников глобализации». **Устойчивое развитие мирового города требует от него постоянной изменчивости, а транзит становится одной из наиболее продуктивных форм его существования,** определяя в значительной степени его образ, инновационность, центральность и вовлеченность в глобальные процессы.

Несмотря на неоднородность состава мигрантов, имеющих разный социальный и имущественный статус – от топ-менеджеров и артистов до гастарбайтеров, и разные цели приезда – бизнес, поиск заработка, туризм или шоу-бизнес, все они сильно меняют жизнь в городе, принося новые стандарты, возможности, представления, моды, оценки, спрос на услуги и образ жизни. Так, болезненная красота разрушающегося Петербурга и свойственный ему декаданс породили в среде московской творческой элиты моду на жизнь в северной столице, культурная сосредоточенность которой противопоставляется мишурному блеску тусовочной Москвы. Вслед за интеллектуалами в Питер потянулись и бизнесмены, что обернулось резким скачком цен на рынке жилья и ускорившимся формированием элитных кварталов, особенно заметном на Васильевском острове. Фактор культурного воспроизводства играет важную роль в облике Казани, переживающей этно-культурное возрождение, и Екатеринбурга, ставшего столицей нонконформизма и рок-культуры, Перми, выбранной «культурной столицей Поволжья» в 2006 году.

Однако несравнимо большее влияние на жизнь городов оказывает мигрирующий бизнес-класс, заполняющий московские авиарейсы и скоростные поезда. Как грустно мне заметили в Челябинске: *«Немецкие бизнесмены вместе с инвестициями оседают в городах, куда летает Люфтваганза, поэтому мы заранее проигрываем Екатеринбург».* По оценкам местных социологических агентств, на долю деловых людей в Екатеринбурге, Челябинске, Ростове и Красноярске приходится до 80% междугородного и международного пассажиропотока. Экспорт/импорт менеджеров, часто возвращающихся в столицу из провинции по выходным, или, напротив, домой из столицы, достаточно новое явление для страны, отражающее рост мобильности квалифицированных кадров. Эта категория людей живет, конечно, не только в поездах и самолетах, но и обустроивается в местах своего временного пребывания. Так, в Ростове-на-Дону спрос на квартиры со стороны московских

компаний, ведущих свой бизнес в городе, резко взвинтил цены на жилье, особенно в центре. Известны случаи, когда дома скупались целиком на начальной стадии строительства. Причем целью покупки были не инвестиции в недвижимость, а потребность в квартирах, предоставляемых компанией работникам, выписываемым из Москвы или других городов. Существует и практика последующей передачи такого «служебного жилья» в собственность, выступающего в качестве «бонуса», удерживающего ценные кадры в провинции. Так, например, поступает Газпром в Краснодаре.

Конечно, названные процессы состыковки локальных и узловых функций города выглядят маргинально, находясь в стороне от главных административных усилий по совершенствованию территориального управления. Но мне представляется, что **«переплавка» преимуществ узлового положения и сетевой активности в выгоды для большинства населения является ключевой стратегической задачей развития крупнейших городов.** Опираясь только на внутренние ресурсы и перераспределяя зарабатываемые средства от более успешных к отстающим или поддерживая «жизнеспособных», решить проблему развития городов как основы благополучия страны невозможно.

Я так категорична, потому что «успешные» находятся в подавляющем меньшинстве и обременены серьезнейшими проблемами, центральной из которых является обеспечение экономического роста в условиях сокращения численности населения и дефицита кадров. Решение нужно искать в другой плоскости, стремясь к расширению участия населения в сетевых процессах. Это означает ставку на рост мобильности, облегчение доступа к услугам и сферам деятельности, отсутствующим «дома», отказ от монопольного контроля ресурсов развития, перераспределение функций, признание приоритетности координации действий, а не конкуренции, наконец, идеи поляризованного развития должны быть дополнены идеями полицентричного управления. Тогда, возможно, удастся добиться более сбалансированного сочетания узловых и локальных функций города.

Городские корни кризиса (1998 год)

текст

Леонид Коган

Движение в будущее возглавляют города. В авангарде крупнейших из них. На решающей цивилизационной роли урбанизации настаивает в своих научных работах автор, чью статью, опубликованную в журнале «Правила игры», № 4, 1998 г., мы считаем уместным перепечатать в связи с разработкой темы АГЛОМЕРАЦИЯ.

Главный редактор

Мне думается, что сегодняшний кризис, который для большинства наших граждан оказался неожиданным, на самом деле таковым не является. Более того, было бы по меньшей мере странно и нелогично, если бы болезни российской истории время от времени не становились особенно видимыми, очевидными. Но ни сторонники, ни противники реформ, ни власть, ни оппозиция, ни общественное мнение страны в целом за весь период преобразований с 1985 года по-настоящему не смогли, да и не захотели разобраться с диагнозом этих болезней. А отсюда и незнание возможностей проведения реформ в такой стране, как Россия. Практически, по-настоящему не была оценена степень готовности различных частей и слоев общества, отдельных регионов и городов воспринять предлагавшиеся реформы, осознать себя в их контексте, реализовать их.

Важно с самого начала понять, что за общей хаотичностью и множественностью бед, которые становятся видимыми для нас во время очередного кризиса, стоит одно фундаментальное объяснение. Оно заключается в том, что налицо кризис несоответствия между теми задачами, которые мы пытаемся решить, и тем уровнем цивилизационного развития, на котором мы находимся.

Мы уже не раз в своей истории дорого платили за попытки перепрыгнуть через стадии исторического развития, за назначение сроков «счастливого будущего» и каждый раз напрягали свои усилия в очередном приоритетном, по нашему мнению, направлении – то в индустриализации, то в колхозном строительстве, то в освоении земель, то в космосе, то в «стройках века», то в финансово-денежной сфере и т. д. Кого-то мы постоянно стремились опередить или догнать, не анализируя тех тормозов, тех очень важных корневых причин, которые мешали и мешают нашему движению. Поэтому не было, да и не могло быть осознано то самое главное, одно-единственное направление, которое только и позволяет двигаться обществу целостно, интегрируя в своем развитии все разнообразие целей, задач и сфер деятельности в едином русле исторического процесса.

Я имею в виду направление цивилизации. Отношение к процессу развития общества как развитию цивилизации позволяет найти то ядро, ту сердцевину, тот самый корень, из которых вырастают как достижения, так и проблемы, трудности, противоречия. К сожалению, наше общество, его верхние, властные эшелоны, их ближайшее интеллектуальное окружение не были готовы к широкому социально-историческому анализу ситуации, в которой оказалась страна. Бремя диагноза, который требовал гуманитарной широты и понимания проблем и одновременно чувства проявления их в конкретике повседневности, для нас оказалось непосильным.

Необходимы были оценки, непривычные для отраслевого, министерского подхода, нужны были другие точки отсчета, другой угол зрения на происходящие процессы, который был бы свободен от лоскутности, фрагментарности. Нужно было опереться на такую систему оценок, которая основывалась бы на категориях, позволяющих увидеть и определить возможности общества в зависимости от его типа культуры, стадии цивилизованности, поведенческих характеристик различных слоев и групп, наконец от той среды, того пространства, в которых общество обитает. Речь идет о степени урбанизированности общества, об освоенности людьми того городского образа жизни, который уже давно, со времен европейского средневековья, присущ развитым странам Запада. Ведь именно от этих условий, как показала история, зависят умение, да и само желание жить нормальной жизнью и нормаль-

но работать, а не просто зарабатывать себе на жизнь. Но как раз вкуса к строгому, научному изучению социально-пространственных условий формирования общества, их аналитическому осмыслению у нас в России всегда и не доставало.

В западно-европейском менталитете относительная ограниченность территории стран, компактность пространства входили неотъемлемой составляющей в само представление об окружающем мире. Каждый раз, предпринимая то или иное действие, требовалось учитывать, как это действие уложится в ограниченное пространство, как на него это пространство отзовется. В России неисчерпаемость, огромность пространств, наоборот, были изначально в сознании закреплены. А поскольку пространство не ограничено, то и особого отношения к себе оно не требует, ценности не представляет и специального внимания к тому, как и что в нем размещать, не нужно, его значение в человеческой жизни, его влияние невелико.

Отсюда и невнимание к пространственному окружению как таковому, неуважительное, а то и пренебрежительное отношение к нему. Следствием этого является непонимание важности взаимодействия социального и пространственного начал, которое и составляет то, что называется средой, непонимание того, что это взаимодействие составляет существенный признак, фундаментальную черту и цивилизации, и урбанизации как ее важнейшей стороны. В этом отношении неудивительно, что неряшливое, произвольное отношение к пространству резко ограничило и наши представления о том, что такое цивилизованность страны, общества, самого народа. Из представлений о цивилизации в этом случае практически выпадает ее пространственная, средовая составляющая.

Исторически такой изъян российского сознания вполне объясним. Ведь мы практически не имели городской истории в европейском смысле слова, мы не знали городского права европейского Средневековья. Наши предки и мы не могли оценить, что значит естественная традиция муниципальности, связей людей с тем местом, где они живут, их локальных, местных политических прав и возможностей автономных, самостоятельных по отношению к верховной власти решений. А без этой «локальной демократии» невозможен и процесс демократизации в целом.

Это, в свою очередь, делает логичным и отсутствие понимания зависимости между эффективностью деятельности и ее пространственными, средовыми характеристиками. Поэтому при анализе успехов и неудач в тех или иных областях жизни общества фактор среды практически не принимался в расчет. Обществу, стране, народу это было практически безразлично, восприятие окружения носило преимущественно внешний характер. Да и в самом гуманитарном знании, в науке этим проблемам не придавалось большого значения. Эта область была слишком сложна для ведомственного подхода, там существовало слишком много взаимозависимостей и взаимосвязанных проблем, которые не так просто, как хотелось бы, поддавались расчленению на отдельные составляющие.

Именно поэтому средовое, пространственное направление развития общества никогда не рассматривалось как приоритетное в сфере исследования, науки. Его обычно относили к области административного планирования, градостроительства, проектирования, применения различного рода нормативов и т. д. Выросли целые поколения специалистов, для которых пространственная среда поселений была лишь проектно-нормативной или эстетической формой выражения достаточно абстрактных представлений о реальных процессах, живой жизни в них. Всякое же дыхание этой жизни, отношение к поселениям как живым социальным сообществам во

всей сложности их социальной динамики перекрывалось различного рода аргументами о разделении сфер ответственности профессий и специалистов, об обязательности четких проектно-технических характеристик, о необходимости расчетно-нормативной базы, о неприменимости гуманитарных выводов для использования в проектно-строительной практике и т. д.

Что же касается непосредственно градостроительной, или архитектурно-градостроительной науки, то ее влияние на общественное развитие никогда не было заметным, а сдвиги в ней были известны лишь узкому кругу специалистов. И это понятно. В данном случае нужно было не просто соединить вроде бы техническую и гуманитарную сферы деятельности, но и перевести это соединение, это новое и непривычное предметное образование в плоскость практической политики. А главное, нужно было осознать и признать его практическую полезность. Но это признание, в свою очередь, требовало разрыва с одной очень стойкой российской традицией.

Дело в том, что у нас всегда недоставало вкуса к конкретному аналитическому мышлению, нам всегда труден был «лифт», соединяющий высокие теоретико-методологические и прикладные уровни знания. Ведь для того чтобы подниматься от конкретного анализа фактов к обобщенным категориям и понятиям, описывающим в сжатом виде закономерности или тенденции развития, а потом снова опускаться вниз, нужно представлять себе и знать конкретно те механизмы, с помощью которых происходит развитие социальных процессов, нужно считаться с социальной реальностью, попросту доверять объективности ее существования. А это означает, что необходимо доверие к социальному знанию как таковому, внимание к его результатам и выводам.

Но российское гуманитарное знание постоянно испытывало достаточно сильное недоверие со стороны властей и вызывало чувство иронии, а то и презрения у широкой публики. Пожалуй, единственной областью гуманитарной специализации, признававшей более или менее полезной «для дела», была экономика, поскольку она могла вроде бы непосредственно обслуживать народное хозяйство, производство, промышленность. Образно говоря, с ее помощью можно было что-то «посчитать», использовать какие-то цифровые показатели, а это почти приближало ее к более престижным техническим наукам, ставило экономику почти вровень с ними.

И вполне понятно, что для российского менталитета, верхних слоев новой пореформенной власти было вполне органично выдвижение на первые роли людей прежде всего с «экономическими» приоритетами. Что же касается приоритетов «цивилизационных», то представления о них были весьма смутны, расплывчаты. Произошла замена доктрины государственной тоталитарно-централизованной экономики на доктрину экономики вроде бы капиталистического толка, но в упрощенном, плоскостном толковании самого понятия «экономика».

При таком подходе практически сводятся на нет цивилизационные, общекультурные параметры экономики, ее включенность в социальные процессы и зависимость от них. И уж бесспорно, что влияние социальных процессов на экономику не находится в центре общественного внимания. А отсюда и различного рода завлекательные игры в модели (польскую, американскую, аргентинскую и т. д.), отрывающие экономику от социально-исторического контекста, традиций, образа жизни и психологии народов тех стран, откуда эти модели берутся. В этом случае поиск манипуляций для решения сиюминутных (пусть и очень важных!) проблем, «затыкание дыр» становятся гораздо важнее анализа реальных процессов для разработки национальной стратегии.

А между тем вся мировая история свидетельствует, что прогресс цивилизации общества прямо зависит от того, на-

сколько интенсивно протекают процессы непосредственно в сгустках человеческой деятельности, там, где эта деятельность сконцентрирована, в городских центрах и, в первую очередь, в крупнейших из них. Без городской «привязки» анализ социальных процессов, экономики, культуры, политики лишается своего важнейшего компонента и не позволяет увидеть ни реальную картину, ни истинные причины происходящего.

Опыт последних лет показывает, что постоянно возникающие в обществе политические и финансовые напряжения воспринимаются и оцениваются различными политическими движениями, партиями, да и самими властными структурами и их окружением (среди которых и специалисты, и ученые) одинаково размыто, без попыток выявления и учета того, какую роль в этих напряжениях играет слабость городских процессов. И в этом отношении практически нет никакой разницы между реформаторами и оппозицией. А ведь городской срез, пусть в утопическом, иллюзорном виде, присутствовал даже в партийных и государственных программах недавнего прошлого. Без этого среза мы практически не можем даже подступить к понятию цивилизации.

На самом же деле в понятие «цивилизация» входит широкий набор признаков в отношении человека со своим окружением, с тем пространством, с той средой, в которой он живет, обитает. И зависимость профессиональной, творческой деятельности от характеристик этой среды, эффективности производства очень высока.

Мы в своих рассуждениях об экономике Запада, о тех причинах, которые лежат в основе успехов развитых стран в сфере производства, всегда умудряемся обходить стороной роль тех конкретных условий, той пространственной среды, в которой происходит деятельность людей. А эта среда имеет тысячелетнюю городскую историю. И те инвестиции, тот финансовый потенциал, которыми Запад с нами делится и от которых мы так сильно зависим, есть прямой результат развития этой городской среды, тех городских цивилизационных процессов, без которых интенсивное развитие экономики, движение по пути повышения культуры и качества труда, квалификации, внедрения наукоемких отраслей производства были бы просто невозможны.

Сама технология производства и ее результаты прямо и косвенно отражают и те условия, ту среду, в которых они протекают или были получены. Их нельзя оторвать друг от друга, они неразделимы. А когда все-таки их пытаются различить, то в результате происходят очень сильные деформации. И история «высадки» западных технологий в отечественную пространственную среду дает немало тому подтверждений.

И вот теперь, когда под большим вопросом в силу нашей внутренней нестабильности оказались и размеры западного содействия, снова есть «время и место» задуматься о городских корнях нашего кризиса, о необходимости оживления городской составляющей нашего развития. Речь, конечно, идет не об имиджмейкерской ретуши нашей внешности – этим уже давно никого не обмануть, а о нахождении путей полноценного глубинного внедрения в сознание и жизнь реально существующих механизмов современной цивилизации. Городская составляющая является важнейшим двигателем этого процесса, без нее мы просто не сможем сдвинуться с места ни в экономике, ни в демократии.

Отсталость, неразвитость городских структур, слабость центральных ядер регионов лишает их того самого взаимодействия, о необходимости которого сейчас идет столько разговоров. Дело в том, что интегративная природа урбанизации, проявляющаяся в образе жизни горожан, их психологии, в стремлении к взаимодействию, является необходимым элементом базы и движущим механизмом сотрудничества различных террито-

рий и районов страны.

Интегративная суть города помогает преодолевать естественно существующие национальные, этнические, социальные, территориальные различия, она способна перекрывать их. Именно благодаря глобализации городских процессов в современной Европе в огромной мере оказалось возможным интегрированное развитие имеющих разную историю и национальные особенности составляющих ее стран.

И наоборот, характерное для российского развития давление провинциального, «почвенного» начала, акцентирование местных особенностей эксплуатируются администрациями многих наших регионов как базовые для утверждения и поддержания суверенитетных амбиций. Создающаяся мозаичность страны препятствует объединительным тенденциям по цивилизационным параметрам.

Крупные городские центры все более растворяются в рыхлой среде губерний российской провинции. Будучи гораздо более продвинутым городом по сравнению с другими городами и районами страны в реформах, сосредоточивая огромный производственный, научный, социально-культурный и, что важно, политический потенциал, опираясь на естественную инвестиционную поддержку, Москва до сих пор не взяла на себя столь необходимую главенствующую, интегрирующую роль по отношению к другим крупнейшим центрам страны. А ведь эта роль вытекает не только из логики российской истории, но и из закономерностей процесса урбанизации, из действия механизма «центр – периферия», взаимодействия между этими полюсами.

В действии этого механизма заложено важнейшее условие появления и укрепления среднего класса с присущим ему определенным набором цивилизационных признаков, а не только уровнем дохода и марками автомобилей. Наследуя традиции и культуру средних городских слоев европейского Средневековья, современные городские слои очень тесно связаны с местной городской средой, местным социальным пространством, действующими в них законами и правилами поведения.

Именно в силу слабости действия у нас городских цивилизационных процессов, чрезмерного миграционного давления на сложившиеся большие города, при явной дистрофии последних, наплыва «недогорожан», маргинальных слоев с таким трудом идет формирование среднего класса и, наоборот, создаются условия для развития криминальных структур. Эти структуры теперь не только берут под контроль различные области городской жизни, но и действуют в электоральной сфере, что уже не раз потребовало вмешательства прокуратуры и судебных органов.

Само течение жизни в плотной городской среде естественным образом прививало в цивилизации Запада ощущение того, что стабильность, порядок зависят от взаимодействия людей, от умения находить взаимоприемлемые решения и уважать их. Отсюда и уважительное отношение к закону как таковому при всех правительствах и президентах. Но отсюда же и очень важное понимание того, что законы регулируют естественное течение жизни и соответствуют потребностям людей, учитывают их динамику. А потому законы опираются на закономерности развития общества и составляющих его частей и не могут противоречить этим закономерностям. Они могут учитывать и специфику отдельных частей и регионов, как это происходит в США, где наряду с федеральными существуют и законы отдельных штатов, учитывающие их историю, традиции и т. д.

В этом плане динамика городов, городских процессов, их культурные, моральные и социальные детерминанты, закономерности их развития традиционно входят в реальную базу законотворческой и нормативно-правовой деятельности, так или иначе, прямо или косвенно учитываются в издаваемых нормативных актах и законоположениях. Поэтому законы и

нормы, в том числе и социального поведения, рассчитаны на то, что они действуют не только внутри общества в целом, но и внутри отдельных слоев и групп, внутри каждого его члена, каждого человека.

Законодательная деятельность, не подкрепленная знанием закономерностей развития общества и отдельных его частей, регионов и городов, не опирающаяся на эти закономерности, не улавливающая их, лишается своей базы. Выпускаемые законодательные документы в этом случае не отражают реальных процессов, превращаясь в некие абстрактные тексты. Учитывая огромное различие специфики условий в регионах и городах, у нас особенно важно знание социально-территориальных особенностей их развития, взаимодействия и интеграции.

Есть и еще одна сторона развития общества, которая и исторически, и морально, и психологически связана с городом. К сожалению, именно эта сторона всегда была в развитии России наиболее трудно осваиваема даже во времена цивилизационных рывков и демократических просветлений. Более того, саму необходимость созревания и укрепления этой стороны в развитии общества, как показала история России, всегда было довольно трудно объяснить. Речь идет о нормах социального поведения, воспитания, об умении себя вести и всем том, что характеризует цивилизованного человека.

В связи с этим совсем не случайно, что такие понятия, как «культурность», «вежливость», «учтивость», «воспитанность», «образованность», «безупречная речь», «тонкость в обращении» на латыни обозначаются одним словом «урбанитас» («urbanitas»). Со словом «урбанизация» эти понятия одного корня. А ведь без них нельзя представить себе современного человека – при всем разнообразии его социальных, возрастных, профессиональных и культурных характеристик.

История и опыт последних перестроечных и постперестроечных лет весьма наглядно (и уже в который раз!!!) свидетельствуют о том, что практически отсутствует понимание прямой зависимости между степенью цивилизованности поведения и эффективностью трудовых процессов. Отсюда и непонимание того, что нехватка городского начала и избыток начала крепостного в российской истории, деревенская, а потом и поселковая окраска социального поведения людей тормозят наше движение по пути реформ.

Понятно, что эти черты и окраска нашей истории не являются виной ныне живущих поколений, и этого не приходится стыдиться. Ведь это не вина, а беда. Но вот преодолевать эту беду надо, как преодолевают те черты и этапы истории, от наследия которых хотят избавиться. А они были и есть в истории любой страны. И уж во всяком случае не надо превращать этот недостаток нашей истории в некий символ национальной специфики и тем более повод для бахвальства. Надо раз и навсегда понять, что только изживая этот недостаток и в обществе в целом, и в каждом его гражданине, в ходе реформ мы сможем рассчитывать на успех.

Мы снова, в который уже раз сталкиваемся с дефицитом городского сознания. Это застарелая болезнь, коренящаяся в глубинах российской истории. Она пережила и городское западничество Петра I, и реформы Александра II, и борьбу Ленина с патриархальной крестьянской общиной и народничеством, и переход от коммунального проживания к отдельным квартирам эпохи Хрущева, и свободу слова и передвижения во времена реформ. Эту болезнь не вылечили ни революции, ни научно-технический прогресс. Они существовали параллельно и вполне уживались друг с другом.

Мы должны понять, что взаимодействие с Западом, использование его помощи могут быть эффективны лишь в том случае, если мы будем наращивать и укреплять свою цивилизаци-

онную базу. Это должен понять и Запад. Сложность в том, чтобы расшифровать для себя, в чем должна заключаться эта самая база, из чего она должна состоять. Кроме законов, которые должны действовать, для укрепления стабильности в обществе и в отношениях с партнерами необходимо внедрить в сознание и в повседневную жизнь городское сознание и поведение.

Итак, кризис имеет городские корни. Противодействие развитию городского начала в нашей истории, отторжение самого духа города, лозунг борьбы с большими городами, которым долгие десятилетия пробалялись наши партийные и государственные структуры, дали свои результаты. Города теперь с трудом справляются со своей ведущей цивилизационной ролью. Традиционное главенство в политике, экономике, науке, культуре становится для них все более условным, не-

подъемным.

Мне уже приходилось несколько лет назад, когда многим казалось, что мы вот-вот заговорим со всем цивилизованным миром на одном языке и будем приняты в этот мир на равных, предостерегать от излишней эйфории в этом плане. Специально отмечалось, что требуется очень длительный и сложный период накопления городского потенциала страны, что для нас будет «большой победой, если мы к 2000 году сможем действительно осознать свое реальное (а не мнимое!) место в современной городской цивилизации развитых стран» (см. статью автора «История болезни или болезнь истории?» // «Правила игры». № 3. 1994 г.). К сожалению, этот процесс осознания еще не начался.

Мотыга или компьютер?

к идеологической основе концепции развития Иркутского региона

В течение 1960-х годов специалисты – социологи, экономисты, футурологи – сформулировали новую концепцию развития производительных сил, получившую название «постиндустриальное общество». Широкую известность получила книга Элвина Тоффлера «Шок будущего»¹, в которой новая концепция изложена в публицистической форме футурологического прогноза. Тоффлер выделил несколько тенденций, определяющих облик глобального общества в ближайшем будущем: ускорение изменений образа жизни (конец постоянства), сокращение «времени жизни» предметов повседневного пользования (принцип одноразовости), новые принципы управления и мотивирования людей (адхократия)... При всей популярности изложения книга Тоффлера (как и последующие его труды) опирается на реальные экономико-управленческие тенденции современного общества.

Произведение знаменитого футуролога «Третья волна»², вышедшее в 1980 году (как и последующие книги), убедительно показывает глобальную тенденцию смещения центра тяжести экономических процессов с вещественного на информационный компонент производства.

Современные учебники по экономике³ приводят развернутую картину постиндустриального общества, в котором сырьевая база экономики все меньше зависит от невозобновляемых ресурсов. Новые технологические решения позволяют не только все более экономно использовать конечные и невозобновляемые природные ресурсы, но в ряде случаев вообще отказываться от их применения, находя им замену в быстро расширяющейся номенклатуре воспроизводимых синтетических материалов. Высокие цены на нефть и газ стимулируют мощную волну разработок в области альтернативных энергетических источников. Правительствами стран – участниц Организации экономического сотрудничества одобрена стратегия, согласно которой на протяжении будущих трех десятилетий их потребности в природных ресурсах из расчета на 100 USD произведенного национального дохода должны снизиться в 10 раз – до 31 килограмма по сравнению с 300 килограммами в 1996 году.⁴

Сегодня можно утверждать, что технологическая революция последних десятилетий практически полностью сняла с повестки дня проблему скорой исчерпаемости минеральных и энергетических запасов. В результате постиндустриальные страны «третьей волны» живут сегодня в новом мире – мире неограниченных ресурсов.⁵ Основой экономики сегодняшнего, а тем более – завтрашнего дня становятся информационные ресурсы: технологические ноу-хау, системы образова-

ния (особенно системы подготовки и переквалификации управляющих кадров), стимулирующая к творчеству культурная среда. Самая богатая страна мира – Япония – практически лишена природных ресурсов, и ее экономический успех зиждется только на передовой системе менеджмента человеческих ресурсов.

Когда мы обсуждаем перспективы развития Иркутского региона, весьма полезным было бы определиться, к какой из тоффлеровских цивилизационных волн мы бы хотели принадлежать. Первая, доиндустриальная, «цивилизация мотыги» базируется на эксплуатации природных богатств. Экономика первой волны полностью зависит от того, с какой интенсивностью разрабатываются и распродаются природные богатства – газ, нефть, золото, лес... С каждым днем цивилизационные принципы «первой волны» уходят все дальше в прошлое, теряют перспективность и перестают привлекать инвесторов.

Вторая волна – «цивилизация конвейера» – базируется на дешевой низкоквалифицированной рабочей силе. Сегодня экономика второй волны все больше локализуется в странах Юго-Восточной Азии. За счет конвейерного производства развиваются экономики Индии, Китая, Малайзии, Вьетнама, но руководство этих стран вкладывает большие средства в завтрашний переход на собственную научно-технологическую основу, на выход из состояния второй волны в состояние третьей – «цивилизации компьютеров».

Иркутский регион богат полезными ископаемыми, лесом, пресной водой и электроэнергией. Кажется очевидным, что концепции развития региона следует строить в основном именно на этих ресурсах. Однако, как это нередко случается, очевидное – не значит оптимальное. Связывать все надежды на экономический рост только лишь с ускоренным освоением новых месторождений, с интенсивной эксплуатацией природных богатств – недальновидно. Такой подход означает мышление в устаревших рамках, как если бы мы планировали экономический подъем области за счет экспорта сосновых дров и кедровых шишек.

Современные концепции развития региона обязательно должны опираться на всемерное развитие человеческих ресурсов, на инвестиции в образование, в культуру, в привлечение экспертов высокой квалификации и воспитание талантливой молодежи. Не газ, не золото и даже не дороги, а именно люди – образованные, творческие, инициативные – могут обеспечить динамичный рост региона в эпоху компьютерной цивилизации.

текст
Константин Лидин

1. Тоффлер. Э. Шок будущего: Пер. с англ. – М.: ООО Изда-тельство АСТ, 2002 г.

2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 1999 г.

3. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. Допущено Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов экономических направлений и специальностей. – М.: Логос, 2000 г.

4. World Resources 1998-1999. N.Y.: Oxford, 1998. – P. 163.

5. Pilzer P. Z. Unlimited Wealth. The Theory and Practice of Economic Alchemy. N.Y.: Oxford, 1990. – P. 14.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

о «несоветском» проекте иркутских архитекторов 1970-х гг.

текст

Константин Лидин
Марк Меерович

Архитектурное пространство живет двойной семиотической жизнью. С одной стороны, оно моделирует универсум: структура мира построенного и обжитого переносится на весь мир в целом. С другой, оно моделируется универсумом: мир, создаваемый человеком, воспроизводит его представление о глобальной структуре мира. С этим связан высокий символизм всего, что так или иначе относится к создаваемому человеком пространству его жилища.
Лотман Ю. *Архитектура в контексте культуры // Семиосфера.* - СПб.: Искусство - СПб, 2000. - С. 676

Песенное искусство Советского Союза посвятило немало замечательных строк образу Москвы. «Сердце Родины» выполняло не только функции административного центра империи, но и сакральную роль центра Вселенной. Когда утро «красило нежным светом» стены Кремля, тогда и наступал рассвет для всей державы – одновременно во всех девяти часовых поясах.

Моноцентричность «советского универсума» имеет достаточно древние корни. Структура застройки Вавилона времен Саргона Древнего и Теночтитлана Монтесумы, Пекин танских императоров и Новая Атлантида Фрэнсиса Бэкона – все эти реальные или утопические города строились вокруг одного священного места, и так же выглядела структура всего государства. Центр наделялся необычными свойствами сверхчувственного, мистического идеологического контекста. Самый воздух и земля московского Кремля становились пропитанными памятью о великих событиях прошлого и сознанием судьбоносности происходящего сейчас. Тяготение к абсолютному центрированию градостроительной структуры вполне закономерно согласовывалось с тенденцией к зрелому абсолютизму в структуре власти и, как следствие, – к снижению динамики, к закреплению иерархического уклада жизни, к построению «вечных ценностей империи». Филипп Красивый начал перестраивать Париж по единому центрированному плану одновременно с укреплением абсолютной монархии. Центром Парижа Людовика XIV была постель Короля-Солнца в парадном зале Версаля. Напротив, рост открытости, стремление к переменам, социальный динамизм естественно выражаются в транзитных, линейных структурах застройки. Центрированная структура сохранялась со времен Людовика XIV больше ста лет, пока барон Осман по личному поручению Наполеона Бонапарта не прорубил в средневековом теле города сеть сквозных бульваров и проспектов. Концентричность Москвы настолько мешала Петру Первому, что проще оказалось бросить ее и выстроить новую столицу. Петербург, изначально спроектированный в сквозном стиле «окна в Европу», в длинных прямых перспективах, стал идеологическим противопоставлением азиатской империи Ивана IV.

С точки зрения семиотики городского пространства моноцентрические структуры можно соотнести с прямым смыслом текста городской застройки. Всё ясно и однозначно: центр есть центр во всех отношениях – здесь самые дорогие и комфортные квартиры, самые интересные и прогрессивные архитектурные ансамбли, памятники истории и культуры, лучшие магазины, театры и рестораны. Чем дальше от центра, тем более «провинциально», периферийно и второстепенно воспринимается любой элемент. Подобно платоновскому эйдосу, «центр» является идеалом,

первосмыслом и первоформой. Контекст (окружение центра) строится по его подобию – вторично, подражательно, копируя образец хотя бы в чисто внешних деталях. Так высотные здания в сталинской Москве строились с обязательными башенками – цитатами Кремля.

Моноцентрической, иерархической идее городских структур противостоит полицентричность. Наличие нескольких центров семиотически соответствует множественному прочтению той знаковой системы, которой является город. Смысл книги полностью определяется тем, кто и в какой ситуации ее читает¹: смысл текста определяется контекстом. Содержание семиотической среды города зависит от социального статуса, возраста, интересов, личных особенностей и конкретного состояния воспринимающего город жителя. Понятие центра приобретает относительный характер: центр – это то место в городе, где лично я живу (работаю, делаю покупки, развлекаюсь). В предельном случае центров города становится столько же, сколько жителей, или даже еще больше.

Разумеется, абсолютный релятивизм в определении центра выходит далеко за рамки здравого смысла. Однако и противоположный подход столь же нелогичен: в самом деле, почему исторический, деловой и административный центры города обязательно должны совпадать? Попытки воздействовать на естественное равновесие между текстом и контекстом болезненно отзываются на состоянии того живого, дышащего дискурса, которым является современный город. Примеров тому немало.

Внимание многих теоретиков и практиков градостроительства привлекает, скажем, ситуация в восточных землях современной Германии. Древние и прославленные города Саксонии и Тюрингии – Дрезден, Лейпциг, Халле, Веймар, Эрфурт – на протяжении тысячелетий играли роль самостоятельных региональных центров. «Лоскутное» строение германского государства наделяло каждый город статусом столицы удельного княжества – центростремительные процессы образования единого государства в Германии развивались позднее, медленнее и сложнее, чем во Франции или в России. Переход от рыхлого агломерата к более-менее централизованному государству произошел только в тридцатых годах XX века и носил характер навязанной сверху политической воли «нового порядка». После крушения Третьего рейха идеология жесткой централизации продолжала внедряться со стороны СССР – «старшего брата» всей социалистической системы: столица коммунистического мира находилась в Москве, но в каждой стране блока был свой маленький подцентр советской вселенной – свой «младший брат». Искусственное стимулирование роли Берлина в качестве *hauptstadt*² началось при Гитлере и продолжилось при Сталине. Соответственно, градостроительная политика в отношении саксонских городов строилась как реплика с советской – так город Хемниц (в период ГДР носивший имя Карл-Маркс-Штадт) во многих своих фрагментах стал почти близнецом Иркутска. Обратимство двух городов сопровождалось и многими параллельными процессами в развитии городских структур.

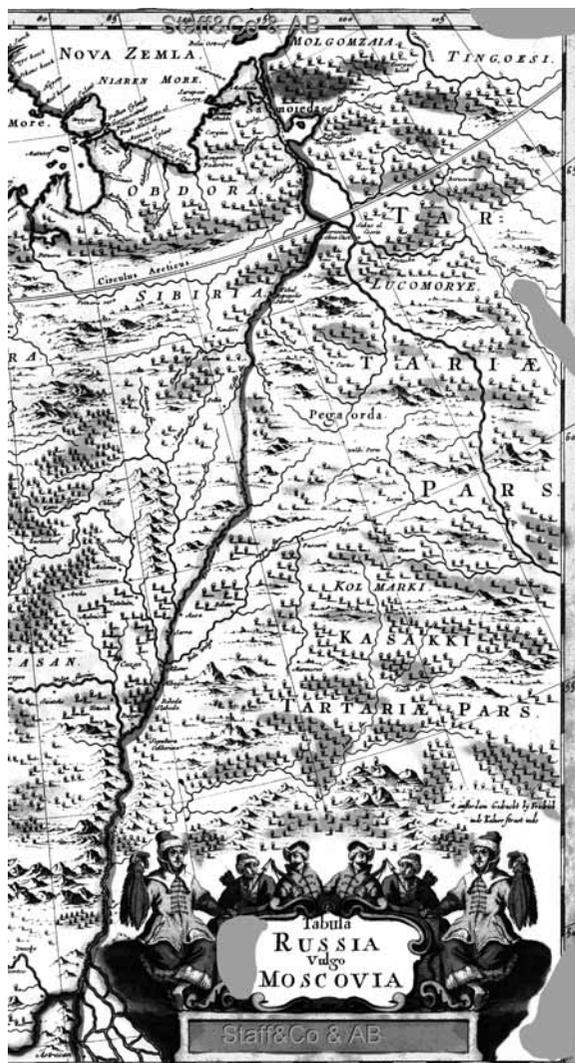
Распад социалистического блока и новое объединение Германии привели к тому, что моноцентрические тенденции ослабли. Административный центр переместился в скромный Бонн, за Берлином остался статус крупнейшего мегаполиса Центральной Европы, роль главного транспорт-

1. У Ролана Барта приведен интересный пример: если предположить, что Анна Каренина употребляла наркотики (вполне правдоподобная гипотеза для ее среды и эпохи), то весь роман посвящен описанию процесса развития абстинентного синдрома. Наркотическая «ломка», в конце концов, и толкает героиню под колеса поезда.

2. Адекватно перевести слово «столица» на немецкий язык оказалось невозможно, поэтому привилось выражение «главный город» – *hauptstadt*.

ного узла стал играть Франкфурт-на-Майне и так далее. Германия вернулась к исторически характерному для нее состоянию полицентричности. Однако города бывшей ГДР, не подвергшиеся (как Берлин) дорогостоящей и болезненной перестройке, продолжают нести в своей структуре платоновскую идею централизованного пространства. Соответственно, поддерживаемые архитектурно-градостроительным окружением, анахроничные установки в мышлении «оссии»³ обесценивают все попытки федерального правительства вывести саксонские города из состояния социальной и деловой апатии. Многомиллиардные дотации не помогают: Саксония, Тюрингия и Саксония-Анхальт остаются депрессивными зонами «убывающих городов»⁴. Трудно понять, где причина, а где следствие в образовавшемся заколдованном круге, но существование связи между социальным безволием и впечатанным в структуру городов образом жизни столь же несомненно, сколь и печально.

Подобные тенденции можно обнаружить и на примере городов Восточной Сибири, в частности Иркутска. Сравним несколько карт – документов, отражающих структуру того универсума, в который помещали азиатский край России в прошлые века. Вот редкая карта, изданная Фредериком де Витом в 1670-х годах (Издание по оригиналу И. Массы. Гравюра на меди). На ней граница Сибири проходит по Тоболу, а восточнее находится страна под названием Лукоморье, населенная тартарами (Tartariae Pars) и казакками (kasakki). Город всего один – Тобольск, он же столица Сибири (Красноярск, Томск и Иркутск уже существуют, но на карте их нет – они периферийные, ничего не значащие в сравнении с «центром», поселения).

Карта Российской империи 1820 г. Фрагмент

На четверть века позже (в 1697 г) Георгом Адамом Шлейссингом в Германии была издана копия чертежа Петра Годунова под названием Siwerische Landcharta. Сибирь (Сиверия) на этой карте начинается к востоку от Волги. На ней нет Байкала, а есть лишь пустые просторы, населенные различными тартарами и самоедами.

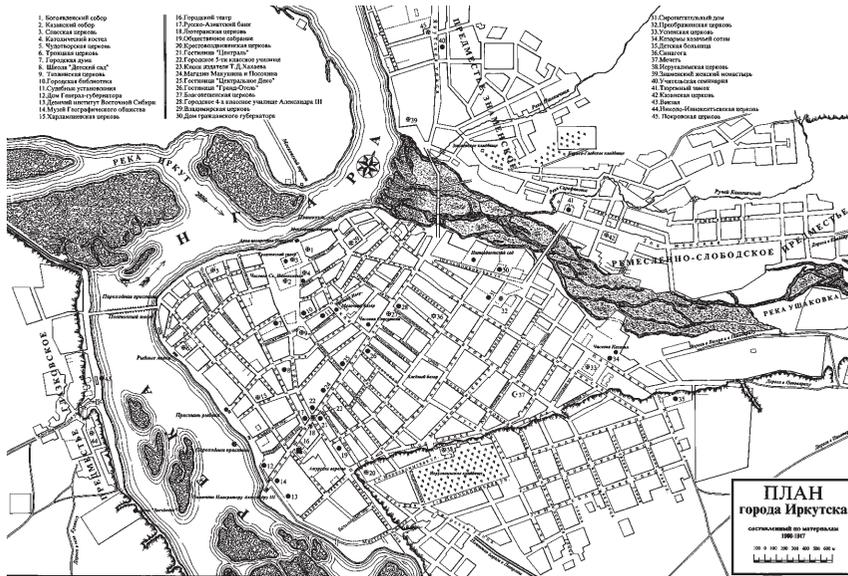
А вот на карте Российской империи 1820 года (The Cyclopaedia or, Universal Dictionary of Arts, Sciences, and Literature by Abraham Rees, 1820 г.) Иркутск есть, и расположен он географически верно. Правда, больше городов вокруг него нет, а ближайшие – Киренск на севере и Нижнеудинск на западе – отстоят почти на тысячу километров каждый. Иркутская провинция, согласно карте, населена буркатами (бурятами?), сойотами, тунгусами и кирагассами. Именно так выглядел для «просвещенного запада» Иркутск двести лет назад – форпост цивилизации на полумифическом краю света, поселение, заброшенное на границу Ойкумены, в край неведомых тартаров, буркатов, тунгусов и кирагассов.

Между тем именно в XIX веке сибирские купцы очень активно участвовали в международной торговле – как на восток, в Китай, так и на запад, Северным морским путем – вплоть до Англии и Швеции. «Заслуги Александра Сибирякова в финансировании научных исследований, в том числе северных экспедиций, были оценены и на международном уровне – в 1878 г. этот русский купец был награжден шведским королем почетным Крестом полярной экспедиции; в 1893 г. – французским правительством – знаком отличия «Пальмовая Ветвь», а кроме того – и серебряной медалью Русского географического общества»⁵. Нерчинский купец и промышленник Иван Бутин в 1878 г. получил большую серебряную медаль Парижской всемирной выставки за изделия Николаевского железоделательного завода, а в 1879 г. – золотую медаль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии на Московской политехнической выставке⁶.

План-карта Иркутска, изданный в 1917 году, показывает явное тяготение структуры города не к московской концентричности, а к петербургской транзитности. Длинные прямые улицы прорезают город, компактно расположенный между Ангарой и Ушаковкой. Предместья (Знаменское, Глазковское, Ремесленно-Слободское) образуют самостоятельные застроенные массивы. Единого центра в городе нет. Есть множество центров: административный (дом генерал-губернатора), транспортный (вокзал), несколько профессиональных центров и большое количество торговых (крупные магазины, рынки и склады).

Возвращение столицы РСФСР в Москву означало решительный поворот советского правительства от идеологии

3. Жаргонное словечко, обозначающее жителей бывшей ГДР – в противоположность «западным» немцам – «весси».
4. Освальт Ф. Убывающие города. Фаза 2: интервенция // Проектinternational, № 13, 2006 г. – С. 13-135.
5. Иркутская гордость и слава (книга о почетных гражданах города). Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 2001 г.
6. Гаврилова Н. Сибирский американец // Земля Иркутская, 2000 г. № 12, С. 26.

полицентричности к жестким иерархизированным принципам единого центра и единой власти. Экспансия соцрасселения на юг, север и восток при сохранении моноцентрического базиса достигла апогея к середине 1930-х гг. в виде государственной системы типовых градостроительных схем. Возникновение новых городов (и обретение старыми городами импульса к своему возрождению) происходило вокруг «градообразующих предприятий». Иркутск, для того чтобы не утратить своего статуса административно-политического центра, создал собственное «промышленное ядро» и более чем за полвека советского периода своего существования развил и укрепил моноцентричную планировочную структуру, которую не изменило даже формирование на левом берегу Ангары крупных Академ- и Студгородка.

Тем неожиданнее выглядит возникший в 1970 г. проект застройки нового района города Иркутска – «Верхний бьеф». Проект (главный архитектор В.С. Воронежский) выглядит как прямая противоположность официальной доктрине моноцентрической застройки. Он разрывает идеологическую предопределенность планировочного решения и вписывает траекторию развития города в прямолинейную ось, не просто перескакивающую через заливы Иркутского водохранилища, но формирующую автономные градостроительные единицы: микрорайоны с полным комплектом КБО, обеспечивающим самодостаточность существования и определенную степень изолированности от «центра». Он осуществляет семиотическое единение Иркутска с подлинным абсолютно внеидеологическим центром – Байкалом.

Ресурсное «содержание» форм организации жизнедеятельности в Сибири предопределяло ее провинциальность и обрекало иркутских архитекторов на роль «граждан из глубинки». Но это же самое качество позволяло им оставаться независимыми от общих тенденций – если, конечно, хватало смелости отказаться от подражания первоформам и первообразам центра.

«Байкальский луч» – агломерационная ось Черемхово – Ангарск – Иркутск – Листвянка, пронизывающая значительную территорию, семантически тяготеющую к Байкалу, и был отказом от стереотипов и ярким примером ситуативного решения проблемы. Линейный характер развития г. Иркутска на восток, при сохранении где-то далеко на западе исторического и административного центра, делал эту планировочную ось с нанизанными на нее автономными жилыми образованиями невольно противостоящей официальной советской градостроительной доктрине. Проект

планировки «Верхний бьеф» стал своеобразным вызовом советской власти, которая не любила линейные планировочные структуры, противоречившие идее централизма. Даже в очевидных «линейных ситуациях» – нитки осей освоения вдоль железных дорог, автомобильные магистрали, водные пути и т.п. – она все равно стремилась формировать точечные зоны и ареалы. Она угорно оставалась на позициях, затвержденных в 1930-е гг., когда был осужден советский дезурбанизм (М. Охитович, М. Гинзбург и др.), предлагавший основывать сети нового расселения на линейных принципах.

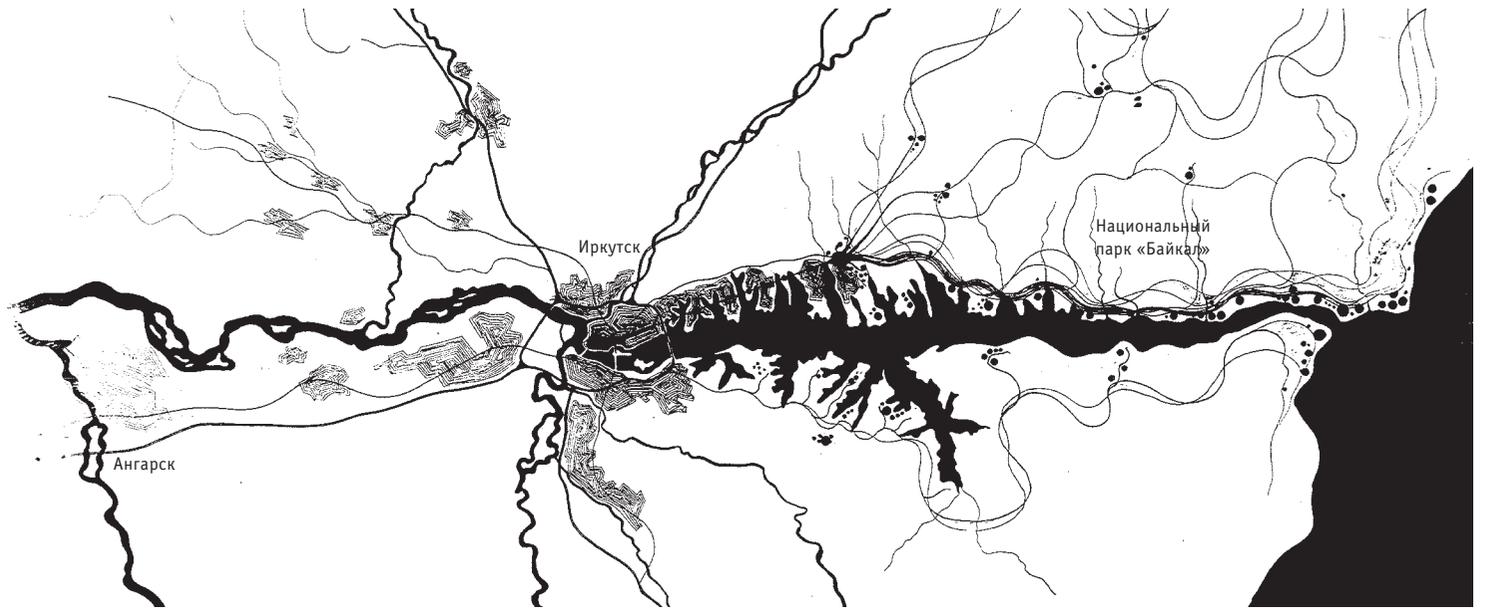
Центростремительное развитие населенных пунктов уже в конце XVIII века обрело свою характерную отличительную черту: стихийно добавляя кольца жилой и промышленной застройки, оно фактически лишало город возможности для планомерного комплексного развития. Планировочное предложение 1930-х гг., сделанное для Москвы Н. Ладовским, разрывало естественную закономерность развития городов капитализма. Его «парабола» позволяла сохранить центричность планировки, столь важную для официальной советской идеологии, и сформировать линейность, столь нужную для практического функционирования крупного населенного пункта.

«Байкальский луч» генетически никак не связан с теоретическими предложениями «параболы Ладовского». Он вырос из реальной проблемы развития города, зажатого территорией аэропорта, плотной ГЭС, промышленными зонами, неудобными территориями, индивидуальной самостийной деревянной застройкой, ценными охраняемыми природными ландшафтами. Но, возникнув на конкретной ситуации, он оказался не просто сродни пророчеству Н. Ладовского – он стал предчувствием способа разрешения проблем многих постсоветских городов, прогнозом судьбы многих городов мира.

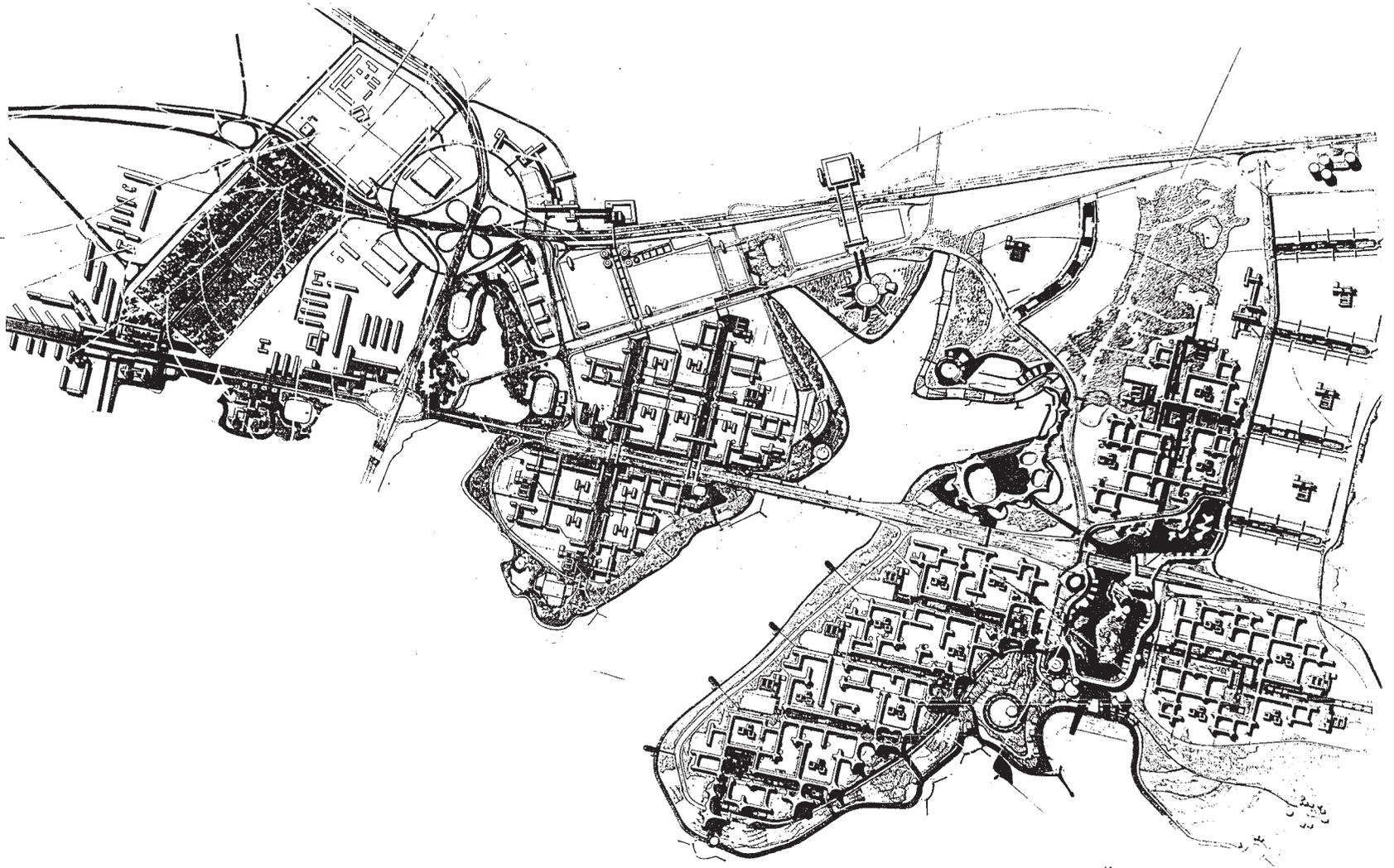
Сегодня руководство города и Иркутской области, формируя перспективное направление развития Иркутской агломерации параллельно туристической трассе Иркутск – Байкал, исходит из концептуальных предложений, разрабатываемых местными архитектурными силами. Основой концепции является идея «байкальского луча», интерпретированная в соответствии с существующими социально-экономическими условиями в совмещенный тип городской застройки, состоящий из 40% многоэтажной плотной 5-6-этажной жилой застройки с включением высотных офисных и представительских зданий (до 16 этажей), масштабных формирующемуся «лучу» и панораме морского побережья, и 60% 2-3-этажной блокированной, экономически доступной жилой застройки городского типа (с площадью квартир 60-100 кв. м и двора – 60 кв. м).

Сегодня, в эпоху «наступающей полицентричности», мировая архитектурная и градостроительная мысль только приближается к проектному освоению идеи мегалополисов, обнаруженных в конце шестидесятых годов географами⁷. Но уже сегодня в столице Восточной Сибири воплощается «предчувствие полицентричности», посетившее иркутских архитекторов треть столетия назад.

7. Готтманн Ж. Мегалополисы, или Урбанизация северо-восточного побережья США // География городов. М., 1965

агломерация / agglomeration

Иркутск.
ПДП Жилого района
«Верхний Бьеф»

ТЕКСТ
Константин Лидин

Знаменитый французский философ Жан Бодрийяр посетил Москву в 1996 году и прочитал лекцию, текст которой приводится ниже.

В плеяде парижских теоретиков постмодернизма Жан Бодрийяр занимает особое место. Все знают, что парижская школа постмодернизма играет роль философской базы современной архитектуры, и сам термин стал популярен после выхода книги Ч. Дженкса «Язык постмодернистской архитектуры» (1977). Имена Ж. Деррида, Ж. Лакана, Ж. Делёза, Ж.-Ф. Лиотара, Ю. Кристевой, Ц. Тодорова произносятся с почтительным придыханием. Однако кто из практикующих архитекторов находит в себе достаточно упорства, чтобы пробиться сквозь специальный язык и своеобразную логику постструктуралистского анализа?

Жан Бодрийяр пишет просто. Его тексты провокативны, они будят мысль, с ним хочется спорить. Манера изложения, из-за которой он снискал множество двусмысленных прозвищ (гуру постмодернизма, Дисней от метафизики, поп-философ), выглядит обманчиво простовато и обыденно. Его идеи плодотворны и своевременны.

Лекция «Город и ненависть» посвящена тому, что мы, люди урбанистической цивилизации, вкладываем в структуру наших городов – и что затем возвращается к нам в результате воздействия городской структуры на человека. Концентрация расселения растет: крупные города становятся еще крупнее, а те, которые не смогли стать

«магнитами» для миллионов, умирают. Парижский философ Бернард Леви, посетив Детройт в 2005 году, говорит: «Ощущение, что это мертвый город, из которого бежали люди, забыв закрыть за собой дверь. Здания, даже являющиеся образчиками американской архитектуры, идут на снос, потому что если в нем не обитают люди, то возникает ощущение, что оно непременно обрушится кому-то на голову. Зброшенный Вавилон. Город, погружающийся в хаос»¹.

Но и мегаполис, богатейший и растущий, есть явление болезненное. Он строится и населяется пришлыми людьми, которые его ненавидят – мигрантами и гастарбайтерами, людьми, которые ощущают себя выброшенными на помойку. «Люди-отбросы» формируют окраинную культуру, пропитанную ненавистью, а стремительный рост мегаполиса превращает его в сплошные окраины, и вот уже бессмысленная злоба захлестывает город целиком.

Десять лет назад философ считал, что главное – предупредить, остудить горячие головы энтузиастов глобализации, урбанизации и порождаемых ими экономических чудес. Многим тогда казалось (да и сейчас кажется), что только крупные города могут рождают истинную культуру и подлинную цивилизацию. Сегодня мы должны увидеть все риски, все угрозы агломерации, чтобы найти свой путь – не в полный ненависти мегаполис, а в здоровый и человеческий способ жизни в нашем городе.

Город и ненависть²

Вам, наверное, известно, какой огромный успех принес недавно французской кинематографии фильм под названием «Ненависть». В фильме показан ряд бурных событий, происходящих на окраинах городов и в пригородах; в качестве актеров (а, может быть, статистов?) в нем выступают группы молодых людей, в которых «сидит ненависть». «Во мне сидит ненависть» – выражение почти безличное, оно означает не столько субъективную эмоцию или субъективное состояние, сколько объективную и беспричинную ярость, рождающуюся в городской пустыне, прежде всего в пригородах, превращенных в настоящую свалку. Тот факт, что окраинная «преступность» приобрела невиданный размах (ведь фильм, подобный «Ненависти», можно снимать хоть каждый день), свидетельствует о том, что перед нами целостное общественное явление, в котором находят свое отражение определенный универсальный процесс – процесс концентрации населения и увеличения производства отходов. Речь идет о всемирной проблеме отбросов, ибо, если насилие порождается угнетением, то ненависть зарождается, когда человека отправляют на помойку.

Понятие отбросов следует модифицировать и расширить. Материальные, количественные отбросы, образующиеся вследствие концентрации промышленности и населения в больших городах – это всего лишь симптом качественных, человеческих, структурных отбросов, образующихся в результате предпринимаемой в глобальном масштабе попытки идеального программирования, искусственного моделирования мира, специализации и централизации функций (современная метрополия очевидным образом символизирует этот процесс) и распространения по всему миру этих искусственных построений.

Хуже всего не то, что мы завалены со всех сторон отбросами, а то, что мы сами становимся ими. Вся естественная среда превратилась в отбросы, т. е. в ненужную,

всем мешающую субстанцию, от которой, как от трупа, никто не знает, как избавиться. По сравнению с этим горы органических промышленных отходов просто пустяк. Вся биосфера целиком в пределе грозит превратиться в некий архаический остаток, место которого – на помойке истории. Впрочем, сама история оказалась выброшенной на собственную помойку, где скапливаются не только пройденное нами и отошедшее в прошлое, но и все текущие события; не успев закончиться, они тут же лишаются всякого смысла в результате демпинга средств массовой информации, способных превратить их в субстанцию, непосредственно готовую для употребления, а затем и в отбросы. Помойка истории превратилась в информационную помойку.

Когда строят образцовые города, создают образцовые функции, образцовые искусственные ансамбли, все остальное превращается как бы в остатки, в отбросы, в бесполезное наследие прошлого. Строя автостраду, супермаркет, супергород, вы автоматически превращаете все, что их окружает, в пустыню. Создавая автономные сети сверхскоростного, программируемого передвижения, вы тут же превращаете обычное, традиционное пространство взаимодействия в пустынную зону. Именно так обстоит дело с транспортными артериями, рядом с которыми образуются пустующие территории. Именно так будет обстоять дело и в будущем, когда рядом с информационными артериями образуются информационные пустыни, возникнет своего рода информационный четвертый мир – убежище всех изгоев, всех тех, кого отвергли средства массовой информации. К нему добавится интеллектуальная пустыня, населенная мозгами, оставшимися без работы по причине предельной usefulness самих информационных сетей. Ее будут населять, но уже в неизмеримо большем количестве, по-

1. Поверх барьеров. Американский час с Александром Генисом // Радио Свобода. / <http://www.svoboda.org/programs/ut/>
 2. Лекция, прочитанная в Москве во Французском Университетском Колледже при МГУ им. М.В. Ломоносова. Опубликовано в журнале Логос, №9, 1997 г. – С. 107-116.

ТЕКСТ
Жан Бодрийяр
 перевод
Б. П. Нарумов

томки тех миллионов безработных, что ныне изгнаны из мира труда.

Пространства, как и люди, становятся безработными. Строятся целые кварталы жилых домов и офисов, но они обречены навеки оставаться пустыми из-за экономического кризиса или спекуляции. Они – отходы, всего лишь отходы и навсегда останутся таковыми, это не следы прошлого и не руины, которые все-таки представляют собой почтенные памятники старины. Эти дома – памятники бездушную предпринимательской деятельности человека. И тогда хочется спросить, как же может ненавидеть и презирать самое себя цивилизация, которая с самого начала производит себя, причем умышленно, в виде отбросов, трудится над своим собственным бесполезным построением, создавая города и метрополии, подобные огромным холостым механизмам, бесконечно себя воспроизводящим; эти фантомы – результат доведенных до абсурдных размеров капиталовложений, равно как и все большей их нехватки.

Ghost-towns, ghost-people³: сами человеческие существа бесконечно воспроизводят себя в виде отбросов или в виде обыкновенных статистов, удел которых – обслуживать этот холостой механизм, символизирующий порочный круг производства, когда, вопреки требованиям истории, уже не Труд воспроизводит Капитал, а Капитал бесконечно воспроизводит Труд. Горька участь этого разрастающегося персонала, которому суждено перейти в отходы; так у человека и после смерти продолжают расти ногти и волосы.

Итак, наша культура превратилась в производство отходов. Если другие культуры, в результате простого обменного цикла, производили некий излишек и порождали культуру излишка (в виде нежеланного и проклинаемого дитяти), то наша культура производит огромное количество отбросов, превратившихся в настоящую меновую стоимость. Люди становятся отбросами своих собственных отбросов – вот характерная черта общества, равнодушного к своим собственным ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти.

Наши мегаполисы, наши космополитические города – своего рода абсцессы, оттягивающие возникновение более крупных нарывов. Архитектура и градостроительство, повсюду запуская амбициозные щупальца, производят одних только монстров, не с эстетической точки зрения (хотя, увы, и такое часто бывает), а в том отношении, что эти монстры свидетельствуют об утере городом целостности и органичности, о его дезинтеграции и дезорганизации. Они уже не подчиняются ритму города, его взаимосвязям, а накладываются на него как нечто пришедшее со стороны, нечто alien⁴. Даже городские ансамбли, наделяемые символической значимостью (Бобур, Форум, Ля Дефанс, Ля Вильет), представляют из себя всего лишь псевдоцентры, вокруг которых образуется ложное движение. В действительности они свидетельствуют о сателлизации⁵ городского бытия. Их внешняя привлекательность словно создана для того, чтобы ошеломить туриста, а их функция подобна функции места всеобщей коммуникации (аэропорта, метро, огромного супермаркета), места, где люди лишаются своего гражданства, подданства, своей территории. Впрочем, именно сюда и перемещаются всякого рода маргиналы и представители субкультуры, бродящие в поисках опустошающего экстаза и находящие его в этом паразитарном образовании. Даже когда подобные ансамбли создаются с культурными целями, они превращаются не в центры радиации, а в центры поглощения и выделения; это всего лишь преобразователи потоков, механизмы со входом и выходом. Возникает впечатление, что это экспонаты, сбе-

жавшие со всемирной выставки, а не новая часть города; они свидетельствуют о космополитическом и дезорганизованном характере развития нашего общества.

Бобур – один из таких монстров, и, воплощая в себе современную утопию культуры, он является прекрасным примером опустынивания культуры и города, примером неуклонной эрозии культурного рельефа, постепенного сведения социальности к самым простым ее проявлениям. Ибо все указывает на то, что мы неуклонно движемся к неразличению культуры и жизни, к отрицанию культурой даже отличительных признаков жизни в обстановке приспособления города и его коммуникаций к банализации социального поведения.

Слишком много капиллярной диффузии, слишком много осмотического движения, слишком много перемещений, слишком много сообщающихся сосудов, сцеплений, взаимодействия. Слишком много общения в опустошенном пространстве, в городе, ставшем похожим на Музей Идеальной Деконструкции. Именно музеификация и масшированная урбанизация призваны замаскировать процесс опустошения и опустынивания, и одновременно они сами являются ярчайшим его свидетельством.

В связи с этим я хотел бы упомянуть одно знаменательное событие, правда, оно случилось несколько лет тому назад; я имею в виду забастовку мусорщиков в Бобуре. Эта забастовка, предпринятая ради удовлетворения нескольких требований младшего персонала, быстро превратила Бобур из культурного пространства в пространство гигантской свалки. Как раз в то время в Бобуре работала выставка, посвященная проблеме отходов. Стоит ли говорить, что Бобур, превратившись благодаря забастовщикам в некое пространство, заваленное мусором, намного превосходил по своей наглядности эту заурадную выставку. Разумеется, никто не осмелился назвать забастовку культурным действием или представить забастовщиков как настоящих деятелей Контркультуры, и все же они выступили в этой роли, ибо только они смогли наглядно показать – *in situ*⁶ и в натуральную величину, – в каком состоянии находится культурная среда города.

Урбанистическая проблематика подводит нас, через понятия концентрации и опустынивания, к другому понятию, имеющему, на мой взгляд, первостепенную важность, к понятию критической массы.

Данное понятие, идущее от материи и от наук о материи, от физики и химии, а значит, и от космологии, применимо также и во всех областях гуманитарного знания. Возникает вопрос, является ли человек действительно социальным существом. Этого нельзя утверждать наверняка; по крайней мере, у социальной сущности человека есть свои пределы. Все более плотные скопления миллионов людей на городских территориях, их совместное проживание там неизбежно ведут к экспоненциальному росту насилия, обусловленного тем обстоятельством, что в условиях вынужденного промискуитета люди как бы взаимно аннулируются. А это уже нечто противоположное социальному бытию или, наоборот, верх социальности, крайнее ее проявление, когда она начинает разрушаться сама собой. Появление масс на горизонте современной истории знаменует собой наступление и одновременно катастрофическое крушение социальности. В этом суть проблемы критической массы. Известно ее решение в космологии: если масса Вселенной ниже некоторого порога, то Вселенная продолжает расширяться и *big bang*⁷ длится бесконечно. Если же порог превзойден, то начинается имплозия, Вселенная сжимается, это уже *big crunch*⁸. Наши информационные артерии, Интернет и создание в скором будущем, как нам обещают, всемирной

3. города-призраки, люди-призраки (англ.) – прим. перев.

4. чужестранное (англ.) – прим. перев.

5. сателлизация – переход в состояние спутника, в зависимое, подчиненное состояние

6. на месте (лат.) – прим. перев.

7. великий взрыв (англ.) – прим. перев.

8. великое сжатие (англ.) – прим. перев.

связи наводят на мысль о том, что мы как раз переступаем тот порог глобальности информации, ее доступности в любой момент и в любом месте, за которым возникает опасность автоматического сжатия, резкой реверсии, опасность информационного big crunch. Возможно, мы уже переступили через этот порог, возможно, катастрофа уже происходит, если обилие сведений, поставляемых средствами массовой информации, аннулируется само собой и если баланс, выраженный в терминах объективной информации, оказывается в некотором смысле отрицательным (извращенный эффект перенасыщения информацией). Во всяком случае мы наверняка уже преодолели этот порог в сфере социального, если учесть бурный рост населения, расширение сетей контроля, органов безопасности, коммуникации и взаимодействия, равно как и распространение внесоциальности, приводящее к имплозии реальной сферы социального и соответствующего понятия. Эпицентром этой инверсии фазы, этого гравитационного провала и является современный мегаполис.

В мегаполисе представлены все элементы социальности, они собраны здесь в идеальный комплекс: пространственная близость, легкость взаимодействия и взаимообмена, доступность информации в любое время. Но вот что происходит: ускорение и интенсификация всех этих процессов порождает в индивидах безразличие и приступы замешательства. Моделью этого вторичного состояния, когда в атмосфере всеобщего безразличия каждый вращается на собственной орбите, словно спутник, может послужить транспортная развязка: пути движения здесь никогда не пересекаются, вы больше ни с кем не встречаетесь, ибо у всех одно и то же направление движения; так, на экране определителя скорости видны лишь те, кто движется в одну и ту же сторону. Может, в этом и заключается суть коммуникации? – Одностороннее сосуществование. За его фасадом кроется все возрастающее равнодушие и отказ от любых социальных связей.

В результате качественного изменения, происходящего благодаря превышению критической массы, все эти перенасыщенные информацией и техникой и излишне опекаемые сообщества начинают порождать своего рода обратную энергию, своего рода инерцию, которые грозят в будущем вызвать гравитационный коллапс. Ибо происходит полная инверсия всех устремлений.

Ибо все положительные устремления, все влечения, в том числе и влечение к социальности, инвертируются и превращаются в отрицательные влечения, в безразличие. Влечение сменяется отвращением. Ведь в атмосфере всеобщей коммуникации, пресыщенности информацией, прозрачности бытия и промискуитета защитные силы человека оказываются под угрозой. Символическое пространство уже более ничем не защищено. Ничем не защищено интеллектуальное пространство собственного мнения. Когда техника делает доступным все, что угодно, я уже не могу решить, что полезно, а что бесполезно; пребывая в недифференцированном мире, я не в состоянии решить, что прекрасно, а что безобразно, что хорошо, а что плохо, что оригинально, а что нет. Даже мой организм не в состоянии разобраться, что для него хорошо или плохо. В ситуации невозможности принять какое-либо решение, любой предмет делается плохим, и единственной защитой становится противореакция⁹, неприятие и отвращение. Это иммунная реакция организма, с помощью которой он стремится сохранить свою символическую целостность, иногда ценой жизни. Вот почему я считаю, что ненависть, представляя собой чрезмерную форму выражения безразличия и неприятия этого недифференцированного ми-

ра, есть крайнее проявление жизненной реакции организма.

Исчезли сильные влечения и порывы положительного, избирательного, аттрактивного характера. В результате действия какого-то таинственного фактора исчезла определенность вкусов, желаний, как, впрочем, и воли. Напротив, кристаллизация злой воли, чувства неприятия и отвращения значительно усилилась. Возникает впечатление, что именно это обстоятельство служит источником отрицательной энергии, именно оно вызывает в нас аллергическую реакцию, заменяющую нам желание; отсюда и наша жизненно обусловленная противореакция на все, что нас окружает, при полном отсутствии стремления что бы то ни было изменить; это неприятие в чистом виде. В наше время симпатии стали неопределенными, определенно лишь чувство отвращения. Не имея возможности точно знать, чего же нам хочется, мы зато знаем, чего мы больше не хотим. Наши поступки (и даже болезни) все более лишаются «объективной» мотивации; чаще всего они проистекают из той или иной формы неприятия, которое заставляет нас избавляться от нас самих и нашей энергии каким угодно способом. Следовательно, в их основе лежит своего рода экзорцизм, а не тот или иной принцип деятельности. Это новая форма экзорцизма с магической коннотацией, экзорцизма, направленного на себя, на других, на Другого. Это новая разновидность неистового заклинания (несомненно, тоже символическая). А, может быть, это новая форма принципа Зла?

Вернемся снова к массам. Они представляются таким социологическим черным ящиком, в котором все цели и задачи, все устремления инвертированы; это своего рода источник отрицательного статического электричества. Именно в массах следует искать корни социального неприятия и политического равнодушия, так хорошо нам известных. Ибо, как говорил Зиммель, «нет ничего проще отрицания ... и широкие массы, будучи не в состоянии поставить перед собой общую цель, находят себя в отрицании». Бесполезно спрашивать, какое у них мнение или какова их положительная воля, их просто нет. Они живут во мраке отрицания и находят свое определение в негативности. Они наделены неопределенной потенцией, сильны лишь своим неприятием и отрицанием, прежде всего отрицанием всех форм культуры и организации, недоступных их пониманию. Они испытывают глубокое отвращение к политическому режиму (что не исключает и конформистских взглядов), к политическим амбициям и трансцендентности власти. Если политическому выбору и политическим суждениям свойственна страстность, то глубинное отвращение к политике порождает насилие. Именно в этом заключается источник ненависти, находящий свое проявление не только в преступности и расизме, но и в самом обычном равнодушии. Ибо сказанное относится не только к массе, но и к каждому индивиду в той мере, в какой он, сидя в своей улитке, замыкаясь на себя и десоциализируясь, сам по себе составляет массу.

Если традиционное насилие порождалось угнетением и конфликтностью, то ненависть порождается атмосферой тесного общения и консенсуса. Наша эклектическая культура – это культура промискуитета противоположностей, сосуществования всевозможных различий в культурном melting-pot¹⁰. Но не будем обманывать себя: именно такая культурная множественность, терпимость и синэргия провоцируют глобальную противореакцию, утробное неприятие. Синэргия вызывает аллергию. Чрезмерная опека влечет за собой ослабление защитных сил и иммунитета; антитела, оказавшись без работы, обращаются против самого организма. Такова же и природа ненависти

9. В оригинале употреблен психоаналитический термин abreaction («отреагирование») – прим. перев.

10. тигель (англ.) – прим. перев.

ти: как и многие современные болезни, она проистекает из самоагрессии и аутоиммунной патологии. Мы уже с трудом переносим атмосферу искусственного иммунитета, царящую в метрополиях. Мы уподобились некоему виду животных, лишенных естественных врагов, в результате чего они обречены на быстрое вымирание или самоуничтожение. Чтобы как-то защитить себя от отсутствия Другого, врага, неблагоприятных обстоятельств, мы прибегаем к ненависти, которая способствует возникновению своего рода искусственных, беспредметных невзгод. Таким образом, ненависть – это своеобразная фатальная стратегия, направленная против умиротворенного существования. Ненависть при всей своей двусмысленности представляет собой отчаянный протест против безразличия нашего мира, и в этом своем качестве она, несомненно, является гораздо более прочным видом связи, чем консенсус или тесное общение.

Различие между ненавистью и насилием совершенно четкое. Историческое насилие или насилие, вызванное страстным влечением, имеет свой предмет, своего врага, свою цель; у ненависти же ничего этого нет, она совсем иное явление. Совершающийся ныне переход от насилия к ненависти представляет собой переход от предметной страсти к беспредметной. Если мы хотим охарактеризовать основные формы коллективной страсти, коллективного насилия (хотя такая характеристика всегда будет произвольной), то следует выделить следующие их формы в соответствии с их появлением в истории культуры: священный, жертвенный гнев – историческое насилие – ненависть как чистая и недифференцированная, виртуальная форма насилия. Последняя представляет собой как бы насилие третьего типа, сосуществующее ныне с насилием второй степени – терроризмом (который более насильствен, чем насилие, ибо у нас нет определенных целей), а также со всеми вирусными и эпидемическими формами инфекций и цепных реакций. Ненависть более ирреальна, более неуловима в своих проявлениях, чем обычное насилие; это хорошо видно на примере расизма и преступности. Вот почему так трудно с ней бороться как профилактическими, так и репрессивными мерами. Невозможно уничтожить причину ненависти, поскольку никакой эксплицитной мотивации в ней обнаружить не удастся. Ее нельзя обездвигить, ибо ею ничто не движет; ее нельзя даже подвергнуть наказанию, ибо в большинстве случаев она ополчается на самое себя; это типичная страсть, которая борется сама с собой.

Поскольку в нашем обществе нет более места реальному насилию, насилию, направленному на определенный объект, историческому, классовому насилию, то оно порождает виртуальное, реактивное насилие. Ненависть, которую можно принять за архаичный, первичный порыв, парадоксальным образом представляет собой страсть, оторванную от своего предмета и своих целей. (Подобно тому, как теперь принято говорить о «ксероксном» уровне культуры, можно говорить и о «ксероксном» уровне насилия). Вот почему ненависть современна гиперреализму крупных метрополий. Однако она отличается своеобразной холодностью. Порожденная равнодушием, в том числе равнодушием, распространяемым средствами массовой информации, она становится холодной, непостоянной, может перекинуться на любой предмет. В ней нет убежденности, пыла, она исчерпывает себя в acting out¹¹ и часто ограничивается созданием собственного образа, кратковременной вспышкой насилия; современная природная преступность может служить тому примером. Таков и Полен, выходец с Гваделупы, который несколько лет тому назад терроризировал население, убивая пожилых

женщин. Это действительно чудовищная личность, но в то же время он человек холодный, неагрессивный, без определенной национальности и пола, метис. Он убивал без насилия, без крови, а затем с забавным безразличием рассказывал о своих преступлениях. Он был равнодушен к самому себе. Однако невозможно отрицать, что за всем этим скрывалась радиальная ненависть. Полен, несомненно, «ненавидел», но его ненависть выражалась в учтивой, спокойной, ирреальной форме.

Ненависть как защитная противореакция соответствует новой форме насилия со стороны самой системы. Также и в этом случае можно выделить первичную форму насилия: это насилие, связанное с агрессией, подавлением, произволом, демонстрацией силы, унижением, грабежом, – словом, это одностороннее насилие, совершаемое по праву сильнейшего. Ответом на такое насилие может быть противоположное насилие: историческое, критическое насилие, насилие негативности. Это насилие разрыва с системой, трансгрессии (к нему можно добавить насилие анализа, интерпретации, смысла). Все это разновидности насилия с определенной направленностью, имеющего начало и конец; у него есть свои причины и следствия, и оно соотносится с трансцендентностью власти, истории, смысла.

Всему этому противостоит нынешняя форма насилия. Оно изощреннее по сравнению с насилием агрессии; это насилие разубеждения, умиротворения, нейтрализации, контроля – насилие безболезненного уничтожения. Это терапевтическое, генетическое, коммуникационное насилие – насилие, рожденное консенсусом и вынужденным общением, своего рода косметическая хирургия социальности. Это прозрачное и невинное насилие; с помощью разного рода снадобий, профилактических мер, психической регуляции и регуляции, осуществляемой средствами массовой информации, оно стремится выкорчевать корни зла, а тем самым искоренить и всякий радикализм. Это насилие системы, которая подавляет всякое проявление негативности, единичности (включая предельную форму единичности, каковой является смерть). Это насилие общества, в котором нам виртуально отказано в негативности, в конфликтности, в смерти. Это насилие, некоторым образом кладущее конец самому насилию, поэтому на такое насилие уже невозможно ответить тем же, остается отвечать лишь ненавистью.

Однако наиболее тяжким запретом, самым тяжким лишением, в числе прочих, является запрет на инаковость. Для фундаментальной проблемы Другого нашлось своего рода «окончательное решение» (имеется в виду уничтожение): подключение к сети универсальной коммуникации. В этом Трансполитическом Новом Порядке над нами нависла угроза не столько лишиться самих себя (Verfremdung «очуждение»), сколько лишиться всего другого, всякой инаковости (Entfremdung «отчуждение»). Мы уже не претерпеваем процесс очуждения, не становимся другими (в этом присутствовала по крайней мере какая-то доля инаковости, и, оглядываясь назад, мы воспринимаем очуждение как Золотой век), нас уже не лишают нас самих в пользу Другого, нас лишают Другого в пользу Того же самого; иными словами, нас лишают всякой инаковости, всякой необычности и обрекают на воспроизводство Того же самого в бесконечном процессе отождествления, в универсальной культуре тождественности.

Отсюда рождается сильнейшее чувство озлобления, ненависти к самому себе. Это не ненависть к Другому, как принято считать, основываясь на стереотипе расизма и его поверхностном истолковании; это ненависть, вызванная досадой по поводу потери инаковости. Хотят, чтобы

11. отыгрывание (англ. термин психоанализа) – прим. перев.

ненависть в основе своей была ненавистью к Другому, отсюда и иллюзия борьбы с ней путем проповедывания терпимости и уважения к различиям. На самом же деле ненависть (расизм и т. д.) – скорее фанатизм инаковости, чем неприятие Другого. Потерю Другого она пытается компенсировать, прибегая к экзорцизму и создавая искусственного Другого, а в результате им может быть кто угодно. В лоботомированном мире, где возникающие конфликты немедленно локализируются, ненависть пытается возродить инаковость, хотя бы для того, чтобы ее уничтожить. Она пытается избежать фатальной одинаковости, аутистического замыкания в себе, на которое нас обрекает само развитие нашей всемирной культуры. Конечно, это культура озлобления, но за озлобленностью на Другого следует видеть озлобленность на самого себя, на диктатуру самости и Того же самого, озлобленность, которая может перейти в саморазрушение. Понять это – значит избежать определенного числа бессмысленных утверждений.

Ненависть – чувство аномальное (ее следует отличать от насилия как противоправного акта, которое является составной частью социальности и истории). У ненависти нет истории, она характерна для конца социальности и конца истории. Когда система достигает стадии насыщения, когда она действительно достигает универсальности (а наша система, в силу своей крайней сложности и операционализации, достигла именно этой виртуальной стадии исчерпанности всех своих возможностей), она автоматически превращается в аномальную систему, и ей начинает грозить резкая реверсия. Когда сама система оказывается entfremdet «отчужденной», лишенной своих врагов, лишенной той антагонистической силы, которая смогла бы ее уравновесить, ей начинает угрожать гравитационный коллапс. Именно в таком положении мы и находимся, и ненависть является симптомом и в то же время агентом этого краха, оператором конца социальности, конца инаковости, конца самой системы. Ибо по всей справедливости конечное решение, принимаемое системой, оборачивается против самой системы.

Таким образом, ненависть, при всей ее двусмысленности, следует рассматривать как сумеречное чувство, характеризующее конец современного мира, конец инаковости, конфликтности, крах современности, если только не конец истории, ибо парадоксальным образом конец истории никогда не наступал, поскольку проблемы, поставленные историей, никогда не находили окончательного разрешения. Скорее происходит преодоление конца истории, когда ни одна проблема так и не решается. И в нынешней ненависти присутствует также глубокое чувство досады по поводу того, что так и не произошло.

Мы все ненавидим. Не от нас зависит, сидит ли в нас ненависть или нет. Мы все испытываем двойственное чувство ностальгии по поводу конца мира, иными словами, нам хочется сделать его конечным, придать ему цель, причем любой ценой, даже ценой озлобления и полного неприятия мира как он есть. К ненависти примешивается ощущение настоящей необходимости ускорить ход вещей, чтобы покончить с системой, освободить дорогу для чего-то иного, для какого-то события, наступающего извне; мы хотим, чтобы пришел Другой. В этом холодном фанатизме содержится миллениарная форма вызова и (кто знает?) надежды.

Тут я вспомнил о коллоквиуме на тему о конце мира, который проходил, если память мне не изменяет, лет десять тому назад, в Нью-Йорке, на 5-ой авеню. Первая моя реакция была такая: что за прекрасная мысль выбрать для коллоквиума Нью-Йорк – идеальный эпицентр конца

мира. Вторая реакция: абсурдно обсуждать эту тему здесь, в Нью-Йорке, ведь всемирная метрополия и есть реальное воплощение конца мира. Вот он совершается перед нами, так стоит ли о нем рассуждать? Но в конце концов стало ясно, что поводом для данного собрания интеллектуалов вопреки банальной реальности конца мира, происходящего как раз в месте его проведения, было спасение именно идеи конца мира, спасения утопии конца мира. Этим мы и занимаемся немножко сегодня, здесь, в конце нашего века.

Авторы Апокалипсиса были методичными людьми, они беспрестанно обменивались посланиями вместо того, чтобы испросить мнение самого Антихриста.

Харбин – новый мегаполис Китая

В современной России ярких примеров городских агломераций на всей территории от Тихого океана до Байкала не найти. С некоторой натяжкой можно, наверное, отнести к ним Владивосток со всеми близлежащими его пригородами и городами. Вот и все примеры, но в них населения, как говорится, «с гулькин нос». Зато имеются подобного рода градостроительные структуры в соседнем Китае. К одной такой городской агломерации мы и обратимся, тем более что город Харбин, о котором пойдет речь, имел и имеет к России самое непосредственное отношение. Автор хотел бы в самом начале своей статьи отметить, что эта его статья – скорее размышления о Харбине, но никак не специальное теоретическое исследование на тему агломерации, хотя данный город таковую из себя и представляет. Это впечатления об исследованном, увиденном и на глазах меняющемся Харбине, когда-то – русском Харбине. И как приятно ласкают слух эти два слова – «русский Харбин». Однако все это в прошлом. Вместе с тем Харбин, теперь уже давно китайский Харбин, может быть примером ярких стремительных преобразований, кардинально изменивших всю его жизнь, примером поступательного движения и одновременно преобразования, но с учетом тех изначальных положительных его качеств, заложенных еще русскими специалистами столетие назад.

Общезвестны успехи современного Китая не только в области экономики, но и во многих других областях деятельности. Бывая почти ежегодно в Харбине в течение последнего десятилетия, я вижу, сколь стремительно и динамично развивается и растет этот город, как быстро изменяется его облик. Город преобразуется буквально на глазах. Возникший в 1898 году и построенный в начале XX века усилиями и талантом российских инженеров и архитекторов, Харбин сегодня превратился в мегаполис с населением около 4 миллионов жителей, а вместе с 11 уездами, примыкающими непосредственно к городу, агломерация составляет более 9,5 миллиона человек. В Китае это четвертый по величине и крупнейший город на северо-востоке страны. В 1994 году Госсоветом КНР Харбину присвоен статус историко-культурного города, а более 200 его зданий признаны памятниками архитектуры и поставлены на государственную охрану. Авторство большинства из этих зданий-памятников принадлежит российским архитекторам и инженерам. Вот почему нам интересна судьба этого города – и поэтому мы с интересом следим за его развитием.

Активно строительству и значительному подъему Харбина, как ни странно, в значительной степени способствовала в первой половине XX века российская эмиграция, буквально наводнившая город после 1920 года. «Именно в годы эмиграции, особенно в первое ее десятилетие русский Харбин достиг своего апогея и медленно пошел к закату с началом японской оккупации в 1932 году», – утверждают бывшие харбинцы, русские эмигранты, осевшие позднее в Австралии¹. И с этой точки зрения Харбин – до сих пор до конца не изученный феномен русской культуры и истории. Он действительно был в первой половине XX века русским городом и по своей сути, и по жизни. Одна из богатейших ветвей европейской культуры – старая, традиционная русская культура, почти до неузнаваемости изуродованная в советской России, удивительным образом хранилась в далеком маньчжурском городе. И не только сохранилась, но и благодаря огромному духовно-интеллектуальному потенциалу русских харбинцев она развивалась и процветала несколько десятилетий. В этом, наверное, и

было главное историческое значение Харбина². О том, что город этот имел не только межгосударственное значение (для России и Китая), а еще и международное, свидетельствует факт существования в нем в те годы почти 20 консульств и огромного количества торговых представителей самых разных стран.

С самого начала своего основания Харбин развивался динамично, а рост его населения значительно превышал рост населения российских городов на Дальнем Востоке – таких как Хабаровск, Благовещенск и Владивосток, возникших на полвека раньше него. К началу 1930-х годов население города составляло уже 150 тысяч человек, а в течение следующих 10 лет оно увеличилось в пять раз, и в 1942 году в нем жили почти 750 тысяч. Создавая планировку Харбина, российские инженеры учитывали новейшие европейские достижения в области градостроительного искусства. К этому же стремились после 1932 года и японские инженеры, ставшие во главе проектного дела по созданию Великого Харбина.

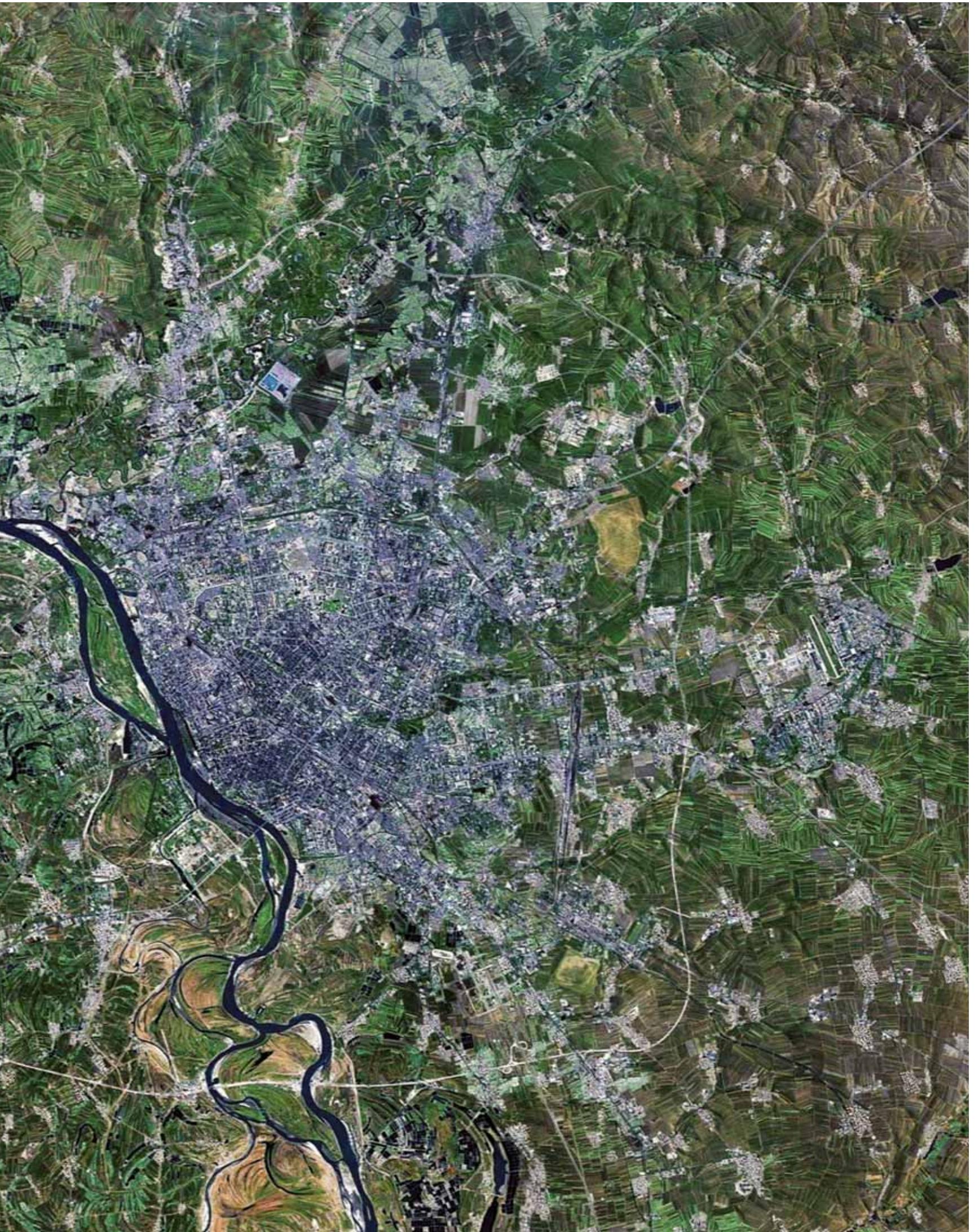
Начиная с первых лет после основания Харбина, город постоянно находился в развитии – несмотря на то что территориальный рост его сдерживался установленной по договору между Россией и Китаем полосой отчуждения, за пределы которой город (русский город) развиваться не мог. Однако он развивался. В непосредственной близости от железнодорожного моста через реку Сунгари, еще до его строительства, на правом ее берегу в начале 1900 годов стихийно возник китайский рабочий поселок под названием Фудзядян. Очень быстро самостийный поселок превратился в настоящий город с большим количеством населения, прибывавшего сюда из южных районов Китая. Естественно, разработчики новых генпланов не могли игнорировать появление плотную с полосой отчуждения нового поселения, ставшего частью, вернее, самостоятельным районом Харбина, поэтому Фудзядян присутствует практически на всех генпланах, начиная с 1906 года, а на планах 1920-30 годов он везде получает название – город Фудзядян.

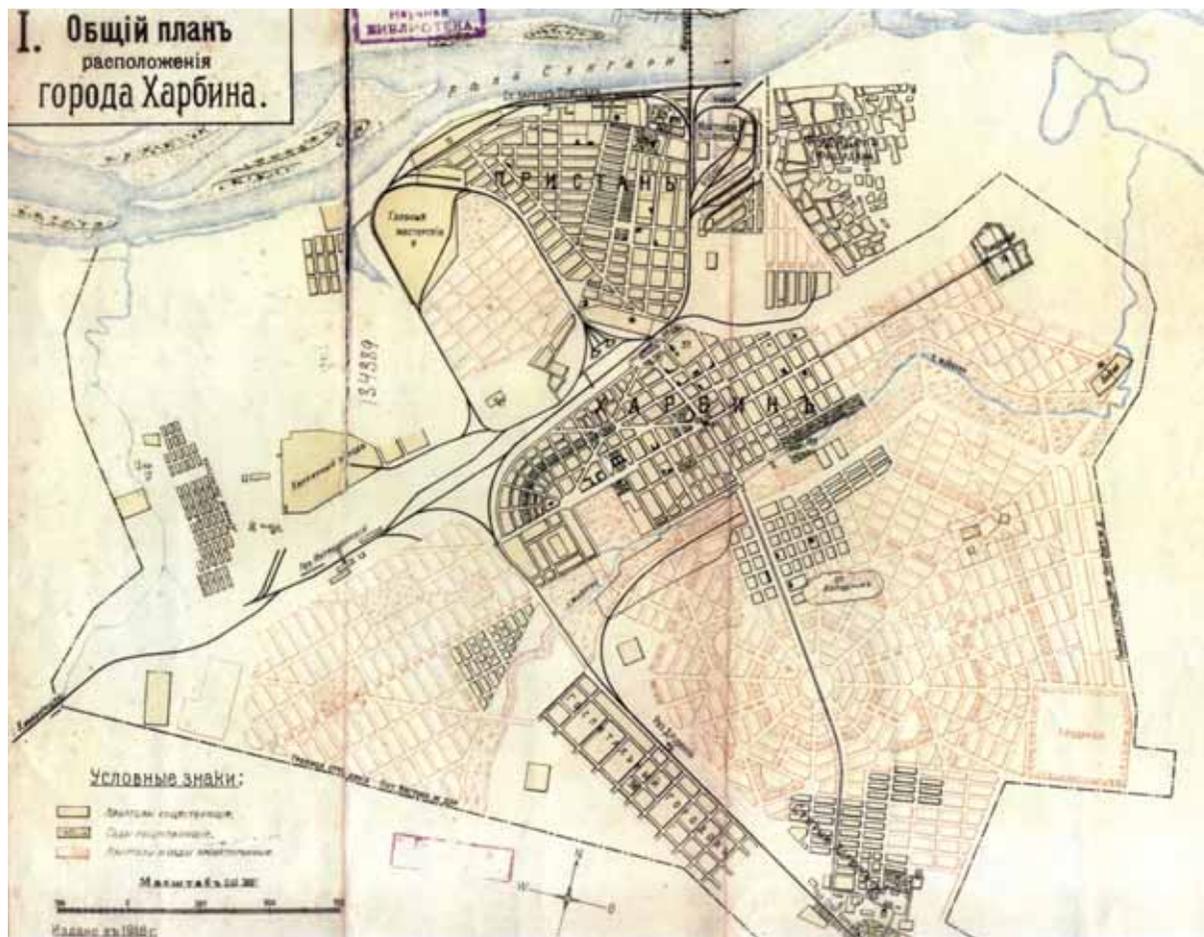
Из всех ранних генпланов Харбина наибольший интерес для нас представляет план 1916-17 годов. На нем показана не только существующая на данный период, но и перспективная застройка. На этом плане изображен город, состоящий из отдельных поселков-районов, плохо связанных друг с другом транспортными магистралями. Демонстрируя сложившуюся градостроительную ситуацию, рассматриваемый генплан показывает и перспективу развития города. В новой градостроительной композиции привлекает внимание крупное пятно в южной части города, напоминающее своей конфигурацией планы идеальных городов эпохи Возрождения. Примечательно и одновременно удивительно, что эта схема получила здесь, в Харбине, свое воплощение и осуществлялась на протяжении 15 лет – до начала 1930 годов. На всех последующих планах города эта планировочная схема показана в своем развитии как город-сад. Лишь после 1932 года, после захвата Маньчжурии Японией, когда возникла идея преобразования Харбина в Великий Город Маньчжурской империи, началось постепенное разрушение этой интересной градостроительной идеи города-сада. Стала исчезать малоэтажная усадебная застройка, на ее месте появилась не только более комфортная новая застройка, но и широкие улицы, связавшие удаленные районы и поселки Харбина с его центром.

текст, фото и подбор иллюстраций
Николай Крадин

1. Мезин Н. В. Харбин и харбинцы // Русские харбинцы в Австралии. – Сидней, 2000. – С. 5.

2. Там же, с. 8.

Можно сказать, преобразования и реконструктивные работы в Харбине, активно начатые в 1930 годы, стали основой не только для объединения его районов в единое градостроительное образование, но и заложили перспективы для дальнейшего территориального расширения. Само понятие Великий Харбин рассматривалось авторами градостроительных преобразований города достаточно широко – согласно их замыслам, он должен был стать самым крупным в Маньчжурии. Его территория должна была охватить не только все пригороды Харбина, но также Фудзядя и близлежащие к нему поселки и таким образом превратиться в агломерацию. Перспективными планами под Харбин отводилась территория, намного превосходящая ту площадь, которую он занимал в границах полосы отчуждения.

Идея Великого Харбина просуществовала всего пять лет, однако реконструктивные работы, осуществленные за эти годы, позволили объединить разрозненные районы города и создать единое градостроительное пространство. Кроме того, этот новый этап в развитии города ознаменовался созданием транспортных связей между центром и окраинами, увеличением этажности строительства, реконструкцией старой застройки и крупными работами по благоустройству. Все это привело к созданию качественно иного облика Харбина. Следует сделать вывод, что Харбин-мегаполис 1930 годов не состоялся, однако основы к его созданию в XXI веке были заложены именно в те годы.

Уникальность Харбина заключается в том, что здесь, и нигде больше в Китае (может быть, еще и в городе Дальнем), воплотились со всей полнотой европейские градостроительные принципы и архитектурная стилистика, характерные для России и европейских стран. Яркий симбиоз европейских, русских, восточных и азиатских традиций и приемов привел к созданию совершенно уникального го-

рода, в котором мы видим напластования самых разных культур. Разнообразие стилистики привело к появлению в облике главных районов Харбина (Пристань, Новый город, Модягоу) запоминающихся, колоритных улиц и кварталов. Русский стиль, модерн, эклектика и традиционная китайская архитектура (в меньшей степени) – вот тот стилистический симбиоз, характерный для Харбина 1900-40 годов. Именно данный фактор и привлекает сегодня в немалой степени огромные массы туристов в Харбин, желающих увидеть его своими глазами, ощутить на себе дыхание неповторимого колорита этого города. Интересно и то, что в 1910-20 годы в Фудзядяне, населенном в основном только китайцами, возникло архитектурное направление, получившее местное название «китайское барокко». Фасады зданий, выполненные в этой стилистике, обильно декорировались пластикой преимущественно растительного характера. Следует отметить, что зданий с подобной декорацией нет ни в одном другом районе Харбина. Безусловно, в появлении этого местного стилистического направления тоже присутствует влияние европейского зодчества. Примечательно, что сегодня китайскими специалистами практически безоговорочно признается тот факт, что с самого начала возникновения Харбина в нем закладывались передовые градостроительные приемы, отражавшие европейские архитектурные достижения, связанные с новым стилем – модерном, а также с идеями города-сада. Не отрицается также, что город проектировался и застраивался русскими или европейскими архитекторами, а многие проекты даже разрабатывались в России³.

Исторический Харбин, особенно центральная его часть в пределах районов Пристань, Новый город и Модягоу, представляет собой довольно цельную картину, которая гармонично сочетает в себе русский стиль, модерн и эклектику. По словам китайских исследователей, именно этот

3. Китайско-Российский форум на высшем уровне на тему архитектурных стилей и проектирования города / Данные конференции. Каталог. – Харбин, 2006.-С.18.

Харбин (исторический) имеет «целостный имидж», оказывающий большое влияние и на современную архитектуру. Поэтому при разработке новых проектов местным архитекторам рекомендуется учитывать такие уникальные особенности этой части города, как сложившаяся стилистика, цвет, размеры и пропорциональные соотношения зданий и их элементов, детализировка и применяемые материалы. В частности, что касается стилистики, то в Харбине выделены 14 зон, в которых она проявляется наиболее ярко, – это места расположения памятников архитектуры. В этих зонах при новом строительстве рекомендуется вести «гармоничный диалог», чтобы не подавлять, а подчеркивать и выявлять историческую застройку или конкретный памятник. Например, район Пристань (Даоли) наиболее насыщен историко-культурным наследием, в нем сосредоточены в основном здания средней этажности. Появившиеся здесь в 1980-90 годы высотные здания уже сегодня, спустя всего 10-15 лет после их возведения, рассматриваются как досадные ошибки. Анализ и новые теоретические обоснования показывают, что в масштабе одного и того же района все здания должны «относиться друг с другом гармонично» – и по размерам в том числе⁴. Поэтому новые требования, введенные по согласованию и утверждению проектов высотных зданий, предлагаемых для строительства в исторической среде, уже сегодня стали более строгими.

Сегодня довольно не просто оценить все то, что делается в Харбине в области нового строительства. Его объемы столь велики, а темпы так стремительны, что не успеваешь оценить одни новшества, как появляются уже другие. Ясно и понятно одно: едва ли найдутся в России хотя бы один-два таких города, которые всего за сто лет достигли бы таких размеров и успехов, как Харбин. Он по праву слышит сегодня не просто городом, а центром – историческим, политическим, административным, промышленным, культурным и хозяйственным. Руководители города, партийные и административные, в тесном содружестве с самыми разными специалистами думают сегодня над тем, чтобы появилась «душа города Харбина». Для китайцев вообще характерны подобного рода лирические названия и проекты. Мечтая о создании «души города Харбина», они включают в это понятие в качестве составных элементов исторические его кварталы, все то культурное и историческое пространство, которое формировалось на протяжении предыдущего столетия и которое стало основой создания города с пересечением культур многих стран. Понятно, что все это не просто лирические отступления и словеса – главная цель состоит в превращении Харбина в знаменитый международный туристический город, а для достижения поставленной цели нужно использовать имеющиеся исторические кварталы, усовершенствовать старинные улицы, умножить площади культуры, сады с культурной промышленностью, чтобы удовлетворить разнообразные нужды жителей разных слоев⁵. Такая вот установка.

Прирастая территориально, город обновляется буквально во всех отношениях. Среди застройки в современном Харбине можно видеть школы, своей архитектурой скорее напоминающие дворцы. Мне довелось побывать всего в двух высших учебных заведениях Харбина – Хэйлунцзянском и Политехническом университетах. В обоих поразила, прежде всего, инфраструктура. Кроме учебных корпусов в них возведены современные спортивные комплексы, библиотеки, студенческие столовые, закрытые плавательные бассейны на 25 дорожек. Все это строится в основном на спонсорские средства. Когда я спросил – на какие деньги построено здание суперсовременной библиотеки в Хэйлунцзянском университете, мне ответили, что их выделила одна крупная сотовая компания, а в ответ университет

пользуется услугами ее сотовой связи. Такой вот обоюдо-выгодный обмен.

Несколько лет назад, занимаясь обследованием исторической застройки Харбина, я неделю жил в студенческом городке Политехнического университета. Там меня поразили более всего не учебные корпуса и уникальное здание библиотеки, а спортивный городок, в котором вплотную друг к другу расположились несколько десятков волейбольных и баскетбольных площадок – огражденных и с великолепным современным покрытием. Причем практически все они не пустовали с раннего утра до позднего вечера. Каждое утро уже в 6 часов меня будили звуки стучавших мячей на баскетбольных площадках – это студенты занимались вместо зарядки, отрабатывая финты и броски по кольцу. Располагаясь непосредственно в городе (а Политехнический университет – даже в историческом центре), учебные заведения, тем не менее, имеют все необходимое не только для учебных занятий, но также для спорта и культурного досуга. Грустно было после всего увиденного возвращаться к себе в Хабаровск, где в родном Техническом университете вот уже почти 35 лет я вижу из окон аудиторий одну и ту же картину – небольшую хоккейную коробку, пару площадок с асфальтовым покрытием да неблагоустроенное футбольное поле. И все это на 20 тысяч студентов, которые в нем обучаются. К сожалению, мы привыкли на что-то и на кого-то надеяться, ждем поддержки из центра, поэтому и прозябаем, довольствуясь тем, что есть.

Сравнивая рост Харбина с российскими городами Дальнего Востока, Забайкалья и Сибири, понимаешь, насколько мы отстали. Как отмечал в своем докладе на прошедшем в июле 2006 года международном форуме китайский академик Цзоу Дэци, за минувшие 25 лет (1980-2005 годы) степень урбанизации Китая выросла до 42% против 19,4% в 1980 году. Сегодня численность городского населения в Китае составляет более 560 миллионов человек против 191,4 миллиона в том же 1980 году. Столь быстрых темпов урбанизации не знала ни одна страна. Для достижения подобного роста городского населения Англии, например, потребовалось 100 лет, Германии – 80, США – 40, Японии и СССР – 30, а Китаю – всего 22 года. Поражает и размах жилищного строительства. Если в середине 1980 годов на одного горожанина в Китае приходилось 6-8 метров жилой площади, то в 2005 году – более 26 квадратных метров.

Несмотря на многие положительные качества, столь быстрая урбанизация приводит и к негативным последствиям, оказывая сильнейшее давление на города и вызывая, в первую очередь, избыток рабочей силы. Как показывают расчеты китайских урбанистов, существующий ежегодный прирост городского населения всего на один процент в среднем приводит к появлению 18 миллионов новых городских жителей, из которых почти половина оказываются безработными. При сохранении сегодняшней тенденции и степени урбанизации в 2020 году общий прирост городского населения составит 300 миллионов человек – и тогда общее число жителей китайских городов вплотную приблизится к одному миллиарду⁶.

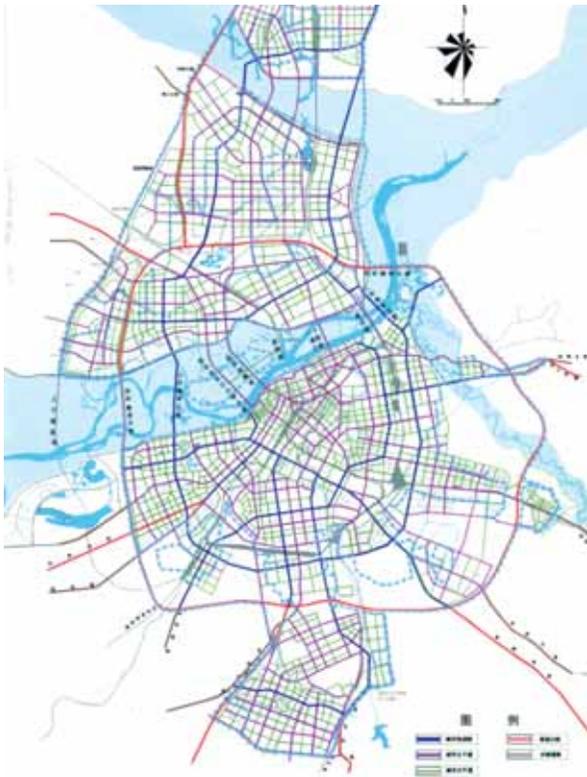
Другая немаловажная проблема – это увеличение количества транспорта в городах, появление транспортных пробок, ухудшение экологии, уменьшение озелененных пространств и общее загрязнение городов. Еще пять лет назад, бывая в Харбине, я не видел никаких транспортных пробок, а уже сегодня они стали обычным явлением, несмотря на то что появилось огромное количество новых современных развязок и эстакад, тоннелей и проколов под магистралями. Правда, новая транспортная схема, разработанная в структуре перспективного генплана, предусмат-

4. Там же, с.41.

5. Там же, с.4.

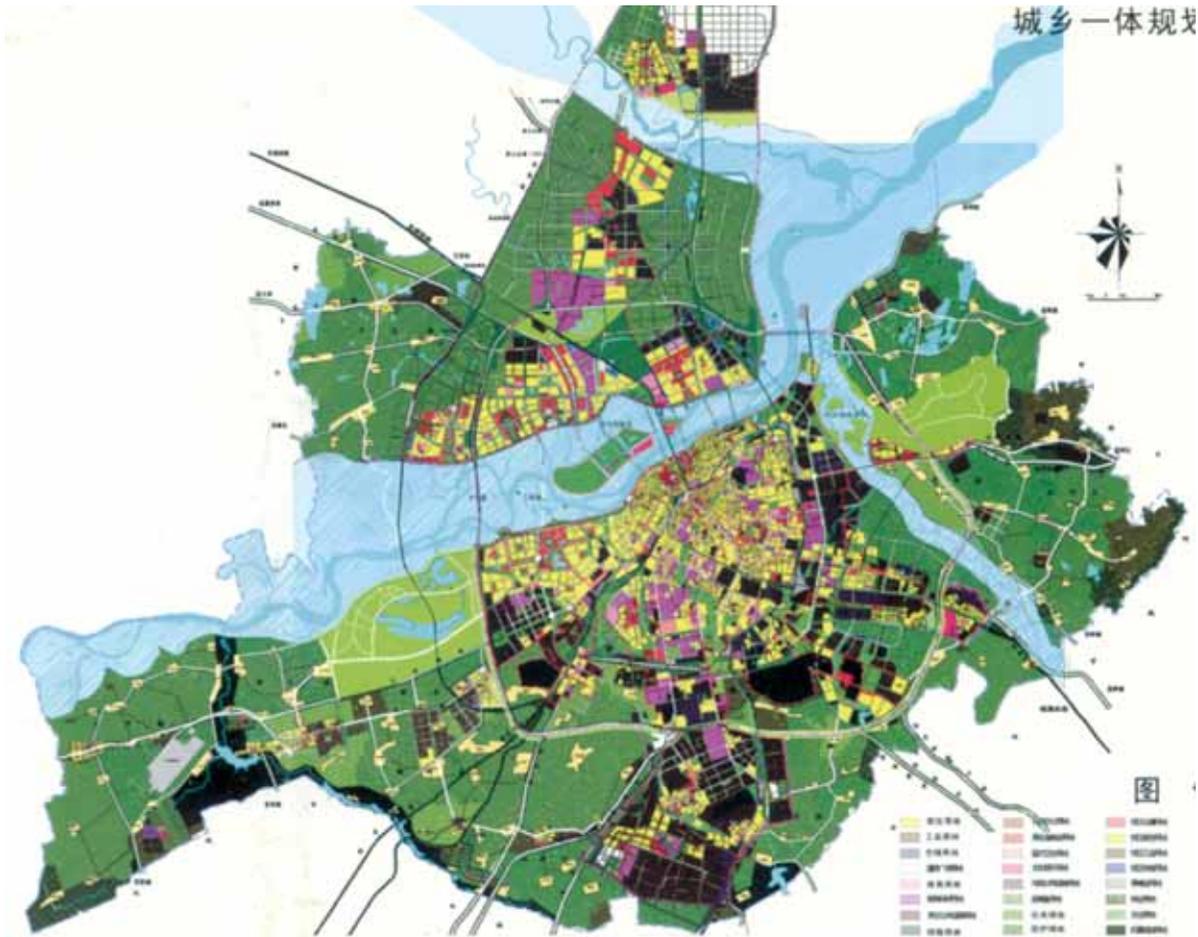
6. Дзоу Дэци. Городское планирование и развитие китайских городов в настоящее время // Китайско-Российский форум на высшем уровне на тему архитектурных стилей и проектирования городов / Данные собраний. – Харбин, 2006 – С.11, 12.

ривает создание не только объездных колец, но и строительство нескольких новых мостов через Сунгари, что поможет значительно разгрузить напряженные потоки. В новой схеме транспорта, разработанной в качестве составной части генерального плана, показаны удобные связи всех частей города, выделены кольцевые транспортные ма-

гистрالي. Большое транспортное кольцо, охватывающее значительную часть территории города, имеет протяженность почти в 100 километров. Своеобразная МКАД в Харбине.

На многочисленных генпланах Харбина, фиксирующих существующую и намечавших перспективную застройку, хорошо видно, что еще в конце 1970 годов город находился практически в пределах своих первоначальных границ. Немало пустых, незастроенных мест оставалось внутри самого поселения. Лишь к середине 1980 годов городу стало тесно – и началось его расширение и освоение новых территорий, в частности на противоположном берегу реки Сунгари. Если в середине 1930 годов общая площадь Харбина составляла 30-35 кв. километров, то в настоящее время (по данным 2004 г.) он занимает территорию площадью 4272 кв. километра, то есть в 130 раз больше прежней. Перспективы нового освоения территорий наглядно демонстрирует новый генеральный план Харбина на 2004-2020 годы. Судя по этому плану, город стремительно переходит на противоположный берег реки Сунгари, осваивая северную часть территории. Уже сегодня здесь появилось многоэтажное суперсовременное здание городской мэрии, сотрудников которой ежедневно привозят на работу и развозят по домам 50 комфортабельных автобусов и огромное количество легковых автомобилей. С юго-восточной стороны от здания мэрии ведется интенсивное строительство жилых высотных домов со всей необходимой инфраструктурой. Этот новый район под названием Сонбэй в совсем недалекой перспективе должен стать составной частью Харбина. Одновременно со строительством жилых и общественных зданий к нему прокладываются широкие магистрали, состоящие из нескольких полос движения, устраиваются развязки и переходы.

Транспортная схема Харбина

Генплан Харбина на 2004-2020 гг.

7. Там же, с.16.

8. Там же, с.13,14.

9. Китайско-Российский форум на высшем уровне на тему архитектурных стилей и проектирования города/ Данные конференции. Каталог. – Харбин, 2006. – С.4.

Самое интересное, что жители Харбина в курсе всех преобразований, которые происходят в городе. У нас, например, только декларируется, что в выработке городской политики должны принимать участие не только специалисты разных уровней и городская власть, но и простые граждане, обитатели городов, то есть те люди, для которых эта городская среда и создается. А вот в Харбине уже в течение нескольких лет функционирует специальный сайт под названием «Парк планирования», на котором горожане высказывают свое отношение к тем или иным решениям власти, предлагают варианты, спорят и обсуждают. Понятно, что китайцы вообще по природе своей любопытны. Чтобы удовлетворить это любопытство и одновременно узнать реакцию жителей на те или иные проекты и решения, на сайте открыты более 20 самых разных программ. На одной из них с названием «Стена, отражающая звук» жители могут получить ответы на все задаваемые ими вопросы. А такие, например, программы, как «Открытый зал» или «Центр доклада», предназначены для критических высказываний жителей города по тем или иным городским проблемам. Не менее интересны и другие программы – «Архитектурное искусство», «Достижения планирования», «Скорые новости», «Мой совет для планирования», «Ящик начальника», «Достопримечательность» и т.д. Такой вот интересный и, надо полагать, обоюдополезный диалог уже пятый год ведет администрация Харбина со своими гражданами. Причем на сайте происходит не только обсуждение и собираются мнения граждан – на нем выставляются многие проекты по развитию и реконструкции города.

Помимо проектных материалов Управление городского планирования Харбина прорабатывает теоретическое обоснование тех или иных предложений этого главного документа. Немаловажная особенность нового генерального плана состоит в том, что органы управления архитектурой и строительством постепенно переходят от чистого администрирования, смещая акценты в сторону научных и правовых обоснований своих решений. Большая подготовительная исследовательская работа, начатая в середине 1990 годов, позволила выработать четкую стратегию перспективного развития китайских городов. Как отмечает китайский урбанист академик Цзоу Дэци, городское планирование в современном Китае это не только проектирование, но одновременно еще и процесс, и управление, и политика, и стратегическая задача⁷. Осознание факта, что в XXI веке именно крупные города с прилегающими к ним сельскими районами (а это и есть, по сути дела, агломерация) становятся основным ядром государства в обострившейся мировой конкуренции, заставляет искать в развитии городов новые пути, направленные, с одной стороны, на получение максимальных результатов от производства, а с другой – на создание наилучших условий проживания населения в этих городах⁸.

Особая роль в новом генеральном плане отводится центральной части города, включающей самое ценное историко-культурное наследие и современную застройку. Правда, как и во многих городах, появившихся на карте во второй половине XIX века, в современном Харбине центр перегружен устаревшими промышленными предприятиями. Новый генеральный план намечает и в этом вопросе кардинальные решения, подкрепленные постановлением правительства Харбина о выносе из центра промышленных предприятий, их модернизации в связи с новыми достижениями и технологиями, а также требованиями экологии. Для размещения выносимых и новых предприятий выделены специальные промышленные зоны на окраинах города, вдали от жилых районов и исторической застройки. Все намеченные мероприятия направлены не только на поддержание имиджа Харбина как города с богатыми историческими и культурными традициями, являющегося столицей большой по территории Хейлунцзянской провинции, граничащей с Дальним Востоком и Забайкальем Российского государства, но и на то, чтобы сделать этот город одним из главных центров международного туризма в Китае⁹.

Немаловажная задача – выявить, показать и подчеркнуть историко-культурное наследие города, поскольку оно имеет большое значение не только для имиджа, но и для привлечения иностранных туристов, а это тоже важная экономическая составляющая преобразований и развития Харбина. В соответствии именно с таким подходом осуществляются работы по реконструкции исторической застройки. Самый, пожалуй, яркий и наглядный пример – улица Центральная (бывшая Китайская) в районе Пристань. Несколько лет назад ее сделали пешеходной, поскольку на ней сосредоточены несколько десятков памятников архитектуры, поставленных на государственную охрану. Впрочем, под охраной государства находится и сама улица как памятник градостроительства. Не секрет, что улица Центральная сегодня – не просто одна из архитектурных достопримечательностей Харбина. Она живет, наполненная историей и современностью. Приятно пройтись по ней ранним утром, когда мало еще пешеходов и можно внимательно и неспешно рассматривать каждое здание. Весь день и до позднего вечера этот харбинский Арбат пульсирует непрерывным потоком, растянувшимся на полтора километра – от улицы Диагональной до набережной Сунгари. Совершенно преображается улица, когда начина-

ет темнеть и зажигается многоцветье огромного количества реклам и фонарей. С этого момента она превращается в открытый театр, состоящий из площадок, устроенных почти на каждом перекрестке. Можно неспешно переходить от одной эстрадной площадки к другой, смотреть и слушать, любоваться и размышлять. Здесь каждому не возбраняется продемонстрировать и свои творческие способности на устраиваемых экспромтом конкурсах. Совершенно фантастическая многолетняя популярность Центральной улицы кроется в ее архитектурном многообразии, с одной стороны, и в обилии современных функций – с другой.

Подобного рода участки и зоны, пусть не такой популярности, как пешеходная Центральная улица, имеются и в других частях города. Например, в парке и на набережной имени Сталина, на Солнечном острове, в Новом городе, на улице Гоголя в Модягоу. Понятно, что Харбин – это не Париж, не Берлин и не Лондон с их многовековыми традициями. Ему всего-то чуть более века, но уже сегодня этот город-мегаполис, развиваясь в пространстве и времени, являет нам удивительные темпы своего развития и роста. Он демонстрирует здоровое отношение к своему историческому наследию, грамотное понимание перспективы, новое, современное отношение к самой ткани города. Внедрение в практику нового генерального плана – это, по сути дела, реализация многоаспектного научно-проектного эксперимента, подкрепленного глубокими теоретическими обоснованиями.

Особенно наглядно этот эксперимент просматривается и ощущается в области жилищного строительства, которое развернулось прямо-таки широким фронтом во всех частях города. Причем жилые дома строят как средней этажности, так и многоэтажные. В городе сегодня можно увидеть целые кварталы и комплексы новых построек. Причем встречаются кварталы, в которых на крышах каждого из домов установлены солнечные батареи. Или, например, квартал элитного жилья с символическим названием «Новый век», в котором отсутствует традиционный двор, а есть объединяющее все здания пространство с великолепным благоустройством, наполненное цветочными клумбами и скульптурой. Как видим, жилье имеет четкую дифференциацию – в зависимости от толщины кошелька будущего его владельца.

Правительством Харбина поставлена задача преобразования всех старых кварталов (старыми здесь считаются также кварталы, застроенные типовыми домами в 1960-70 годы) и превращение города в экологически зеленую зону, отвечающую современным санитарно-гигиеническим и эстетическим требованиям и пригодную для жизни человека в XXI веке. Улучшение качества окружающей среды рассматривается китайскими градостроителями не как самоцель, а как основное средство повышения продолжительности жизни, как стимул для физического и духовного развития человека. Не правда ли, знакомые слова о человеке, который будет жить при коммунизме.

С начала 1990 годов строители Харбина все большее внимание уделяют высотной застройке, понимая, что границы города не беспредельны. При этом места для высотной застройки выбираются свободные, на периферии исторического центра. На новом генеральном плане видно, что дальнейшее свое развитие город получает во всех направлениях, но по-разному. Теоретически обосновывая расширение территории, харбинские урбанисты трактуют, например, освоение новых территорий за рекой Сунгари как «скачок на север», преобразование восточной территории – как «обновление города», поскольку именно в этой части находится наиболее ранняя и ценная историческая застройка. Новая пространственная структура налаживает диалог со стилем исторических районов и одновре-

менно отражает современные тенденции в области строительства и архитектуры.

Харбин как один из крупнейших городов Китая ставит перед собой серьезную задачу противостояния экономической глобализации и давлению экономики крупных западных держав. Совершенствуя свою градостроительную структуру и реконструируя промышленность, город стремится кардинально улучшить жизнь горожан и поднять экономику на такой высокий уровень, который может составить конкуренцию продукции самых передовых в экономическом отношении стран. Являясь ядром крупной агломерации и обладая самой разветвленной инфраструктурой, Харбин имеет все потенциальные возможности для достижения поставленных новым генеральным планом целей и задач.

Лозанна

Женева

От Женевского озера до озера Байкал: две формирующиеся агломерации

Внешне Женева и Иркутск не имеют ничего общего. Кроме взаимной дружбы и расположения вблизи озера. Сложно найти точки соприкосновения между французской Швейцарией, наиболее значимым городом которой является Женева, и центральной частью Сибири, столицей которой является Иркутск. И тем не менее оба региона, несмотря на различия в размерах, плотности населения, климате, экономике и культурных традициях, столкнулись с одинаковой проблемой: их размеры и возможности не достаточно велики для того, чтобы обеспечить своими собственными силами свое будущее, и они должны решительно объединиться с соседними городами для того, чтобы укрепить свой статус региональной столицы и заставить уважать себя конкурирующие регионы и страны. Так, например, Иркутск планирует объединиться с соседними Ангарском и Шелеховым для того чтобы создать агломерацию в самом сердце Сибири, тогда как в Женеве полным ходом идут дебаты по поводу поисков решения проблемы нехватки территории и средств по сравнению с большими столичными регионами Франции, Италии и Германии.

Этот вопрос является предметом обсуждения всей Швейцарии. Несмотря на свои маленькие размеры, Швейцария делится на 26 кантонов. Эти административные единицы считаются слишком дорогостоящими, слишком маленькими, неповоротливыми и сложными для того, чтобы обеспечить экономическое и даже политическое будущее страны.

Многочисленные аналитические группы предлагают таким образом сократить количество административных единиц до 3-5 или 10 больших провинций в зависимости от разных обстоятельств. В Швейцарии, французской части, 10 лет тому назад политические движения даже выдвигали идею объединить кантоны Во (столица Лозанна) и женевский кантон. Однако эта идея с треском провалилась: 80% жителей обоих кантонов проголосовали «против». Таким образом, необходимо искать другие решения.

Дискуссии теперь ведутся о создании большой Леманской агломерации, которая объединит два крупных города – Женеву и Лозанну и более мелкие города, например Монтре, Вевей, Ньон, а также французский город Аннемас, в одно целое с населением в миллион жителей. Женевское озеро играет роль объединяющего элемента между этими городами, регион будет называться Леманской агломерацией или Леманской областью. Это не выставляет на показ Женеву и не принижает положения других городов, названия которых могли исчезнуть на фоне Женевы.

Для того чтобы быть успешным, это объединение должно строиться на нескольких фундаментальных принципах:

1) развивать общую инфраструктуру и средства сообщения между городами-партнерами: управление международным аэропортом в Женеве было, таким образом, открыто для Франции и представителей Лозанны. Планируется создание третьей автомобильной магистрали, а также линии железной дороги, чтобы соединить Женеву и Лозанну. Согласно политическому плану депутаты обеих провинций будут добиваться общих целей.

2) уважать традиционное самосознание и развивать общее самосознание на основе проекта объединения. Идея слияния не нашла поддержки, поскольку отрицала традиции, присущие каждому отдельному городу. Даже если не принимать во внимание особенности территории и кальви-

нистских протестантских традиций, Женева – это международный университетский город с высокой степенью урбанизации. Лютеранская Лозанна скорее имеет сельскохозяйственный и виноградарский профиль. Культура и экономика, и особенно налогообложение, заметно различаются.

Принимая это во внимание, необходимо несмотря ни на что развивать совместные проекты, которые объединят два региона и смогут шаг за шагом создать идею общего будущего. Для Женевы и Лозанны это – взаимосвязанные международные возможности. Женева известна своими международными организациями, являясь штаб-квартирой ООН, в то время как Лозанна стала международной столицей спорта с Международным Олимпийским Комитетом и Спортивной федерацией. Второе направление деятельности состоит в том, чтобы очертить контуры агломерации как научного региона, где расположены университеты, исследовательские центры и центры высоких технологий, и головные офисы мультинациональных компаний.

3) продвигать регион как единое и неделимое целое как перед федеральной властью, так и перед другими регионами и странами. Экономическое развитие, политическое видение, развитие инфраструктуры должны стать предметом взаимного сотрудничества, поскольку иностранцы не очень хорошо видят различия между отдельными элементами, составляющими регион. Таким образом, была разработана общая эмблема региона Женевского озера.

4) необходимо равенство между партнерами. К слиянию городов нельзя относиться как к слиянию предприятий. Для того чтобы преуспеть, необходимо разделять общие цели и уважать каждого из партнеров. Поэтому такого рода объединения требуют много времени, энергии и терпения. Много времени нужно, чтобы научиться видеть то, что объединяет, а не то, что разъединяет, поэтому все попытки сближения между Женевой и Лозанной на протяжении десятилетий терпели неудачу, поскольку многие состоятельные жители кантона Во ездили на работу в Женеву, но платили налоги кантону Во согласно государственному закону, с чем была не согласна Женева, поскольку именно ей приходилось финансировать общественную инфраструктуру. Отныне решено отложить решение этой проблемы и заняться более тщательно совместными проектами, которые каждый может финансировать на равных условиях.

Вот в нескольких словах ситуация, сложившаяся с Леманской агломерацией. Проект продвигается, уже налажены традиции сотрудничества. В Швейцарии из-за сложности демократических процедур изменения идут очень медленно. Можно двигаться и быстрее, но при условии соблюдения четырех вышеуказанных принципов. Я желаю удачи будущей агломерации Иркутск-Байкал.

текст

Ги Меттан,
исполнительный директор швейцарского клуба прессы, депутат Женевского парламента

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СРЕДА КАК ЦЕННОЕ ИМУЩЕСТВО город в точке бифуркации

текст

Константин Лидин

В современной градостроительной теории активно обсуждается проблема так называемых убывающих городов. Из этих городов десятками тысяч уезжают люди, оставляя пустующие здания, распадающуюся инфраструктуру, обесцененную недвижимость. Но не только население убывает в таких городах. Обескровливая целые регионы, из них утекает информационное содержание: интерес инвесторов, перспективы развития, привлекательность для трудоспособных мигрантов. Судьба убывающего города настаивает не только второстепенные и малоизвестные населенные пункты – «богатые и знаменитые» тоже оказываются в этом ряду. Вот несколько примеров:

Бремен, Германия (потеря населения за 1970-2000 годы составила 53 130 человек, что равно 8,93% от общей численности);

Дрезден, Германия (потеря населения за 1987-2003 годы – 36 187 человек, или 6,1%);

Бирмингем, Великобритания (потеря за 1960-2000 гг. – 98 070 человек, или 28,77%);

Цинциннати, США (потеря за 1950-2000 гг. – 172 710 человек, или 34,27%);

Бильбао, Испания (потеря за 1981-2000 гг. – 78 700 человек, или 18,18%)¹.

Существование убывающих городов выглядит вполне закономерным явлением, обратной стороной роста мегаполисов и мегалополисов. Быстрое, опережающее естественный прирост населения возрастание людности агломераций (например в нижнем течении Рейна) неизбежно сопровождается оттоком населения из других регионов (например из Саксонии) за счет внутренней миграции. Однако логичность происходящего вряд ли может служить утешением для жителей пустующих земель. Перспектива превращения некогда процветающих городов в обезлюдившие пустыри тревожна и печальна.

Сегодняшнее положение Иркутска обладает многими признаками так называемой бифуркационной точки развития (термин И. Пригожина²). Из точки бифуркации возможны два пути дальнейшего развития. Один путь ведет к росту и превращению Иркутска в «мегалополис регионального масштаба». Второй – к ситуации убывающего города. Тенденции и в ту, и в другую сторону отчетливо обнаруживаются в иркутской действительности. Заметим, что даже слабое воздействие на систему в точке бифуркации может повлиять на выбор траектории развития – то есть вызвать очень большие последствия.

Власти убывающих городов пытаются переломить уподобные тенденции, используя разнообразные приемы и подходы. Одним из самых перспективных «локомотивов» считается рост туристической привлекательности города. Все вышперечисленные убывающие города известны в архитектурной среде новейшими и очень яркими проектами (например музей Гугенхайма в Бильбао), которые замысливались и строились как туристические «магниты».

Поток туристов с точки зрения экономики представляет собой почти идеальный источник доходов. Потребляет он только услуги инфраструктуры (абсолютно возобновляемый ресурс), а приносит весьма серьезные суммы в конвертируемой валюте.

Давайте разберемся: что же покупает турист за свои доллары или евро? Проживание туриста в Иркутске обходится ему, по самому скромному расчету, в 30-50 USD в день, тогда как для среднего иркутянина день жизни в го-

роде обходится в 200-300 рублей. За что турист переплачивает трех-шестикратную цену жилья, питания, транспорта? Ответ прост: турист платит за впечатления, за переживания – за информацию. То же самое информационное содержание отличает цену книги от цены двухсот граммов бумаги плюс чайная ложка типографской краски.

О чем повествуют улицы и строения Иркутска? На каком языке? В каком состоянии находится «текст» и удобно ли его читать? Рассмотрим город Иркутск в качестве книги. Доступна ли восприятию туриста семантическая среда города?

В начале туристического сезона этого года популярная британская газета «Independent» опубликовала путеводитель для потенциальных посетителей Сибири³. Некоторые формулировки статьи настолько выразительны, что хочется процитировать их без изменений: «В Сибири космополитическая культура – не главное. Ее города – скорее база, с которой можно отправляться на исследование окружающей среды... По Сибири рассыпаны обломки государственного социализма. Коммунистическая партия свято верила в победу человека над его окружением, и некоторые сибирские города были намеренно построены в как можно более суровой среде, чтобы «доказать» способность человека покорять и завоевывать неприступную природу... Все доводы целесообразности их существования теперь забыты, население этих «экспериментальных» городов уменьшается в год на 10% по мере того, как жители уезжают. Примером странного наследия советской веры в «самосовершенствование через культуру» служит наличие в сибирских степях театров оперы и балета, например в мрачном во всем остальном городе Улан-Удэ».

Авторы путеводителя по Сибири упоминают всего несколько городов: Тобольск, Тюмень, Новосибирск, Томск, Барнаул, Иркутск, Улан-Удэ. При этом о Новосибирске, например, сказано лишь, что в этом городе мало привлекательного для путешественника. Единственная достопримечательность Улан-Удэ, по мнению авторов путеводителя, это Самая Большая в Мире Голова Ленина.

Абзац, посвященный Иркутску, чуть более благожелателен: «Иркутск – самый посещаемый сибирский город. Частично этим он обязан сохранившимся свидетельствам о ранних поселенцах, в том числе декабристах. Это офицеры, которые в 1825 устроили неудачное восстание против царя. Многие были отправлены в ссылку в это пустынное место вместе с женами и семьями. С того времени город стал столицей Восточной Сибири и воротами к озеру Байкал (см. ниже), которое находится в 70 км от города; туда можно добраться по дороге или на судне на подводных крыльях». Ниже следует несколько восхищенных абзацев о Байкале, причем автор путеводителя добавляет несколько личных строк: «Мое самое любимое выражение используется в бельгийских туристических книжках: «Наше озеро больше вашей страны».

Для британских журналистов Сибирь в целом и Иркутск в частности выглядят, как гигантская пустыня, в которой лишь изредка попадаются элементы, обладающие каким-то смыслом (семантические события). Книга, в которой короткие отрывки текста разделены тысячами пустых страниц.

Какая несправедливость! Неужели городская среда нашего города так уж пуста и бессмысленна, так бедна семантическим содержанием? Да нет же, очень многие строения и ансамбли в Иркутске обладают историческим и

1. Образ. Градостроительство. Убывающие города // ПроектInternational/ № 06 (13), 2006 г. – С. 110.

2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Наука, 1986 г.

3. Neil McGowan, Simon Calder/ Guid to Siberia // The Independent, 17 июня 2006 г. / Пер. ТАЙГИ.info <http://taigainfo.ru/foreign/>

культурным смыслом – но почему эта информация не воспринимается туристами?

Рассмотрим самый простой случай: архитектурный объект (здание), один из фасадов которого представляет собой семантическое событие. Например, здание Управления Восточно-Сибирскими железными дорогами. Его фасад, выходящий на улицу К. Маркса, – яркий образец стиля «сталинский ампир», исторически и идеологически очень содержательного явления советской культуры. Лучше всего этот фасад воспринимается фронтально, с противоположной стороны улицы. В этом положении зрителя средний угол зрения (90° по горизонтали) не позволяет увидеть весь фасад, «вырезая» лишь его центральную часть (схема 1). Чтобы воспринять фасад полностью, следует рассмотреть его под несколькими углами – пройти вдоль улицы. Физиологи уверяют нас, что полноценное восприятие продолжается, пока угол между лучом зрения наблюдателя и плоскостью фасада не станет меньше, чем 45° .

Область, выделенная на схеме штриховкой, составляет так называемый «конус визуального восприятия». Внутри конуса располагаются одна или несколько точек оптимального восприятия. Как показали исследования Научно-исследовательского и проектного института градостроительства⁴, оптимальное расстояние от зрителя до объекта таково, чтобы визуальные размеры объекта составляли от трети до половины горизонтального размера поля зрения (визуального кадра). Из геометрических соображений видно, что в таком случае оптимальное расстояние равно горизонтальному размеру объекта либо больше него в один-полтора раза.

В более сложном случае (например, если расстояние

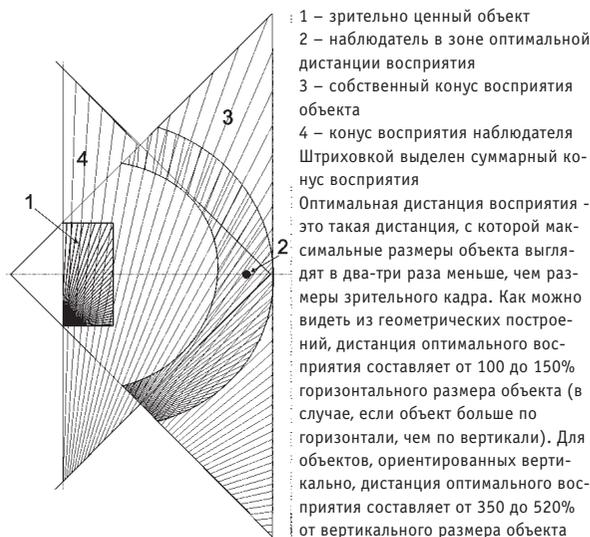

Схема 1. Отдельно стоящий объект с единственным фасадом, представляющим зрительную ценность. Построение конуса восприятия

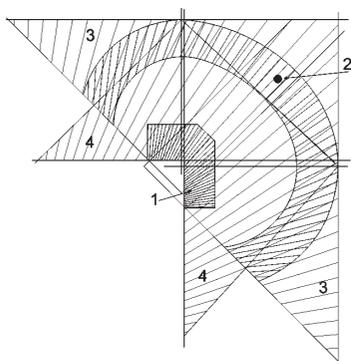

Схема 2. Отдельно стоящий объект с двумя фасадами, представляющими зрительную ценность

между наблюдателем и объектом может меняться, а интерес представляет не один фасад, а два) конус восприятия приобретает более сложную форму (схема 2). Однако в любом случае внутри конуса восприятия не должно быть посторонних объектов, заслоняющих (экранирующих) интересующий зрителя объект. Требование простое и очевидное, но как же часто оно нарушается на иркутских улицах!

Один из наглядных примеров нарушения законов зрительного восприятия представляет собой памятник на углу улиц Первой Советской и Декабрьских Событий – танк «Иркутский комсомолец». Можно очень по-разному относиться к социалистической идеологии и к советскому строю, но вряд ли кто-то станет отрицать историческое и культурное значение Великой Победы. Старенькая «тридцатьчетверка» многое могла бы рассказать туристам (да и жителям города – по крайней мере, молодым). Насколько ее рассказы доступны зрителю? Что происходит внутри конуса восприятия памятника?

С двух сторон конус восприятия памятника ограничен оградой музея-усадьбы Сукачева. С двух остальных сторон имеют место крупные транспортные потоки. Размеры памятника, включая постамент и площадку вокруг него, – около двадцати метров, что дает нам оптимальную дистанцию восприятия 20–30 метров. В результате с оптимальной дистанции танк можно увидеть и сфотографировать «профиль» – со стороны магазина «Коробейники» и «анфас» – со стороны остановки общественного транспорта в направлении площади Декабристов. Профильное восприятие памятника затруднено тем, что левая сторона улицы Советской заметно выше, чем правая, так что от «Коробейников» танк смотрится в искажающем восприятии ракурсе – сверху.

Вдоль улицы Советской ракурс оптимальный и дистанция восприятия памятника наиболее длинная, и, следовательно, имеется больше всего возможностей для его разглядывания и фиксирования. Заметим, что для фотографирования удобнее выбирать расстояние несколько больше оптимального и компенсировать его функцией «зум» фотоаппарата.

Однако именно здесь у зрителя возникают сложности. С максимальной дистанции – от остановки (фото 1) – памятник выглядит очень маленьким, расстояние гораздо больше оптимального. Но уже из этой точки видно, что конус восприятия танка экранирован множеством объектов. В поле зрения оказывается громоздкая конструкция из

Фото 1

Фото 2

сдвоенных биллбордов (суперсайт). Рекламистов можно понять: оживленная магистраль, интенсивный транспортный и пассажирский поток – место для размещения рекламы очень выгодное. Кроме того, несколько лет назад на «островке» были размещены декоративные светящиеся конструкции (что-то вроде очень больших одуванчиков из трубок «дюралайт»). В этом году «одуванчики» были дополнены металлическими этажерками с висящими на них цветочными горшками. И те, и другие конструкции активно вторгаются в конус восприятия памятника «Иркутский комсомолец», они неизбежно оказываются в кадре, какую бы точку вблизи оптимального расстояния ни занимал зритель (фото 2).

При дальнейшем приближении к памятнику, когда «этажерки» скрываются из виду, зритель уже оказывается на проезжей части, где ему, понятное дело, не до созерцания памятников. А затем, перейдя дорогу, он попадает вплотную к танку – гораздо ближе оптимальной дистанции восприятия.

Какой смысл заключен в декоративных и рекламных

конструкциях, экранирующих памятник в честь Великой Победы? О чем расскажут зрителю (туристу, иркутянину) «одуванчики» и «этажерки»? Как связаны висящие в воздухе цветочные горшки и неуклюжие рекламные треножники с семантической средой Иркутска, с его историей, с его уникальным имиджем, климатом, географическим положением?.. Детская радость от ярких цветов и бегущих огоньков рядом с памятником чем-то похожа на раскрашивание фломастерами скучной взрослой книжки про войну – прямо поверх текста.

Хаотическая экранированность конусов восприятия наблюдается у большинства архитектурно-исторических объектов Иркутска. Иногда причины выглядят естественно: например, вокруг комплекса Крестовоздвиженской церкви так разрослись деревья, что здание практически полностью скрылось из виду. Однако гораздо чаще семантические события города теряют способность к восприятию в результате непродуманной застройки и, главное, – беспорядочного размещения крупноформатных объектов рекламы. Многие здания и комплексы, интересные для туристов, и так выглядят неважно и давно уже просят ремонта. Когда же рядом с потрепанным фасадом замечательного здания Русско-Азиатского банка оказывается супер-яркая конструкция с очередным «Мы открылись!!!» – впечатление от памятника архитектуры оказывается полностью разрушенным.

Виды на памятники истории и архитектуры являются ценным имуществом. Эти зрительные кадры и конусы восприятия приносят доход и способствуют развитию региональной экономики – но только в том случае, когда их семантическое наполнение удобно для восприятия. Когда о зрителе заботятся, подсказывают ему наиболее выгодные и эффектные точки для созерцания и фотографирования, когда интересные кадры не перегорожены случайными объектами – тогда благодарный зритель готов платить.

Отсутствие заботы о семантической среде города и ее восприятию – это тоже форма выбора в точке бифуркации. Если дать дополнительный шанс визуальному хаосу, то вырастут шансы поворота Иркутска по траектории убывающего города. И кто знает, не окажется ли в итоге дорогостоящая реклама чем-то вроде кучки пестрого мусора посреди обезлюдившего пустыря.

Summary

Page

American Organic Architecture (and thoughts on the history of its' ideals)

The history of architecture in the United States, particularly residential design, was for many years dependent on the traditional building methods of the many immigrant cultures that populated the United States. One must remember that the country grew largely because of the flow of people from around the globe, but the greatest influences came from the European nations. So, as the original settlers to the countryside and the peoples that helped build the industries of the cities began to build homes, the styles and methods most often reflected the traditions of their homelands, giving rise to the Victorian, the Queen Anne and similar historic «styles». Architecture was but imitation based on peoples' experiences, traditions, culture and heritage.

Early American architectural design was conformist, inasmuch as it followed the traditions of the Europeans with little self-inspiration. In fact, one of the most telling examples of the lack of individual creative inspiration was uttered by the Reverend William Henry Furness, father of the architect Frank Furness during the Fourth Annual Convention of the American Institute of Architects in Philadelphia on November 9, 1870 when he said: *«With all our freedom, we do not tolerate oddness. We insist, in this country, upon everything's being cut to one pattern».*

Contrary to this statement by the Reverend Furness, America has encouraged and fostered innovative genius and nonconformity, even though it has not always recognized its importance. Our built environment – architecture – is a case in point. Throughout the first century of our nation's history, emphasis was placed on gaining freedom and defining what the American democratic structure should be. Architectural styles reflected the past, both in a technical sense and in terms of our traditional ties to the culture and architecture of Western Europe. Technically, men built with the tools, materials and craftsmanship brought with their immigration. Regarding style, there was a similar continuation of tradition and borrowing patterns. For example, Thomas Jefferson's revival of the architecture of the Roman Republic became a symbolic and stylistic model for virtually every type of public building. In the early 19th century, a vogue for the Gothic saw spires and intricate tracery ornament inspired by the great cathedrals of Europe gracing even the most humble wooden frame structures. Throughout the 19th century the revival styles flourished, growing more eclectic as various styles and their motif were mixed.

But the 19th century also saw many changes taking place in America. With the political and economic success of the new nation, the desire for a greater degree of cultural independence also grew. Given an expanding technology, prosperity and a climate that supported free-thinkers and original ideas, a few early architects began to see possibilities for experimentation and expansion beyond the dictates of European architectural styles. It was this development, this movement based on defining and creating an indigenous American architecture that ventured beyond the mere creation of a new style. It embodied an approach to design that recognized and continues to recognize the ideals of American culture, while responsive to social and technological changes in a rapidly moving society.

Louis H. Sullivan (1856-1924), who has often been called «the father of modern American architecture», promoted the ideal of a design process which «grow from within» and his later works, although commercial buildings, a series of small «jewel-box» banks scattered throughout the American Midwest, present

a high point in the integration of form and function. Sullivan was the one whose statement «form follows function» became the root of contemporary architecture. Even his high individualized ornament, which some have seen as being reminiscent of the flowing Art Nouveau style, served to emphasize and not disguise the function-dictated form of a structure.

Louis H. Sullivan's importance in the movement toward a modern American approach to architecture can only be partly judged by his buildings. Far more significant was the role he played as philosopher and teacher. Eloquently expressed in his writings and lectures, Sullivan's ideas were also transmitted to the next generation through the young men gathered around him and who came to work in his architectural office. Most important and well-known of these young men was Frank Lloyd Wright (1867-1959), who came to work as a draftsman in Sullivan's studio in 1888.

The role played by Frank Lloyd Wright, who began his own office in 1893, in the development of modern American architecture cannot be overstate. It was Wright who was able to give the philosophy of Louis H. Sullivan its highest architectural expression. Wright translated Sullivan's dictum «Form follows Function» to «Form is Function». And, as Wright's own ideas developed and matured his practice of an «organic» architecture stressed and honest use and expression of materials, a respect for the environment, an integration of structural and aesthetic beauty and, above all, a sensitivity to human life. As Wright stated, *«...Architecture which is really architecture proceeds from the ground, and somehow the terrain; the native industrial conditions, the nature of the materials and the purpose of the building must inevitably determine the form and character of any good building».*

The first manifestation of this ideal came as early as the 1890's with the creation of what is now described as the «Prairie School». Echoing the flat terrain of the American Midwest Prairies, Wright's early work stressed horizontal planes with bands of windows and low, wide rooflines. Natural wood, brick and stone were used both inside and out, and every attempt was made to integrate interior and exterior spaces. To Frank Lloyd Wright, the integrity of architecture was not defined merely by its walls and roof, but by the space within. It is with justification that, as an architect, Wright is credited with «the destruction of the box» in architectural design.

Wright's impact raced through the early 20th century with his ideals of the «Prairie School» and his William Winslow House of 1893 changed how Americans thought about domestic architecture. Fifteen years later the impact of the design of the Frederick Robie House in Chicago again changed residential design thought in America. And, throughout his 72 years of architectural practice, Frank Lloyd Wright continued to change the course of American design thought. Significant was his designs for the California concrete block houses, integrating architecture, structure and ornament into one building element. Then at the same time he was designing the Johnson Wax Company buildings in Racine, Wisconsin, he conceived the idea of the «Usonian» house, the prototype for the modern American ranch home and the masterpiece «Fallingwater», a summer residence in Pennsylvania for the Edgar Kaufmann family. It is certainly a legacy that Frank Lloyd Wright gave to architects worldwide.

Frank Lloyd Wright's own home and studio was also a school, the Taliesin Fellowship he called it. Young architects from around the world have apprenticed with Wright and those that

Brian Spencer, AIA / IAA is a registered architect with 32 years of experience. He has worked domestically throughout the United States, as well as internationally in Europe and the Pacific Rim. In 1975 he initiated the Prairie Archives / Department of Architecture at the Milwaukee Art Museum and became the first Curator for Architecture with the museum. In 1976 he designed and curated the 11,000 square foot exhibition *An American Architecture: Its' Roots, Growth & Horizons* and was editor of the book *The Prairie School Tradition*. Brian has lectured on Frank Lloyd Wright and American organic architecture for over 65 major museums, universities and professional societies in 19 countries. Brian is a member of the American Institute of Architects and serves as liaison to the International Union of Architects on the Work Group for Science & High-Tech Buildings.

Spencer is one of only five American architects elected a foreign member of the Russian Academy of Architecture & Construction Sciences. He is both Professor and Academician in the International Academy of Architecture in Sofia, Bulgaria and serves on its' Academic Council. And he was also elected Honorary Visiting Professor at the Politechnika Gdanska in Gdansk, Poland. Brian is an adjunct faculty member of the Frank Lloyd Wright School of Architecture and serves on the Board of Directors of the Frank Lloyd Wright Wisconsin Heritage Tourism Program. His current research includes completion of a monograph on Frank Lloyd Wright's «Ocotillo» desert camp (1929) as well as completion of a lengthy study of Frank Lloyd Wright's work for Wisconsin with anticipated publication in 2006.

stayed to be part of his community. It was and education of learning by doing. And, the greatest lesson to be taught was «*interpretation not imitation*». The root of the education was to understand the principles of «organic» architecture and be able to state them in your own design terms. And as such, the variety of expression reaches in many directions, from modulated rhythms to more amorphic forms. But, it is not just the form of a building, the image that one sees, rather it is the commitment to a philosophy of architecture, believing in one's self, not the lesser or greater degree to which one thinks it can be applied. The principle lies in being true to one's history, one's culture and one's self.

By all means, when architects and clients are truthful to their heritage, responsive to nature's beauties, respectful of the materials they chose to use, and honest to one another about their goals and anticipations, truly great buildings, large or small, will be the crescendo of their efforts. When we deceive ourselves of who we are or negate histories and traditions, we lose ourselves and our spirit.

«Looking back upon this enormous deposit to man's credit, and keeping mind that just as man was in his own time and place so was his building in its time and place, we must remember that architecture is not these buildings in themselves but far greater. We must believe architecture to be the living spirit that made buildings what they were. It is a spirit by and for man, a spirit of time and place. And we must perceive architecture, if we are to understand it at all, to be a spirit of the spirit of man that will live as long as man lives. It begins always at the beginning. It continues to bestrew the years with forms destined to change and to be strange to men yet to come».

Frank Lloyd Wright
The Future of Architecture

Architecture as a product of the creative and imaginative spirit can excite our daily lives. It can contribute to a richness of living that extends our senses, perceptions and anticipations. As Sullivan and Wright were protagonists of contemporary American architecture, we continue to have architects and designers sowing the seeds of an indigenous American design in a similar manner. That effort is undertaken with the same degree of vigor and vitality that germinated the «Prairie School». What has changed are the materials and technologies available to each succeeding generation. While possibly using uncommon materials or unfamiliar forms, today's «organic» architects interpret these principles with their own spirit.

«With all our freedom...» we do tolerate (and expect) an approach that encourages individuality and thus is an expression of the freedom of spirit that we all cherish.

Brian A. Spencer

Page

Short Annotation

The territory for building the Business complex with underground parking is located in the area of Butyrsky Val Str. and is separated from it by a railroad.

The site with the area of 1.0 hectare, length of 180 m. and width of 50-60 m. adjoins Bumazhny Proezd. To the left there are premises of the «Pravda» industrial complex.

Development of the road network with widening of Bumazhny Proezd and building of a trestle bridge over the railroad suggested by the Research and Design Institute of the Master Plan was taken into account in the project.

Principle to use one type of building in its different arrangement on the site (mirror-like or extended) serves as a basis for composite decision.

The project provides 3 tower-type office buildings united by one 4 level underground parking.

The buildings have a rhombic form in the plan and are shifted relative to each other. It allows increasing the field of view from their rooms.

Less favourable «juxtaposed» places are occupied by stair and lift blocks.

Office buildings have equal lay-out and equal constructive decision.

Two office buildings are 30-storeyed, one building is 17-storeyed. Storey reduction of the building (building 1) in the south part of the site is caused by providing necessary insolation in the existing residential development.

Side facades of the buildings incline at an angle of 2.3° to the vertical. Controls on the side facades additionally intensify the effect of the incline. The facades are made of metal, glass, natural stone.

On the first floor of the buildings there are entrance halls, engineering rooms, service enterprises.

On the second floor there are a canteen and meeting rooms. Under the buildings 1,2,3 the entries to the underground parking are provided.

The parking lot is divided into 3 independent sections.

The first floor is 5.2m.-5.4m. in height.

The entry to the territory and the exit are designed taking into consideration a future reconstruction of Bumazhny Proezd. Passages and approaches to each building with firm concrete paving are provided on the territory. Most of the territory is tiled. It provides for foot connections between the buildings and passing and stopping automobiles there.

Constructive Decisions

The principal bearing structures of the building are walls, floors and columns made of cast-in-place concrete. It is possible to use metal concreted columns as a variant.

Solid reinforced concrete slab on natural or artificial (pile) basis is used as a foundation of the building.

Because of considerable depth of the excavation (to 13m.), a grooved pile or «wall in the ground» (it depends on hydrogeological conditions) are used as its fencing.

Interior partitions are made of plasterboard or brick, depending on the purpose of the rooms.

Exterior walls form a ventilated facade in combination with stained glass constructions.

Page

Private Country House «Zhukovka»

address: Zhukovka village, Odintsovsky district, Moscow region

Authors: A.Savin, A.Cheltsov, M.Labazov, E.Akimova, A.Veis, K.Pospelov, U.Pekhova

The site is located in the VIP-zone of the village Zhukovka, in the wood. It has an irregular shape and occupies about 4 hectares.

At the entry to the site there is a separate entry block. The building of the entry group consists of guard rooms, engineering rooms and a garage. The building has a long form, it is situated in the south-west and cuts off the boundary with the neighbouring site.

The principal house is a two-storeyed (including the basing level) building with superstructures.

The principal volume is curvilinear in the plan with rectangular detached blocks, coming outside.

The basement: there are a public group, a service group and

an engineering group of rooms on the basing level. The central and the principal part of the basement is occupied by a pool (with Jacuzzi and recreation area). The whole basement looks through stained glasses into an open terrace. A gym with a solarium and a billiard room, a home movie theatre, an entry hall with a panoramic lift, a changing room, a toilet and a «public» staircase leading upward, a Turkish bath and a sauna with shower cubicles, a massage room are open to the basement.

The 1st floor is a principal dwelling level. Its space is divided by a winter garden into a public sitting and a private family areas.

The principal entry to the building and the sitting area is designed through the entry block. From the direction of the sitting room there is also a «public» staircase in this block, which connects all the levels of the house. In the separate sitting space there are a sitting room, a fireplace room with a sofa group, a dining room and a panoramic lift (to the basing level and the roof), a kitchen with an open fireplace. The entry to the family area goes through the winter garden, in which there is a block of guests' bedrooms with separate bathrooms and changing rooms.

Page

Office Trading center «Novinsky 31»

address: Novinsky boulevard 31, Moscow

Authors: A.Savin, A.Cheltsov, M.Labazov, M.Davydova, E.Mavrinsky, E.Grusov, D.Sporykhin, M.Sapozhnikov, E.Leschikova

This new building on Novinsky boulevard 31 is one of the biggest office and trading complexes in Moscow built recently.

The total area amounts to 68000 sq.m., including offices that occupy 36700 sq.m. A big trading center of 10200 sq.m. is located on the first three floors.

The «A-B» Architectural Bureau has designed the interiors of public zones in this building, which include principal entries to the building, lift halls, trading halls etc.

Taking into account an ultra-modern engineering interior of the building, it was decided to design the principal entries to the building in an acutely modern trend, using the most modern materials and technologies.

The principal entries are designed in one style - the walls are tiled with coloured glass panels, behind which there are luminaries placed chaotically. Different entries to the building are emphasized with different colour of the glass.

In the main office entry, from Kudrinskaya Square, the panels are harsh yellow. The entry from the park is white, the panels in the trading entry are blue. The round form of the plan of the main yellow office entry is emphasized with a concentric pattern of the flagstones of the granite floor and segments of the metal framework of the translucent hung ceiling. A stretched fabric of reticular braiding with an open system of bonding to the ceiling allows to include the engineering systems arrangement in the interior and also to place the upper light system behind the ceiling. The central part of the circle is occupied by a laconic white reception made of corean. Similar techniques are applied to the

side white entry to the office part. Only engineering systems and luminaries of the upper light are fixed openly. The central blue entry to the trading area differs in the floor material: big (1000x2000 mm.) slabs of white conglomerate and strings of tubular luminaries on the hung ceiling. The fences of the entry tiers are glass panels with raster drawing. In every entry there are interactive monitors built in the stainless steel cases on the glass surface of the walls.

Page

Semantic Environment as Valuable Property Town at the Point of Bifurcation

The problem of so-called decreasing towns is actively discussed in the contemporary town planning theory. Thousands of people leave these towns together with deserted buildings, degrading infrastructure, depreciated immovables. But not only population decreases in such towns. Information content exhausts whole regions when flowing away: that is investors' interest, development trends and attraction for able-bodied migrators. The decreasing town destiny overtakes not only secondary and unknown settlements, rich and well-known towns are also among them.

Irkutsk's situation today has many characteristics of the so-called bifurcation point of development. There are two possible ways of further development from the bifurcation point. One of them leads to growth and turns Irkutsk into «megalopolis on a regional scale». The second way leads to decreasing. In Irkutsk reality there are distinct tendencies to both ways. Even weak impact on the system at the bifurcation point can influence on the choice of development way, that is to cause very big consequences.

The authorities of decreasing towns try to overcome decline tendencies, while using different methods and approaches. The growth of tourist attraction of the town is considered one of the most available.

Very many buildings and ensembles in Irkutsk bear historical and cultural sense. But why tourists do not perceive this information?

Most of architectural and historical objects in Irkutsk have chaotic screening of perception cones. Sometimes the reasons look natural: for example, around the complex of Holly Cross church there are so many trees that the view of the building has almost disappeared. However, more often semantic events of the town lose opportunity to be perceived as a result of reckless development and, principally, of disorderly placement of large-format advertisements.

Lack of concern for semantic environment of the town and its perception is also a form of choice at the bifurcation point. If to give an additional chance to visual chaos, the chances of turning Irkutsk to the way of decreasing town will only grow. Who knows, maybe, as a result of it, the expensive advertisement will turn into a heap of many-coloured rubbish in the middle of deserted ground.

Konstantin Lidin

Below is published Guy Mettan's article in its original French language.

Page

Du Lac de Geneve au Lac Baikal: deux metropoles en construction

En apparence, Geneve et Irkutsk n'ont rien en commun. A part une amitie reciproque et la proximite d'un lac, il est difficile de trouver des points communs entre la Suisse francophone, dont Geneve est la ville la plus importante, et la Siberie centrale, dont Irkutsk, est la capitale. Et pourtant les deux regions, malgre les differences de taille, de densite de la population, de climat, d'economie et de traditions culturelles, sont confrontees au meme probleme: elles sont trop petites et trop limitees pour assurer, avec leurs seuls moyens, leur avenir et elles doivent imperativement s'unir a des villes voisines pour renforcer leur statut de metropole regionale et s'imposer face aux regions et aux pays concurrents.

C'est ainsi qu'Irkutsk projette de s'unir aux villes voisines d'Angarsk et de Chelekhov pour constituer une megapole au cœur de la Siberie, tandis qu'a Geneve le debat fait rage pour trouver des solutions a l'exiguite geographique et a l'insuffisance des moyens face aux grandes regions metropolitaines de France, d'Italie et d'Allemagne.

Ce debat est propre a toute la Suisse. Malgre sa petitesse, la Suisse est divisee en 26 cantons. Ces unites administratives sont jugees trop couteuses, trop petites, trop lourdes et trop complexes pour assurer l'avenir economique et meme politique du pays. De nombreux groupes de reflexion proposent donc de reduire ce nombre a 3, 5 ou 10 grandes provinces selon les cas. En Suisse, romande, il y a dix ans, des mouvements politiques ont meme lance l'idee de fusionner les cantons de Vaud (dont Lausanne est la capitale) et de Geneve. Mais l'echec a ete fracassant : le peuple des deux cantons a refuse cette option a 80% des voix. On cherche donc d'autres solutions.

Les discussions s'orientent desormais autour de la constitution d'une grande metropole lemanique qui regrouperait les deux grandes villes de Geneve et Lausanne et les villes plus petites de Montreux, Vevey, Nyon ainsi que la ville francaise d'Annemasse dans un ensemble qui atteindrait environ un million d'habitants au total. Le lac Lemane (Lac de Geneve) faisant office de point commun entre ces villes, la region prendrait le nom de metropole lemanique ou de Bassin lemanique. Ce qui a pour avantage de ne pas mettre Geneve trop en evidence et de ne pas vexer les autres villes dont les noms seraient menaces de disparaître au profit de Geneve.

Pour reussir, ce rapprochement doit respecter quelques principes fondamentaux :

1) developper les infrastructures communes et les moyens de communication entre les villes partenaires : la gestion de l'aeroport international de Geneve a ainsi ete ouvert a la France et aux representants de Lausanne. On projette de construire une troisieme voie pour l'autoroute et la ligne de chemin de fer qui relie Geneve a Lausanne. Sur le plan politique, les deputes des deux provinces militent dans la meme direction.

2) respecter les identites traditionnelles et developper une identite commune autour d'un projet rassembleur. Le projet de fusion a echoue parce qu'il niait l'histoire et les traditions propres a chaque ville. Sans territoire et de tradition protestante calviniste, Geneve est universitaire, internationale, tres urbaine. Lausanne est lutherienne et plus enracinee dans une region agricole et viticole. La culture et l'economie, et surtout la fiscalite ne sont pas les memes. Cela reconnu, il convient malgre tout de developper des projets communs, qui rassemblent les habitants des deux regions et puissent peu a peu forger l'idee d'un destin commun. Pour Geneve et Lausanne, ce pourrait etre la vocation internationale, Geneve etant connue pour ses organisations internationales liees et le siege europeen de l'ONU tandis que Lausanne est devenue la capitale internationale du sport avec le CIO (Comite international olympique et federations sportives). Un deuxieme axe est de profiler l'ensemble de la metropole comme une region du savoir, avec ses universites, ses sieges d'entreprises multinationales et centres de recherche et de haute technologie.

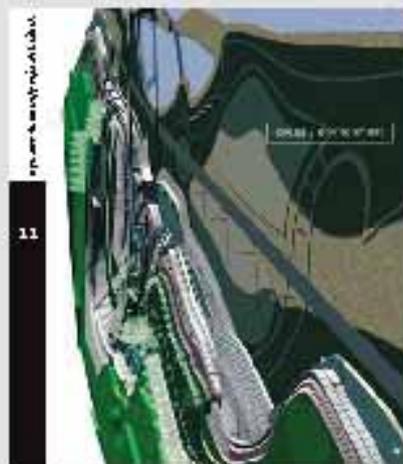
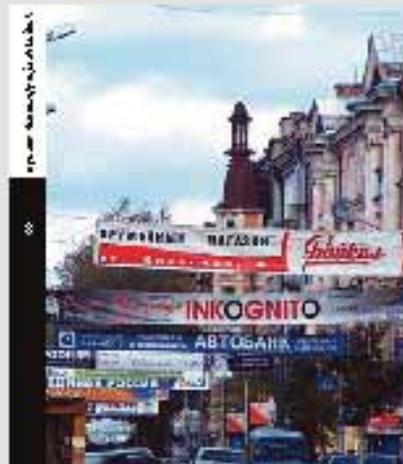
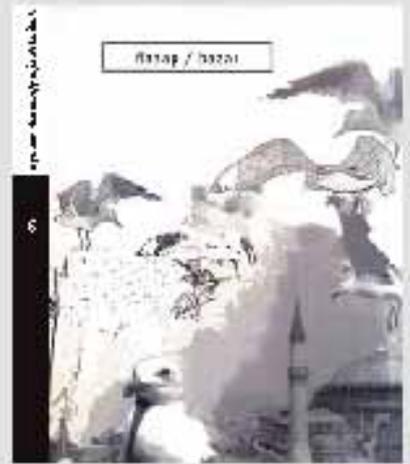
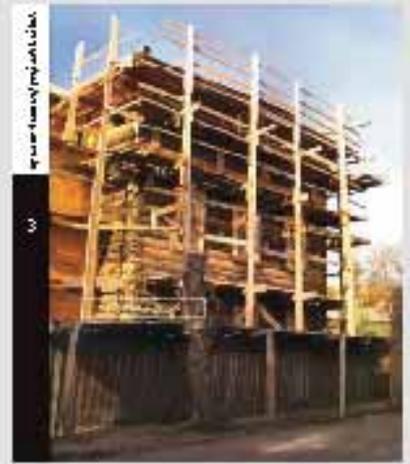
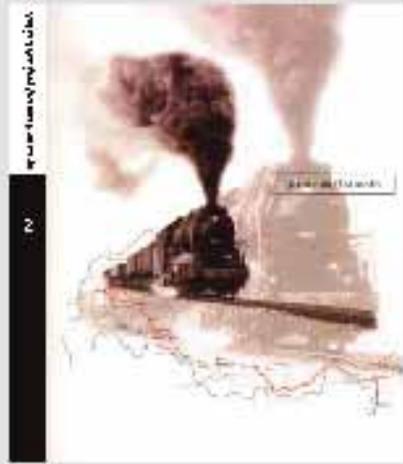
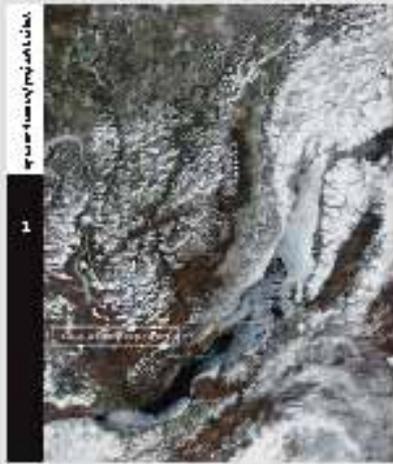
3) promouvoir la region comme un ensemble coherent et solidaire tant aupres des autorites federales, des autres regions du pays que vis-a-vis de l'etranger. La promotion economique, la vision politique, le developpement des infrastructures, le tourisme doivent faire l'objet d'une communication commune car les etrangers ne font pas tres bien la difference entre les divers elements qui composent la region. Un label commun a ainsi ete cree sous l'appellation de Lake Geneva Region.

4) L'equilibre entre les partenaires doit etre respecte. On ne rapproche pas des villes comme on fusion des entreprises. Pour reussir, les objectifs doivent etre partages et chacun doit etre respecte. C'est pour cela que de tels rapprochement consomment beaucoup de temps, d'energie et exigent de la patience. C'est tres long d'apprendre a voir ce qui unit plutot que ce qui separe. C'est ainsi que toutes les tentatives de rapprochement entre Geneve et Lausanne ont, pendant des decennies, echoue parce que beaucoup de riches habitants du canton de Vaud viennent travailler a Geneve mais paient les impots dans le canton de Vaud selon le droit national, ce que Geneve trouve injuste car c'est elle qui doit financer les infrastructures publiques. Desormais, on a decide de laisser le probleme en suspens pour s'attaquer seulement aux projets communs, que chacun peut financer de facon equitable.

Voila en quelques mots, l'etat d'avancement de la metropole lemanique. Le projet avance, des habitudes de collaboration sont prises. En Suisse, a cause de la complexite des procedures democratiques, les changements sont tres lents. Il est donc possible d'aller plus vite. Mais a condition de respecter les quatre principes enonces plus haut. Dans cette perspective, je souhaite donc bonne chance a la future megapole Irkutsk-Baikal !

Guy Mettan,

directeur executif du Club suisse de la presse
et depute au Parlement genevois

АРХИТЕКТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Приобрести журнал можно:
 Дом архитектора,
 пер. Чернышевский, 1а
 и в пункте выдачи проектов,
 ул. Степана Разина, 27, оф. 501

Иркутск
 архитектурный факультет,
 методический кабинет

редакция журнала «Искусство в архитектуре»
 ул. Лермонтова, 128, оф. 328, 339